
ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИСТИНА
И рече
Олегъ
Кіевъ
се буди
мати
градамъ
рускимъ
ВИЛЬНА
1869

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VII—1869.

КНИЖКА X.

ТОМЪ IV.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1869.

Дозволено Цензурою 1-го декабря 1869 года. Вильна.

I.

№ 10.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ДРЕВНЕМУ ПРАВОСЛАВІЮ И ГРЕКО-УНІЯТСКОМУ ИСПОВѢДАНІЮ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Грамота галицкаго князя Льва Даниловича, на Лавровскій монастырь, владыкѣ Антонію. 1292 г.

А се я князь Левъ. Сынъ короля Даніила. Сгадавшися есьмо с нашими Бояры яко прадѣдъ нашъ царъ великый Володымеръ и отецъ нашъ придалъ митрополитомъ и епископомъ по всѣмъ землямъ русскимъ. Такожъ и мы Богу и Пречистой Богоматери и святому прѣподобнымъ Оцу Ануфрію дали есьмо монастырь Лавровъ Антонію Владыцѣ яко нашъ дядько князь великый Лаверъ, придалъ у Богомольство. Почениши отъ потока Солтышки кобылы на едину сторону, верхомъ потока Солтышки и Прохырова, роздѣлимъ до высакои поляны и верха Лѣнины, а на другую сторону презъ поле и рѣку Лѣнину, у Гору по знакы отъ костела монастыря границѣ поверхъ потока Семенова и Лѣнинкы малои верхомъ потока великаго презъ Уровыи верхомъ Лѣнины боль-

шей до поляны высокои, далисьмо со всѣмы пожитки монастыреви с польши и лѣсомъ и стави и млиными и медовыми данми у богомольство абы за насъ Бога прошено и за наши предкы, кому Богъ дастъ у тои святои церкве быти на вѣкы вѣчно. А въ тое дѣти наши да неуступаются и по нихъ будущіи, и да неудалено будетъ отъ того монастыря выше писаннаго. А кто уступитх на мое слово, судъ ми с нимъ прѣдъ Богомъ и да будетъ клятва Божія на немъ и святыхъ отецъ ТИІ. (318), въ сій вѣкъ и во будущій у день страшнаго суда Божія. На то есмо грамоту нашу дали, и печать свою привѣсили. А при томъ были свѣдци. Митрополитъ Галицки, с крылоса Антони и владыка премысцки Ларіонъ и князь Андрей Ярославичъ, и панъ Васко и иныхъ бояръ много было прытомъ. А писана и дана грамота у Премышли, въ пятокъ мѣсяца октоврія у (2) день лѣта (6800). А писецъ Захарія Векоръ.

Ту печать завесится.

Примѣчаніе. Выше писанный 577 лѣтній документъ въ копіи, писемъ харатейно подъ титлами на славянскомъ языкѣ. Выданъ княземъ галицкимъ Львомъ Даниловичемъ, сыномъ знаменитаго Даніила Романовича галицкаго короля, потомкомъ св. равноапостольнаго князя Владиміра, — Лавровскому монастырю, на имя епископа Антонія. Теперь монастырь не существуетъ; а село Лавровъ, какъ видно, получившее названіе отъ монастыря, какъ и самий монастырь, или во имя св. мученика Лавра, или отъ основателя упоминаемаго въ документѣ великаго князя Лавра, находится Луцкаго уѣзда въ 1 благочинническомъ округѣ *). Церковь въ ономъ во имя Покрова Богоматери. Св-

*) Скорѣе въ документѣ этомъ говорится о древнемъ Лаврашевскомъ монастырѣ, существующемъ и въ настоящемъ времени не далеко г. Новогрудка Минской губерніи. Это большой монастырь съ великолѣпной каменной церковью. Въ [illegible] ховъ, а въ послѣдствіи было резиденціей уніятскихъ митрополитовъ и епископовъ.

[illegible] Владиміръ Квасницкій, ничего о древности своего прихода не заявлялъ, покрайней мѣрѣ, печатно. Документъ находился въ бѣлостокскомъ архивѣ потому, что основатель бѣлостокскаго монастыря и церкви, православный епископъ Сильвестръ Гулевичъ Воютинскій, съ 1640 года, былъ епископомъ премышльскимъ; а въ г. Премышлѣ, писана и самая грамота, которая по смерти сего епископа въ своемъ монастырѣ с. Бѣлостокѣ, и осталась въ здѣшнемъ архивѣ.—Впрочемъ подлинникъ не отысканъ.

Села Бѣлостока, священникъ *Василій Абрамовичъ*.

2.

Копія отношенія графа Ивана Васильевича Гудовича, къ уніатскому бискупу Левинскому отъ 13 апрѣля 1800 г. за № 505. *).

Ваше преосвященство! Извольте быть извѣстны, о послѣдовавшихъ относительно уніатскихъ монастырей здѣшнихъ губерній Высочайшихъ имянныхъ указовъ, изъ коихъ, блаженныя памяти Государыни Императрицы Екатерины II даннымъ 1795 года сентября 3 дня бывшему въ здѣшнихъ губерніяхъ генералъ-губернатору Тутолмину въ 5 пунктѣ изображено: „усматривая изъ вѣдомости намъ представленной, что число монастырей уніятскихъ, вовсе несоразмѣрно числу церквей въ уніи остающихся, возлагаемъ на васъ объ уніатскихъ монастыряхъ свѣденія; и по сношенію съ архіепископомъ Лисовскимъ, уничтожить таковые, которые, незанимаясь ни просвѣщеніемъ юношества, ни помощію немощнымъ и призрѣнія требующимъ, суть обществу безполезны, монаховъ же изъ сихъ упраздненныхъ монастырей, размѣстить въ другіе бѣло-русской епархіи, и въ остающихся за тѣмъ отънынѣ, не постригать безъ особливой нашей

---

*). Копія отыскана при пересмотрѣ, по порученію, документовъ бѣлостокскаго архива.

воли.“ А Высочайшимъ Его Императорскаго Величества указомъ, послѣдовавшимъ отъ 30 октяб. 1797 года предмѣстнику моему отставному, господину генералу и кавалеру Беклешову повелѣно „конфирмуя рескриптъ отъ 3 сентября 1795 года, о размѣщеніи монаховъ уніатскихъ по бѣлорусскимъ монастырямъ, приступить къ оному, начавъ съ *Жидичинскаго* монастыря (который состоитъ въ Волынской губерніи) и доставя ко мнѣ вѣдомость и другимъ, кои по разсмотрѣнію вашему къ размѣщенію назначены будутъ.“ Изъ дѣла же предмѣстника моего, вижу я, что во исполненіе сихъ Высочайшихъ повелѣній, сообщено отъ него 5 апрѣля 1798 года архіепископу уніатскихъ церквей Лисовскому, которому подвѣдомственны были тогда и здѣшнія уніятскія церкви и монастыри; чтобы монахи жидичинскаго монастыря, были переведены по его разсмотрѣнію; а въ прочихъ монастыряхъ уніятскихъ по высочайшей монаршей волѣ къ упраздненію подлежащихъ, требовалъ онъ, дабы архипастырь Лисовскій, учинилъ разсмотрѣніе и распоряженіе съ тѣмъ, что которые изъ нихъ яко обще полезны, по соразмѣрности числа противъ приходскихъ церквей предположилъ онъ оставить и въ оные изъ прочихъ лишнихъ монастырей по высочайшей воли упраздниться долженствующихъ перевесть монаховъ; доставилъ бы ему обстоятельное о томъ свѣдѣніе; но отъ архіепископа Лисовскаго, какое имъ потому относительно упраздненія излишнихъ уніятскихъ монастырей и перевода въ другіе монаховъ, учинено разсмотрѣніе и распоряженіе; не послѣдовало ни къ нему господину генералу Беклешову, ни ко мнѣ увѣдомленія, и высочайшая его императорскаго величества воля, потому до сего времени, не могла быть приведена въ надлежащее исполненіе. А какъ по причинѣ его, и со взятыхъ отъ нѣкоторыхъ уніятскихъ

монастырей по предписаннымъ предмѣстника моего въ казенный присмотръ имѣнія; о чемъ и ваше преосвященство отъ 9 генваря сего года ко мнѣ относились, не можетъ быть сдѣлано никакого положенія; и между духовенствомъ благочестивымъ и уніятскимъ, происходятъ обоюдныя притязанія, раждаются споры и происходятъ неустройства, какъ то отъ волынскаго губернскаго правленія вступило ко мнѣ представленіе, что *Гощанскаго* базиліянскаго монастыря монахи, самоправно отдалили находящагося при томъ монастырѣ изъ уніятской въ благочестивую посвященной приходской Михайловской церкви, благочестиваго священника, изъ слѣдствія же по сему случаю произведеннаго острожскимъ городничимъ, обще съ тамошнимъ нижнимъ земскимъ судомъ, депутатами благочестиваго и уніятскаго духовенства, оказалось: что *Гощанскій* монастырь, выстроенъ въ 1693 году княгинею Соломирецкою для монаховъ греко-восточной церкви, бывшихъ тогда подъ управленіемъ константинопольскаго патріарха, съ наданіемъ тогда же оному монастырю фундуша и таковаго при томъ права, чтобы оный монастырь на вѣчныя времена оставался для монаховъ греческой религіи; монахамъ же уніятскимъ, состоящимъ въ соединеніи съ римскою церковію, никакъ тамъ не имѣть мѣста, но не взирая на то, уніятскіе монахи, завладѣли потомъ онымъ монастыремъ. Когда же прихожане присоединились къ благочестію, и вышеозначенная при ономъ монастырѣ Михайловская церковь, посвящена въ благочестивую; то базиліане упорствуя, удерживаютъ оную у себя, и благочестивой въ той церкви священникъ, къ священнослуженію отъ нихъ не допускается; а потому отъ волынскаго губернскаго правленія и сдѣлано острожскому нижнему земскому суду предписаніе: означенную церковь, какъ по праву съ дав-

нихъ времен благочестивому духовенству принадлежащую, такъ и по обращеніи прихожанъ добровольно въ благочестіе, отобравъ отъ базиліанскихъ монаховъ, отдать въ ведомство острожскаго духовнаго правленія; относительно же Гощанскаго монастыря, и принадлежащаго къ нему, наданного княгинею Соломирецкою фундуша, въ чьемъ они владѣніи должны оставаться, съ приложеніемъ копіи наданнаго отъ княгини Соломирецкой къ тому монастырю права, представляетъ ко мнѣ. Равномѣрно и о *Мильчецкомъ монастырѣ*, состоящемъ Дубенскаго повѣта, въ *селѣ Малой Мильчѣ*, увѣдомляетъ меня волынское губернское правленіе, что *Мильчанская церковь* обращена въ благочестивую съ поселянами; принадлежавшее сему монастырю имѣніе, отобрано въ вѣдомство казенное, и монахи онаго базиліане, не имѣя никакого содержанія, проживаютъ при благочестивой церкви, почему хотя оное правленіе, многократно къ архіепископу Лисовскому сообщало о переводѣ оныхъ монаховъ, на основаніи вышепрописанныхъ высочайшихъ повелѣній, въ другіе монастыри, но отъ него посему неимѣемъ никакого увѣдомленія. Сверхъ того, изъ представленія онаго правленія и волынской казенной палаты, усмотрѣлъ я, что кромѣ взятаго въ казенный присмотръ имѣнія Мильчанскаго монастыря, состоятъ и другихъ монастырей въ Дубенскомъ повѣтѣ имѣнія, въ вѣдомствѣ земской полиціи; и въ волынскую казенную палату, вступили отъ провинціала базиліанскихъ монастырей Гуссаковскаго и Оната Дубенскаго базиліанскаго монастыря Яловицкаго прошенія; что по причинѣ взятія въ казенный присмотръ имѣній, базиліанскимъ монастырямъ принадежащихъ; монахи тамо жительствующіе, въ пропитаніи себя и починкѣ монашескихъ домовъ, имѣютъ недостатокъ. Изъ чего видно, что монахи унит-

сніе, во многихъ мѣстахъ не могутъ вовсе прожить, и необходимо нужно перевесть ихъ оттуда въ монастыри. Кромѣ всего сего, изъ слѣдствій, произведенныхъ волынскаго главнаго суда совѣтникомъ Трусевичемъ общо съ нижнимъ земскимъ судомъ и депутатами благочестиваго и уніатскаго духовенства, открылось: что въ селѣ *Стракловѣ*, жители отторгнуты отъ принятаго ими добровольно благочестія, возмущеніемъ стракловскаго базиліанскаго монастыря суперіора Добровольскаго и викарія Длинкевича; у суперіора Добровольскаго учреждена въ покояхъ каплица совсѣмъ непристойно и единственно служащая къ соблазну прихожанъ благочестіе исповѣдающихъ. Слѣдовательно, какъ изъ всего выше прописаннаго и ваше преосвященство усмотрѣть изволите, что если бы высокомонаршая воля, въ вышеприведенныхъ именныхъ указахъ изображенная, была въ точности исполнена, то изъясненныя неустройства, не имѣли бы никакого мѣста, и всѣ монастыри, приведены были бы въ порядокъ. Въ слѣдствіе сего побуждаюсь я покорнѣйше просить ваше преосвященство употребить съ вашей стороны всѣ зависящія мѣры къ безотлагательному исполненію сей высочайшей воли, относительно уніатскихъ здѣшнихъ монастырей, о которыхъ имѣю я свѣдѣнія отъ волынскаго губернскаго правленія, что по одной Волынской губерніи, состоитъ одныхъ уніатскихъ монастырей мужскихъ 22, какъ то: повѣта Житомирскаго, *въ селѣ Тригуріи*, Новоградволынскаго, *въ мѣстечкѣ Любарѣ и селѣ Колодежномъ* Острожскаго, *въ селѣ Гощѣ и Дорогобужѣ*, Луцкаго—*въ г. Луцкѣ и селахъ: Жидичинѣ, Бѣлостокѣ, Туменѣ и Поддубцахъ.* Дубенскаго, *въ г. Дубнѣ, и селахъ: Мильчѣ, Стракловѣ и Дермани.* Владимирскаго—*въ г. Владимірѣ, въ селѣ Загорцахъ, Зимномъ и Низкиничахъ.* Кременецкомъ,

въ г. Кременцѣ и мѣстечкѣ Почаевѣ, Овручкаго *въ г. Овручѣ* *), и сверхъ того женскихъ 4, Житомирскаго повѣта *въ селѣ Ясногородкѣ*, Заславскаго, *въ мѣстечкѣ Полонномъ*, Дубенскаго *въ селѣ Подборцѣ*, и Владимірскаго *въ г. Владимірѣ*. Изъ числа коихъ, *Любарскій, Колодеженскій, Полонскій, Гощанскій, Дорогобужскій, Луцкій, Бѣлостоцкій, Поддубецкій, Мильчанскій, Зимницкій и Низкиницкій*, незанимаются ни просвѣщеніемъ юношества, ни помощію немощнымъ; кромѣжъ тѣхъ, другіе, хотя имѣютъ классы, богадѣльни, гошпитали, но выключая одинъ *Почаевскій* монастырь, всѣ вообще занимаются въ просвѣщеніи юношества такимъ образомъ, что, имѣя одинъ только классъ, по окончаніи въ коемъ наукъ, ученики переводиться должны въ другіе монастыри; при всемъ томъ оные монастыри, не имѣютъ достаточныхъ фундушевъ и въ содержаніи ихъ одинъ отъ другаго заимствуются, или крайне нуждаются, отъ иныхъ же отобраны имѣнія, какъ изъ вышеписаннаго видно, въ казенный присмотръ, и монахи приносятъ свои жалобы; а нѣкоторые монастыри, оставаясь при маломъ имѣніи, и ища средствъ умножить оныя въ разсужденіи того, что наданные имъ прежде фундуши, якобы отъ помѣщиковъ опять отобраны, завели съ оными помѣщиками процессы, и занимаются во все неприлично одними тяжбами; а съ благочестивыми священниками, безпрестанные ведутъ споры и дѣлаютъ разныя притязанія; самоправно удаляя ихъ отъ тѣхъ церквей, которыя состоятъ при монастыряхъ посвящены въ благочестивыя; а при всемъ томъ, въ большой части оныхъ монастырей, состоитъ только по два монаха, по три и

*) Здѣсь видно опущенъ писцомъ Мѣлецкій Николаевскій монастырь Ковельскаго уѣзда, бывшій тоже базиліанскій, иначе и выйдетъ число мужскихъ монастырей 22—а 21.

С. В. А.—

по пяти, таковыхъ же монастырей, въ которыхъ бы находилось число монаховъ до десяти или болѣе, весьма мало; а потому и польза самыхъ уніятскихъ монаховъ и необходимость требуетъ, таковые малые монастыри упразднить, избравъ изъ нихъ лучшіе и приличнѣйшіе, свести въ оные монаховъ. Ибо 26 монастырей имѣть въ одной губерніи, гдѣ самыхъ уніятскихъ приходовъ мало, вовсе несоразмѣрно и ни мало несоотвѣтственно, и неприлично для двухъ или трехъ монаховъ, состоять особенному монастырю; потому, что имъ и невозможно заняться какъ долгъ требуетъ, ни богослуженіемъ, ни просвѣщеніемъ юношества, ни призрѣніемъ немощныхъ, и никакими другими богоугодными и полезными обществу упражненіями. По соединеніи же сихъ разсѣянныхъ по малому числу монаховъ въ одинъ монастырь, и по приведеніи извѣстнаго числа монастырей въ надлежащее и приличное положеніе, можно соединить и классы, лучше наблюсти надъ воспитаніемъ юношества, не переводя учениковъ изъ одного монастыря въ другой и занять и самыхъ монаховъ, приличными имъ упражненіями; гдѣ они живя подъ надлежащимъ надзоромъ, не будутъ находиться въ праздности и покушаться на совращеніе поселянъ отъ принятаго ими благочестія. Сообщая о всемъ вышепрописанномъ вашему преосвященству, покорнѣйше прошу васъ, къ скорѣйшему исполненію въ самой дѣятельности означенныхъ высочайшихъ указовъ, учинить разсмотрѣніе, и по извѣстности вамъ состоянія оныхъ монастырей, избрать изъ нихъ лучшіе, которые бы не состояли внутри благочестивыхъ селеній, и по соразмѣрности, какому числу въ одной губерніи быть можно по количеству уніятскихъ приходскихъ церквей; прочіе уніятскіе монастыри изъ вышепоименованныхъ соотвѣтственно высочайшей воли упразднить; но некоторые именно изъ

нихъ яко общеполезные на прописанномъ основаніи предложите оставить, переводя въ оные монаховъ изъ упраздненныхъ монастырей; не оставите меня увѣдомить обстоятельно, для общаго положенія къ приведенію того въ исполненіе, и для всеподданнѣйшаго отъ меня его императорскому величеству по высочайшему указу донесенія. Я увѣренъ, что ваше преосвященство, сами признаете, что за приведеніемъ въ таковой порядокъ уніятскихъ монастырей, въ несоразмѣрномъ числѣ нынѣ состоящихъ, вовсе безнужныхъ, не только прекращены будутъ безпрерывные съ благочестивымъ духовенствомъ споры, продолжаемые единственно къ безпокойству и затрудненію начальства, такъ равно и самые монастыри получать доводящіяся имъ имѣнія и фундуши, если бы оныя нынѣ и въ казенномъ присмотрѣ состояли, и будучи снабжены принадлежащими имъ доходами, останутся навсегда, на твердомъ основаніи. Изъ *Гощанскагожъ монастыря*, какъ по слѣдствію дѣйствительно найдено, что онъ построенъ для благочестивыхъ монаховъ греческой вѣры подъ патріархомъ константинопольскимъ состоявшихъ, и унія тамъ ни почему не принадлежитъ со времени основанія онаго, что и вы изволите усмотрѣть въ правѣ наданномъ княгинею Соломирецкою, препровождаемомъ при семъ; прикажете немедленно перевесть уніятскихъ монаховъ и отдать тотъ монастырь по сношенію съ преосвященнымъ Варлаамомъ епископомъ житомирскимъ въ вѣдомство его; а имѣніе оному монастырю принадлежащее отдайте въ казенное вѣдомство, увѣдомя волынскую казенную палату, кого съ вашей стороны незначите вы къ здачѣ имѣнія, о чемъ отъ меня оной палатѣ предписано. Впрочемъ касательно *Жидичинскаго и Дерманскаго* монастырей, даю знать вашему преосвященству, хотя оные на основаніи указа послѣдовавшаго вамъ изъ

государственной юстицъ коллегіи отъ 16 мая прошедшаго 1799 года вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія назначены были для помѣщенія монаховъ ордена *Деля-Траппъ;* но какъ по объявленному мнѣ высочайшему повелѣнію, оные монахи ордена Деля-Траппъ, вышедшіе изъ заграницы, высылаются за границу, объ исполненіи каковаго высочайшаго повелѣнія и дано отъ меня, кому слѣдовало, предписаніе; то какъ въ высочайшемъ указѣ отъ 30 октября 1797 г. изображено, чтобы приступить упразднять уніятскіе излишніе монастыри, начавъ съ Жидичинскаго монастыря, то и прошу покорнѣйше ваше преосвященство приказать, не занимать онаго монастыря опять уніятскими монахами, а назначить къ отдачѣ оный теперь же въ вѣдомство казенное. По всѣмъ вышеизъясненнымъ предметамъ, я буду ожидать отъ вашего преосвященства увѣдомленія и надлежащаго содѣйствія къ скорѣйшему высокомонаршей воли исполненію. Свѣрялъ коллежскій ассесоръ *Кирилла Карташевскій.*

Переписалъ и сообщилъ села Бѣлостока свящ. *Василій Абрамовичъ.*

Примѣчаніе. Нетолько упоминаемый здѣсь гощанскій монастырь, построенъ княгинею Соломирецкаго въ 1693 году для монаховъ греко-восточной церкви, подъ управленіемъ константинопольскаго патріарха, но и бѣлостокскій построенъ еще гораздо прежде, именно въ 1636 году православнымъ епископомъ Сильвестромъ Гулевичемъ, тоже для монаховъ греческой вѣры и подъ управленіемъ константинопольскаго патріарха, много такихъ отыщется и другихъ; только базиліанскіе монахи умѣли скрывать, а можетъ быть и уничтожить документы на православные монастыри, равно какъ и копію сего весьма замѣчательнаго отношенія графа Гудовича, едва ли гдѣ можно отыскать, какъ неговорящаго ничего въ пользу базиліанскихъ монаховъ. Свящ. В. Абр...

3.

Копія записи Константина Острожскаго Шешоль, Крошть и Свиранъ на виленскую митрополитальную церковь, выданной митрополитомъ Михаиломъ Рагозою, писарю В. Кн. Литовскаго Николаю Ясенскому. 1522 г.

Копея зъ листу ихъ милости пановъ подавцовъ имения Шешольскаго на Митрополію.

Я князь Константинъ Ивановичъ Острожскій воевода Троцкій, Гетманъ Господаря короля и великаго князя его милости Жигимонта, староста браславскій и вѣницкій и зъ жоною моею княгинею Татьяною Семеновною Голшанского и зъ сыномъ нашимъ Ильею, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ кто на него посмотритъ, або чтучи его услышитъ нынѣшнимъ и на потомъ будущимъ кому будетъ того потреба вѣдати; што же змыслили есмо, абы на вѣки вѣчные душамъ продковъ нашихъ и нашимъ душамъ память была, дали и даровали есмо по своей доброй воли, записуемъ черезъ сеесь листъ нашъ на церковь Божію Соборную Усненія Пречистое Богоматере у Вильни на митрополію Кіевскую, Галицкую и всея Руси именя наши дворъ найме Шешолы, а дворецъ къ Шешоломъ найме Крошты, и тежъ дворецъ у трехъ миляхъ отъ Вильны найме Свороны съ бояры и людми тыхъ дворовъ, съ служебными и тяглыми, съ землями пашными и бортными, съ сеножатями, и съ боры, и съ лѣсы, и съ дубровами, и съ гаи, озерами и рѣками, съ дяклы ржаными и овсяными, съ даньми грошовыми и медовыми и куничными, съ ставы и ставищами, съ млынами и съ ихъ вымелками, зо всимъ тымъ, какъ се тое имѣнье стародавна въ собѣ и въ границахъ и въ обыводехъ своихъ маютъ, какъ дѣдъ жоны моей

князь Юрій и отецъ жоны моей князь Семенъ Голшанскій и посл‍ѣ ихъ милости мы на себ‍ѣ держали и штожъ тежъ къ Свираномъ людей и земль купилъ, ничого на насъ и на наши насл‍ѣдники неоставуючи, маетъ его милость господинъ и отецъ нашъ архіепископъ нареченный Іосифъ митрополитъ Кіевскій, галицкій и всея Руси и по немъ будучи митрополиты тые имена выменненныя на церковь Божію, въ тотъ обычай ижъ м‍ѣлъ есми н‍ѣкоторые свои отчизныа имена на тую церковь Божію надати, нижли обачивши есмо то, ижъ сынъ нашъ Илья какъ зъ моего роду, такъ тежъ и зъ жоны моее одинъ, а такъ тые имена по матц‍ѣ ему отказаны есть какъ и моя имена, ино мы обмовившисе зъ сыномъ нашимъ Ильею, дали есмо тые именья на церковь Божію Соборную виленскую Успеніе Пречистое господину митрополиту и всему священному собору, в‍ѣчно и непорушно маетъ господинъ митрополитъ нын‍ѣшній и на потомъ будучіе за насъ господа Бога просити, а по смерти нашей маетъ и души наши у поменники повседневный и в‍ѣчистый уписывати, за насъ самихъ и за родители наши службу Божію служити и панихиду п‍ѣти въ каждую субботу. А тыхъ именій верху писанныхъ отъ церкви Божей отъ митрополіи Кіевской отнимати не маетъ, и хтобы см‍ѣлъ сесь записъ нашъ нарушити, на тые имена уступоватисе, тотъ да будетъ проклятъ, да будетъ на немъ клятви и неблагословеніе въ семъ в‍ѣц‍ѣ и въ будущомъ клятва святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ трисета и осмнадцать иже въ Никеи и причтенъ да будетъ Арію, Несторію и Савелію и ихъ единомышленникомъ. А при томъ были и того добре в‍ѣдомы панове рода ихъ милости князь Янъ біскупъ виленскій, Янъ Олбрыхтъ Мартиновичъ и Гаштолдъ воевода виленскій, староста подляшскій, а панъ Станиславъ Яновичъ панъ виленскій,

а панъ Юрій Миколаевичъ Радивилъ. А для лепшое твердости свою печать привѣсили къ сему моему листу. Писанъ подъ лѣты Божего Нароженя тысяча пятьсотъ двадцать второго Индикта 10, мѣсяца Іюля 4. Которую тую копею зъ листу ихъ милости пановъ подавцовъ на митрополію и на церковь Божію имени Шишюльского, Кропитынского и Свиранского я Михайло Рогоза архіепископъ митрополитъ Кіевскій далъ есми его милости пану Миколаю Ясенскому писарю короля его милости Вел. Князства Литовскаго подкоморому земли виленское слово такъ яко се тотъ листъ въ собе маетъ и тую копію водлугъ постановеня зъ угоды при печати моей руку есми свою власную подписалъ. Слѣдуетъ подпись и печать.

Михаилъ Рогоза митрополитъ Кіевскій и Галицкій рукою власною подписалъ.

4.

Передаточная запись Фридриха Сапѣги брату своему Казиміру Георгіевской церкви въ Трокахъ, съ монастыремъ *) къ ней принадлежащимъ и со всѣми угодіями. 1639 г.

Переводъ съ польскаго.

Я Фридрихъ Сапѣга витебскій подкоморій и остринскій староста сознаю и дѣлаю извѣстнымъ посредствомъ настоящей моей добровольной вѣчной записи всякому кому бы объ этомъ знать слѣдовало теперь и на будущее время, что я, имѣя въ своей отчинѣ каменную трокскую церковь, съ давнихъ временъ построенную Сапѣгами на землѣ и островѣ дворянскихъ, между великимъ трокскимъ озеромъ, вблизи дворцовъ въ городѣ Трокахъ великаго

*) Подъ монастыремъ здѣсь нужно разумѣть трокскую архимандрію, патрономъ которой считался въ послѣднее время Сапѣга.

княжества Литовскаго находящуюся, основанную во имя Св. Георгія, со всѣми землями и островами къ сей церкви принадлежащими; но я подкоморій витебскій, по причинѣ отдаленности моихъ имѣній и мѣстожительства отъ этой церкви, не по какому либо принужденію, или наговору, но самъ по доброй волѣ моей, помянутую церковь мою трокскую Св. Георгія, состоящую подъ закономъ и свободою дворянскою на землѣ и островѣ дворянскомъ, при дворцахъ и городѣ, между Трокскимъ озеромъ, со всею принадлежащею къ сей церкви утварью, съ плацомъ на постройку монастыря, съ пахатными и сѣнокосными землями, лѣсами, рощами, сосняками на островахъ между Трокскими озерами и гдѣ либо за озерами находящимися, также со свободнымъ ловленіемъ рыбъ въ тѣхъ же Трокскихъ озерахъ, однимъ словомъ, со всѣми землями, подвластными мѣщанами и плацами въ г. Трокахъ и гдѣ либо находящимися, а также со всякаго рода другими принадлежностями, пространствами, угодіями, какія къ этой церкви и состоящему при ней монастырю съ давнихъ временъ при предкахъ нашихъ были причислены и пожертвованы, съ этимъ всѣмъ, ничего не оставляя, ниже исключая для себя самаго, супруги, дѣтей, потомковъ, родственниковъ и свойственниковъ моихъ и для кого либо другого, словомъ со всѣми преимуществами, наслѣдствомъ, властью и пространствомъ, равно же съ правомъ презенты архимандритовъ къ этому же монастырю, и такимъ же правомъ наслѣдственнымъ, какое самъ имѣлъ, я Фридрихъ Сапѣга витебскій подкоморій, на вѣчныя времена безвозвратно уступилъ и настоящею записью моею уступаю вѣчно, дарю и записываю г-ну Казиміру Льву Сапѣгѣ писарю великаго княжества Литовскаго, гродненскому, волпянскому, любошанскому и проч. старостѣ, брату моему любезному, г-жѣ супругѣ,

дѣтямъ, потомкамъ и наслѣдникамъ его. Каковую то выше упомянутую трокскую церковь сей часъ съ числа настоящей моей записи, во власть, содержаніе и спокойное владѣніе посредствомъ генеральнаго возцаго, въ вѣчное владѣніе, г-ну писарю великаго княжества Литовскаго (съ такимъ однакожъ условіемъ, чтобы въ этой церкви не иное, какъ только *русское* богослуженіе на всѣ будущія времена совершалось) отдаю, уступаю и отказываюсь на вѣчныя времена отъ наслѣдственнаго моего права и владѣнія; г. писарь великаго княжества Литовскаго со своими наслѣдниками имѣетъ право на вѣчныя времена помянутую церковь трокскую со всѣми землями и всякаго рода принадлежностями и выгодами спокойно держать, употреблять, архимандритовъ къ оной представлять и употреблять всякое стараніе, чтобы въ ней совершаться могла Слава Господня. Земли пахатныя, сѣнокосныя и заросли, забранныя разными людьми и трокскими мѣщанами и крестьянъ изъ этого имѣнія и съ церковной земли ушедшихъ и бѣжавшихъ, словомъ всего того, что только отъ этой церкви было забрано, у всякаго владѣющаго гдѣ бы могъ узнать, дружескимъ образомъ отъискивать, а отъискавъ возвратить монастырю при церкви сей состоящему и по своей доброй волѣ и по желанію этою церковью, монастыремъ и всѣми землями и крестьянами оной, какъ захочетъ распоряжаться, все вообще или по частямъ кому захочетъ отдать, продать, подарить и на вѣчность записать, этою записью моею предоставляю и позволяю. А я витебскій подкоморій ни самъ лично, ни моя супруга, ни потомки и наслѣдники мои въ распоряженіе г. писаря Великаго Княжества Литовскаго и его наслѣдниковъ по вышеупомянутой трокской церкви и даже самой меньшей части земель и угодій вступаться, дѣлать во владѣніи препят-

ствія, отнимать что либо изъ владѣнія и никакимъ образомъ затруднять не имѣю права, и не будутъ имѣть права на вѣчныя времена дѣлать тоже и мои наслѣдники. Напротивъ того, если бы кто изъ братьевъ, сестръ и родственниковъ моихъ, или кто изъ людей постороннихъ сталъ вмѣшиваться во владѣніе выше означенной трокской церкви, уступленной мною г. писарю Великаго Княжества Литовскаго и наслѣдникамъ его, или отнималъ что либо, предъявляя какія либо свои права въ ущербъ правамъ г. писаря великаго князя Литовскаго и наслѣдниковъ его, позывая ихъ къ суду, то послѣ увѣдомленія меня Сапеги витебскаго подкоморія, или наслѣдниковъ моихъ письмомъ отъ имени г. писаря великаго княжества Литовскаго и его наслѣдниковъ, объявленнымъ передъ срокомъ, въ который прійдетъ очередь для рѣшенія дѣла, за четыре недѣли, полагая то письмо на имѣніе мое Черліонѣ, въ Гродненскомъ уѣздѣ состоящемъ, чрезъ взятаго съ какого либо уѣзда вознаго, въ каждомъ судѣ до истеченія опредѣленной закономъ земской давности, очищать, заступаться и совсѣмъ очистить, я и наслѣдники мои должны будутъ подъ опасеніемъ штрафа за каждый особо невыполненный параграфъ, въ этомъ письмѣ изложенный, по тысячѣ злотыхъ польскихъ, о каковомъ штрафѣ г-ну писарю великаго княжества Литовскаго и его наслѣдникамъ дается право отъ меня витебскаго подкоморія и моихъ наслѣдниковъ раздѣлаться въ земскомъ судѣ въ подлежащій срокъ, а въ трибунальскомъ судѣ во всякое время, въ воѣводствѣ же позвы класть въ назначенные Статутомъ сроки, послѣ которыхъ безъ всякаго отлагательства и изъятій законныхъ, которыя хотя бы болѣе или менѣе могли служить въ помощь, не употреблять, а на крайній срокъ ставить. Сверхъ сего я и наслѣдники мои обязаны въ каждый судъ, въ который посту-

пить на разсмотрѣніе дѣло, являться, суду же, не принимая отъ меня самаго и повѣреннаго представителя моего никакихъ отсрочекъ и изъятій, клонящихся къ замедленію святой справедливости, предоставляется право, за воспослѣдованіемъ отъ истца жалобы о неявкѣ для доказательствъ по которой либо статьѣ этого письма и для удовлетворенія, назначить и произвесть означенный штрафъ и возвращеніе потеръ и издержекъ. Претензіи словесно объявленныя на имѣніяхъ моихъ, въ которомъ нибудь уѣздѣ положенномъ, разбирать и взысканіе производить, не смотря на статутовые сроки, дозволяю, и я съ наслѣдниками моими, повинуясь судебному приговору, ни въ чемъ противиться не стану и не буду вправѣ, подъ опасеніемъ дальнѣйшихъ законныхъ наказаній. Означенный штрафъ, хотя бы и не одинъ разъ былъ заплаченъ, однакожъ настоящее мое письмо вовсе не потеряетъ силы, и выше упомянутая трокская церковь со всѣми принадлежностями ея имѣетъ состоять вѣчно во владѣніи г. писаря великаго княжества Литовскаго и его наслѣдниковъ. На это далъ я сію добровольную запись за печатью и подписью руки моей, а также за печатьми и подписями гг. свидѣтелей словесно и очевидно упрошенныхъ, имена коихъ на подписяхъ обозначены. Происходило въ Варшавѣ 5 марта 1630 года. (Подписали) *Фридрихъ Сапѣга*, витебскій подкоморій. Въ качествѣ свидѣтелей присутствовалъ при томъ *Христофоръ Завиша* ловчій великаго княжества Литовскаго, староста минскій. Руку приложили къ сему письму, въ качествѣ свидѣтелей, *Георгій Монвидъ Оржиковичъ* войскій вилкомирскій. *Еронимъ Пестржецкій*, браславскій казначей. 1639 года, 3-го іюля, лично призналъ *Христофоръ Ходкевичъ* каштелянъ виленскій, трибунальскій маршалъ.

II.

СУДЬБЫ РУССКАГО ЯЗЫКА ВЪ ЛИТВѢ И НА ЖМУДИ.

I.

Русскія начала въ Литвѣ и на Жмуди.

Нынѣшніе Россіенскій, Шавельскій и Тельшевскій уѣзды Ковенской губерніи съ XIV вѣка стали именоваться Жмудью (Самогитіею). Имя Жмудь получило еще большую извѣстность въ XV вѣкѣ, когда здѣсь образовалось Жмудское княжество и мѣдницкая (ворнянская) р. католическая епархія была переименована въ Жмудскую епархію. Мѣстность эта издавна составляла часть Руси и была заселена русскимъ народомъ; Литовцы же, тѣснимые въ сосѣднихъ странахъ, явились здѣсь какъ пришельцы и, водворяясь посреди многочисленнаго русскаго населенія, быстро русѣли, усвоивая нравы, обычаи и языкъ туземныхъ обитателей.

Описывая подвиги и мученическую кончину св. Брунона, своего родственника, пострадавшаго въ 1009 году въ Пруссіи, по всей вѣроятности тамъ, гдѣ нынѣ городъ Браунбергъ, 1) лѣтописецъ XI вѣка, Дитмаръ Мерзебургскій, пишетъ, что св. Брунонъ обезглавленъ язычниками на границѣ Пруссіи и Руси 2); другой же лѣтописецъ того же XI вѣка, Адамъ Бременскій, перечисляя прусскія провинціи..., говоритъ, что Самбія (т. е. сѣверо-восточная часть собственной Пруссіи) граничитъ съ Русскими, то есть съ

1) Даниловичъ, Skarbiec Dyplomatów, т. I, стр. 36. Encyklopedya powszechna, т. IV, стр. 302.

2) Kronika Dytmara, spolszczona przez Zygm. Komarnickiego. Żytomierz r. 1862, стр. 267.

Русью 1); слѣдовательно въ XI вѣкѣ Русью называлась нынѣшняя Ковенская губернія.

Лѣтописецъ XII вѣка Гельмольдъ писалъ, что на южномъ берегу Балтійскаго моря, именно на Жмуди, жили въ его время не кто другой, какъ Русскіе 2).

Лѣтописецъ XIII вѣка Вадевикъ Фрисингенскій свидѣтельствуетъ, что въ его время въ нынѣшней Ковенской губерніи до самаго Балтійскаго моря, жили также Русскіе (Ruthenos et mare Scythicum) 3). Наконецъ, лѣтописецъ тевтонскихъ т. е. прусскихъ рыцарей, жившій въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣковъ, Петръ Дисбургъ, писалъ что не только въ нынѣшней Сувальской губерніи, 4) но что главное, и въ Ковенскомъ, Россіенскомъ и Тельшевскомъ уѣздахъ жили въ его время Русскіе 5). Не только жители Жмуди русскаго происхожденія, но даже и на лѣвомъ берегу рѣки Нѣмана и залива Куришгафа жили издревле въ немаломъ числѣ тоже Русскіе (Rutheni), какъ видно изъ р. католическаго требника (Agenda Ecclesiastica), изданнаго въ 1530 году римско-католическими епископами Георгіемъ Поленцемъ и Павломъ Сператомъ 6). Въ старину, особенно у прусскихъ писателей, рѣка Мемель называлась Руссомъ, заливъ Куришъ-гафъ Русною, городъ Россіены—Россіею; наконецъ, при впаденіи рѣки Мемеля въ Куришгафъ, на правомъ его берегу, въ древности находился городъ Русинъ 7).

Отъ извѣстнаго польскаго историка Лелевеля мы узнаемъ, что, по словамъ извѣстныхъ писателей Туннана, Польта, Раска, Гумбольдта и Шафарика, нынѣшніе жители Жмуди это славяне,

1) Dzieje narodu litew., т. II стр. 309 и 310.

2) Helmolda Kronika Sławiańska. Warszawa r. 1866, стр. 6. «Brzeg południowy zamieszkują ludy Sławiańskie, z których na wschodzie pierwsi są Russowie, za nimi Polacy, z którymi graniczą na północ Prussowie.»

3) У Narbutta, т. II, стр. 310.

4) Chronicon Prussiae, стр. 68.

5) Тамъ же стр. 335. «Sambitae et maxime Russici conspirationem fecerant, ut ommes suos nobiles occiderent.» См. у Narbutta, т. II, стр., 311.

6) Hartknoch, Selectae dissert. histor., стр. 174.

7) Тамъ же, стр. 64. Географ. карта Генneберга, при началѣ Лѣтописей Дисбурга. Baliński, Starożytna polska, т. III, стр. 509.

только съ теченіемъ времени выродившіеся 1). Извѣстный филологъ Ватсонъ доказалъ, что жмудины Славяне, именно Русскіе, такъ какъ и въ настоящее время двѣ трети словъ въ ихъ рѣчи заимствованы изъ русскаго языка 2).

Такимъ образомъ, изъ древнихъ письменныхъ памятниковъ ясно видно, что не только сѣверо-западный край, но что главное, и собственная Жмудь называлась встарину Русью, и что тогда и на Жмуди жило сплошнее руское народонаселеніе 3). Очень быть можетъ, что въ средѣ сего русскаго народонаселенія находились и люди литовскаго племени, или какъ ихъ называетъ Несторъ Зимѣгола, 4) но не можетъ быть и сомнѣнія, что число ихъ, предъ XIII столѣтіемъ, было въ этомъ краѣ весьма незначительно и что они были крайне бѣдны, такъ что русскіе князья брали отъ нихъ, въ видѣ подати, только вѣники и лыка на лапти 5). Литовцы же, получившіе наименованіе *Литва* 6) въ XI вѣкѣ, жили предъ XIII вѣкомъ въ нынѣшней Пруссіи, между Нѣманомъ, Вислою и теперешнею Сувалкскою губерніею, какъ это видно изъ древнихъ лѣтописцевъ, а особенно изъ упоминавшихъ о смерти св. Брунона. Св. Брунонъ пострадалъ: по славамъ Дитмара Мерзебургскаго, „на границѣ *Пруссіи* и Руси;“ по словамъ лѣтописи Магдебургской: „на границѣ Руси и *Литвы*...“ Точно таже утверждаютъ и остальные древніе лѣтописцы 7).

Поляки и нѣмцы издавна тѣснили прусскихъ литовцевъ, подъ предлогомъ обращенія ихъ въ католицизмъ. Наконецъ призвали

1) Narody na ziemiach Sławiańskich, Poznań r. 1853, стр. 274.
2) Тамъ же, стр. 278.
3 Даниловичъ, Skarbiec, т. I, стр. 36.
4) Latopis Nestora, przepolnezył J. Kotkowski, Kijów r. 1860, стр. 6 и 7.
5) Długosz, lib. VI, стр. 599. Jaroszewicz, т. I, стр. 35.
6) Daniłowicz, Skarbiec, т. I, стр. 36: «I tak zaledwie na początku XI wieku imię Litwy spostrzegamy w dziejach całego świata.
7) Св. Брунонъ пострадалъ:

по словамъ Кведлимбурской лѣтописи, Магдебургской, и лѣтописца Сакса (Sako),	in confinio *Russiae et Lituae.*
по словамъ Дитмара Мерзебургскаго и Маріяна Скота	in confinio *Russiae et Prussiae.*

и тевтенскій орденъ крестоносцевъ, которому мазовецкимъ княземъ Конрадомъ была подарена Кульмская (Хелмская) область и право на тѣ языческія земли, которыя орденъ завоюетъ въ пользу свою и католицизма. Съ этихъ поръ началась самая кровавая борьба крестоносцевъ съ литовцами въ Пруссіи. Толпы пролетаріевъ, собравшихся изъ разныхъ странъ, болѣе же всего изъ Германіи, наводнили Пруссію, чтобъ обогатиться и присвоить себѣ собственность мѣстныхъ жителей. Литовцамъ пришлось испытать всякаго рода угнетенія, лишенія, несправедливости и разныя насилія. Они были отовсюду изгоняемы, повсемѣстно преслѣдуемы и доведены до крайней нищеты, тогда какъ нѣмцы обогащались, благоденствовали и находили вездѣ покровительство, потому что крестоносцы заботились не объ обращеніи литовцевъ въ католицизмъ, а напротивъ объ истребленіи ихъ или изгнанія изъ отечества 1). Такое варварское угнетеніе литовцевъ въ Пруссіи вынуждало ихъ то и дѣло переходить въ сосѣдственную Русь 2). Не трудно даже опредѣлить тѣ мѣста, чрезъ которыя при этомъ передвиженіи проходили литовцы. Духовенство играло у литовцевъ весьма важную роль. У нихъ былъ своего рода папа, глава этого духовенства, называвшійся криве-кривейта. Гдѣ жилъ криве-кривейта, тамъ находилась и главная святыня литовцевъ и центръ, какъ духовной, такъ и свѣтской властей, т. е. Ромнова. По мѣрѣ того, какъ крестоносцы съ запада завоевывали ихъ родину, Пруссію, литовцы по направленію къ Жмуди переносили свою Ромнову трижды въ Пруссіи; наконецъ вытѣсненные изъ Пруссіи, они основали ее при устьѣ рѣки Дубиссы, но и здѣсь крестоносцы уничтожали ее; тогда Ромнова была основана при устьѣ Невяжи, а отсюда въ XIII вѣкѣ перенесена въ Керновъ, и наконецъ въ Вильну 3).

Съ другой стороны точно также извѣстно, что, не смотря на всѣ неистовства крестоносцевъ, большинство простаго литовскаго народа осталось въ Пруссіи, гдѣ онъ остается и по настоящее время. Слѣдовательно, изъ Пруссіи переселились въ Литву изъ

---

1) Даниловичъ, Skarbiec, т. I., стр. 38. Dusberg Chr. Prussiae, pars II, cap. 7.

2) Lelewel J., Narody na Ziemiach Słowiańskich, стр. 290 и 291.

3) A. W. Kojałowicz, Hist. Lituanae, т. I, стр. 31 и 32. Narbutt, т. I, стр. 225—226. Jaroszewicz, Obraz Litwy, т. I, стр. 192.

литовцевъ, главнымъ образомъ, языческое духовенство, князья и, такъ сказать, военное сословіе.

Послѣ смерти Ярослава I, въ 1054 году, междоусобныя войны русскихъ князей, раздѣлившихъ Русь на удѣлы, а въ XIII вѣкѣ нашествіе на туже Русь монголовъ, совершенно ослабили власть русскихъ князей, въ томъ числѣ и полоцкихъ, коимъ принадлежала нынѣшняя Ковенская губернія. По этому не трудно было литовцамъ поселиться въ сѣверо-западной Руси, а ихъ князьямъ въ этой странѣ присвоить себѣ верховную власть. Всѣ писатели утверждаютъ, что литовцы, поселившись въ Литвѣ, совершенно русѣли, т. е. что уже въ XIII вѣкѣ они приняли русскую цивилизацію и русскій языкъ, и сдѣлали его у себя языкомъ двора, науки, судопроизводства, администраціи и дипломатіи. Только при посредствѣ русскаго языка можно было понимать литовцевъ. На немъ они писали и лѣтописи. Это обстоятельство служитъ доказательствомъ того, что литовцы обладали глубокимъ политическимъ смысломъ, а еще болѣе того, что даже и во время перехода ихъ въ Литву русское народонаселеніе въ Литвѣ было далеко многолюднѣе литовскаго 1).

Керновскому князю Зивибунду и жмудскому князю Монтвиллу, жмудскій каноникъ Матѳей Стрыйковскій писалъ въ 1582 году стихи слѣдующаго содержанія: „Братецъ литовецъ, не завидуй русскимъ, ибо они не менѣе тебя знамениты, что признать за ними принуждены всѣ. Безъ нихъ ты не въ состояніи удержать порядокъ въ своемъ государствѣ; ибо русскіе въ своихъ странахъ живутъ издревле. Въ пользу Русскихъ свидѣтельства постарше. Изъ нихъ же возникла и Литва, когда, благодаря несогласію, выросли рога у русскихъ князей. Благодаря единодушію, Литва поселилась въ отечествѣ Русскихъ, тогда именно, когда, по причинѣ междоусобной вражды, несчастная Русь сама себя истребляла“ 2).

1) Gwagnin, Sarmatiae Europeae descriptio, Cracovia. An. 1578, листъ 45. Daniłowicz, Kronika Stryjkowskiego, стр. 38. Jaroszewicz, т. I, стр. 174.

2) Kronika, т. I. стр. 219. Вотъ эти стихи въ подлинникѣ:
Litwinie bracie, niezajrzyj też Rusi,
Gdyż też są niemniej sławni, zeznać każdy musi,
Bez nich ty porządku spraw swych nie możesz wiedzieć,
Gdyż Rusacy w swych państwach zdawna zwykli siedzieć.

Желая утвердиться въ сѣверо-западной Руси, литовцы хорошо понимали, что имъ необходимо породниться съ русскими не только по языку, но и по крови. Литовскіе князья очень часто вступали въ бракъ съ русскими княжнами, а литовскія княжны выходили за мужъ за русскихъ князей.

Перечислимъ 1) князей литовскихъ, женатыхъ на русинкахъ: князь Довмундъ Тимоѳей, по происхожденію литовецъ, имѣлъ въ супружествѣ Марію Дмитріевну, дочь Дмитрія Александровича, великаго князя новгородскаго 2). Гедиминъ, великій князь литовскій, во второмъ и третьемъ бракѣ имѣлъ россіянокъ: Ольгу и Евву, но кто именно онѣ были неизвѣстно 3). Ольгердъ Гедиминовичъ, великій князь литовскій, имѣлъ первую супругу Марію Ярославовну, княжну витебскую, а вторую Іуліянію Александровну, княжну тверскую 4). Любартъ Гедиминовичъ имѣлъ въ супружествѣ дочь князя владимірскаго на Волыни; во второмъ же бракѣ дочь Константина ростовскаго 5). Евнутъ Гедиминовичъ, по нашимъ родословнымъ, женатъ былъ на княжнѣ витебской, и тамъ же сказано, что Ольгердъ женился на княжнѣ полоцкой; но какъ о послѣднемъ изъ литовскаго лѣтописца достовѣрно извѣстно, что онъ женился на княжнѣ витебской, то, вѣроятно, имена въ нашихъ родословныхъ перемѣшаны, и Евнутъ женатъ былъ на княжнѣ полоцкой 6). Корибутъ Ольгердовичъ имѣлъ въ супружествѣ дочь князя рязанскаго Александра 7). Ягайло Ольгердовичъ, великій князь литовскій и король польскій, въ 4-мъ супружествѣ имѣлъ Софію Андреевну, дочь Андрея Ивановича князя Друцкаго 8).

Mają starsze świadectwa: Litwa zaś z nich rosła,
Gdy niezgoda u Ruskich xiążąt rogi wzniosła,
A Litwa w ich ojczyznach zgodą swą osiadła,
Gdy się wnętrzną niezgodą Ruś biedna wyjadła.

1) Ратчъ, Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 г., т. I, приложеніе III, стр. 14—17.

2) Исторія Гос. Рос. Карамз. т. V, пр. 50.

3) Kronika Stryjkowskiego, т. II, стр. 29.

4) Kojałowicz A. W. Historia Lituana, т. I, стр. 353—354.

5) Ист. Гос. Рос. Карамз. т. IV пр. 267 и 351. Encyklopedya powszechna, т. XVII, слово *Lubart*.

6) Тамъ же.

7) Naruszewicz, Hist. Nar. Polsk., т. IX стр. XVI.

8) Stryjkowski, т. II, стр. 160. Stebelski, Chronologija, т. e. т. II, стр. 28.

Лингвеній Ольгердовичъ женатъ на Маріи Васильевнѣ, дочери Димитрія Іоанновича Донскаго, великаго князя московскаго 1). Свидригайло Ольгердовичъ имѣлъ въ супружествѣ Ольгу Борисовну, дочь князя тверскаго 2). Витовтъ Кейстутовичъ въ первомъ бракѣ женатъ былъ на Аннѣ Святославовнѣ, дочери князя смоленскаго, а въ второмъ бракѣ на Маріи Андреевнѣ, дочери князя лукомльскаго и стародубровскаго 3); Александръ Коріатовичъ имѣлъ въ супружествѣ дочь великаго князя московскаго, Симеона Іоанновича Гордаго 4). Александръ Ягайловичъ, великій князь Лит. былъ женатъ на Еленѣ, дочери вел. кн. московскаго Ивана Васильевича.

Перечислимъ княженъ литовскихъ, вышедшихъ замужъ за русскихъ князей: дочь князя литовско-завилѣйскаго Утегеса или Дангерута Свальгатесовича была за доблестнымъ княземъ Всеволодомъ 5). Дочь Эрдзивила или Игумиса Рингальдовича князя литовско-новогрудскаго, неизвѣстная по имени, была супругою Даніила галицкаго 6). Дочь Миндовга Рингольдовича, короля литовскаго, не извѣстная по имени, была за Шварномъ Даниловичемъ галицкимъ 7). Этотъ бракъ доказываетъ, какъ сильно родство княжескихъ домовъ связывало Литву съ Русью: сынъ Миндовга Войшелгъ уступилъ литовскій престолъ Шварну, потому что за послѣднимъ была сестра его. Дочь Гемянта или Янанта Гурдовича, намѣстника смоленскаго, неизвѣстная по имени, была въ замужествѣ за Андреяномъ Титовичемъ, княземъ звенигородскимъ 8). Дочь Гедимина, великаго князя литовскаго неизвѣстная по имени, была супругою тверскаго князя Димитрія Михайловича Грозныя очи 9). Дочь Гедимина Анастасія была за Семеномъ Ивановичемъ, сыномъ Ивана Даниловича Калиты 10). Дочь того же Гедимина, неиз-

1) Latopisiec Litwy i Kronika Ruska, стр. 210 и 219.

2) Długosz, Hist. Pol. стр. 11—83 и 610. Stryjkowski, т. II, стр. 185.

3) Stryjkowski, Kronika т. II, стр. 155.

4) Narbutt, Dz. N. Lit., т. V, стр. 76.

5) Narbutt, т. HI, стр. 460.

6) Полн. соб. Рус. лѣт. Археогр. Ком. т. II, стр. 187.

7) Тамъ же стр. 341.

8) Ист. Гос. Рос. Кар. V, пр. 137. Latop. Litwy i Kron. Rus., стр. 213).

9) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IV, стр. 201. Собр. древн. грам. и акт. Вильно 1843 г. стр. XI.

10) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IV стр. 222. Собр. древн. грам. и акт. Вильно 1843 г. стр. XI.

вѣстная по имени, была въ замужествѣ за Юріемъ Андреевичемъ, княземъ галицкимъ 1). Дочь Ольгерда Гедиминовича, великаго князя литовскаго, Ажипина была супругою Бориса Константиновича, князя суздальскаго 2). Дочь тогоже Ольгерда Марія была за княземъ русскимъ Даниломъ, но за которымъ именно не извѣстно 3). Дочь тогоже Ольгерда Елена была въ замужествѣ за Владиміромъ Андреевичемъ храбрымъ 4). Дочь Ольгерда же Өедора была за Святославомъ Титовичемъ, княземъ звенигородскимъ 5). Дочь Кейстута Гедиминовича Марія была за Иваномъ Михайловичемъ, сыномъ великаго князя тверскаго Михаила Александровича 6). Дочь Владиміра Ольгердовича кіевскаго, неизвѣстная по имени, была супругою Василія Михайловича, сына великаго князя тверскаго Михаила Александровича 7). Дочь Витовта Кейстутовича великаго князя литовскаго Анастасія Софія была за великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Дмитріевичемъ 8). Дочь Александра Патрикеевича стародубскаго Аграфена была въ замужествѣ за Андреемъ Дмитріевичемъ, братомъ великаго князя московскаго Василія Дмитріевича 9).

Вслѣдствіе родства литовскихъ князей съ русскими, присвоеніе литовцами власти надъ сѣверо-западною Русью не произвело въ ней перемѣны. Русская жизнь шла своимъ чередомъ, и русскій языкъ былъ во всеобщемъ употребленіи на Жмуди, не только въ средѣ русскихъ, но и въ средѣ коренныхъ литовцевъ, въ томъ числѣ и въ княжескомъ родѣ 10).

Вотъ образчикъ того какъ переписывались литовскіе князья съ польскимъ королемъ около 1345 года:

„Вѣдай то каждый человѣкъ, кто на той листъ посмотритъ

---

1) Тамъ же и Narbutt, т. III, Tabl. 3-ая.

2) Lat. Litwy i Kron. Rus., стр. 175. Narbutt, т. III, Tabl. 3-ая.

3) Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX пр. 414. Собр. др. грам. и акт. Вильно 1843 г. стр. XI.

4) Lat. Litwy i Kron. Rus., стр. 182 и 183.

5) Ист. Гос. Рос. Кар. т. V пр. 137. Собр. др. грам. и акт. Вильно 1843 г. стр. XI.

6) Lat. Litwy i Kron. Rus., стр. 216. Narbutt, т. VI, стр. 13.

7) Ист. Гос. Рос. Кар. т. V пр. 137.

8) Lat. Litwy i Kron. Rus., стр. 45. Narbutt, т. V, стр. 462.

9) Lat. Litwy i Kron. Rus., стр. 222 и 219.

10) W. A. Maciejowski, Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian. т. I, стр. 343.

же я князъ Еоунутии и Кистутии и Любартъ, Юрьии Нарионътовичь, Юрьии Корьятовичь, чинимъ миръ твердыи съ королемъ Казимиромъ польскимъ и Самовитомъ и его братомъ Казимиромъ Мазовскимъ... за великого князя Олькерта и за Корьята и за Патрикиа и за ихъ сыны мы слюбуемъ тотъ миръ держати вѣльми твердо... а миръ отъ Покрова Б—цѣ до Ивана дне" 1).

Ягайло, въ угоду полякамъ, заклятымъ врагамъ русскаго народа и русскаго языка, сдѣлавшись польскимъ королемъ, сталъ говорить по чешски, такъ какъ по-польски не умѣлъ 2). Витовтъ постоянно говорилъ по русски и писалъ на русскомъ языкѣ 3). Великій князь литовскій Свидригайло былъ поборникомъ русской народности и русскаго языка. За привязанность къ русской народности, польская интрига лишила его Великаго Княжества Литовскаго, въ 1432 году 4). Казиміръ Ягайловичъ и Сигизмундъ Казиміровичъ были также великими поборниками русской народности и русскаго языка 5). Словомъ литовскіе князья и польскіе короли, Ягеллоны, всѣ благопріятствовали не польщизнѣ, а русскимъ началамъ въ Литвѣ 6).

Въ политическомъ отношеніи, жители сѣверо-западнаго края издревле до 1230 года называли себя русскими подданными. Около 1230 года литовскій князь Рингольдъ назвалъ себя великимъ княземъ литовско-русскимъ, а съ тѣхъ поръ и жители сего края, очень естественно, стали именовать себя точно также подданными Великаго Княжества Литовско-Русскаго 7). Что же касается народности, то жители сѣверо-западнаго края, обыкновенно называли себя русскими. Римскіе католики называли себя русскими римскаго закона, православные же русскими греческаго закона. Такъ, напр. въ 1433 году, Владиславомъ Ягайловичемъ дарована

1) Strończyński, Wzory pism dawnych, часть I. Ратчъ, т I. прилож. II.

2) Maciejowski, тамъ же т. I. стр. 349.

3) Нарбутъ, т. V, стр. 612—613, т. VI, стр. 557.

4) Тамъ же, т, VII, стр. 4, 132—134. Боричевскій, Православіе и русская народность въ Литвѣ, стр. 57.

5) Нарбуттъ, т. VIII, стр. 254. Encykl. powszechna, слово *Skoryna*.

6) Encykl. powszechna. т. XXXIII, стр. 547. «Sprzyjali ruskiej narodowości wszyscy Jagiellonowie.»

7) Encykl. powszechna, t. XXII, слово *Ryngold*.

привиллегія „русскому дворянству (шляхтѣ) римскаго закона;“ въ 1445 году, Казиміромъ Ягайловичемъ такая же привиллегія дана „русскому дворянству греческаго закона“ 1). Поляки нынѣ стараются называть р. католиковъ и въ сѣверо-западномъ краѣ поляками, тѣмъ не менѣе знаменитый польскій историкъ Лелевель въ своихъ сочиненіяхъ называетъ не только православныхъ, но и р. католиковъ сѣверо-западнаго края не иначе какъ Русскими по народности.

Польскіе писатели утверждаютъ, что русскія права и русскіе юридическіе обычаи, внѣ всякаго сомнѣнія, дѣйствовали въ Литвѣ и на Жмуди. издревле, т. е. гораздо ранѣе царствованія Ягайла. Упраздненіе же русскихъ правъ въ городѣ Вильнѣ, состоявшееся въ 1432 году, при великомъ князѣ Сигизмундѣ, доказываетъ. что, благодаря древности и привычкѣ къ нимъ народа, русскія права и обычаи имѣли у народа болѣе значенія, чѣмъ магдебургское право, дарованное въ 1387 году Ягайломъ городу Вильнѣ. Законоположенія русской правды, какъ болѣе соотвѣтственныя странѣ и обычаямъ народа, были приняты въ Литвѣ и на Жмуди немедленно послѣ изданія ихъ и дѣйствовали въ этомъ краѣ, а впослѣдствіи вошли въ составъ и литовскаго Статута. Литовскіе князья въ сѣверо-западномъ краѣ не рѣшались отмѣнять государственнаго строя и законовъ, такъ какъ они были не въ состояніи дать лучшихъ законовъ 2). Въ Литвѣ издревле были писанные законы и опредѣленная форма судопроизводства, какъ видно изъ проекта уніи Литвы съ Польшей, составленнаго на Петрковскомъ сеймѣ 1499 года. Изъ древнихъ законоположеній Литвы остался только статутъ Казиміра Ягайловича, изданный въ 1492 году; остальныя же законоположенія, которыхъ было не мало, затерялись 3). Первое изданіе Литовскаго статута было обязательно съ 1530, второе же изданіе, исправленное и дополненное, съ 1569 года. Статутъ во второмъ изданіи принято называть статутомъ Сигизмунда-Августа, а чаще всего волынскимъ, потому что имъ управлялась не только Литва и Жмудь, но и воеводства Волынское. Кіевское, Смоленское, Полоцкое, Витебское и Мстиславское. Вто-

1) Hellenius, Czas, dodatek miesięczny za 1857 г., выпускъ 18. M. Harasiewicz, Annales, Eccl. Ruth., стр. 155.
2) Jaroszewicz, т. I. стр. 146—147.
3) Тамъ же, т. II, стр. 128—129.

рое изданіе Лит. Статута было постоянно дополняемо новыми постановленіями, въ видѣ приложеній 1). Приложеніе статута т. е. *„Литовскій трибуналъ“* (верховный судъ), получившее законную силу съ 1581 года, въ этомъ году было напечатано въ Вильнѣ 2). По повелѣнію короля Сигизмунда III, великаго поборника польщизны, канцлеръ великаго княжества литовскаго Левъ Сапѣга, приготовилъ третье изданіе Литовскаго Статута, дополненнаго и исправленнаго, который и получилъ законную силу съ 1588 г. и дѣйствовалъ въ этомъ составѣ до 1840 года. Третье изданіе статута было напечатано въ Вильнѣ въ томъ же 1588 году и при томъ (одного и того же года) въ двухъ изданіяхъ 3). Всѣ три изданія Литовскаго Статута, дѣйствовавшія въ Литвѣ и на Жмуди, составлены по русскимъ законамъ, и были писаны на русскомъ языкѣ 4). Въ предисловіи сего Литовскаго Статута, изданія 1583 года. Левъ Сапѣга, канцлеръ великаго княжества литовскаго, писалъ такъ: „Если которому народу встыдъ правъ своихъ не умети, поготовю намъ, которые необчимъ акымъ языкомъ, але своимъ власнымъ (т. е. русскимъ) права списанные маемъ“ 5).

Отъ законоположеній, дѣйствовавшихъ по всему сѣверо-западному краю, перейдемъ къ частнымъ законамъ и правительственнымъ актамъ на Жмуди.

Правительственныхъ грамотъ и привиллегій, сохранившихся съ XV и XVI вѣковъ, исключительно для жителей Жмуди, весьма много, и онѣ довольно своеобразны. Въ 1492 году дана Жмуди „земская привиллегія“ Александромъ Казиміровичемъ. Въ 1527 году Жмудь просила, чтобы для нея былъ назначенъ „старостою Станиславъ Станиславовичъ,“ и король согласился. Жители Жмуди называли сановниковъ не по фамиліи, какъ дѣлаютъ Поляки, а по русскому обыкновенію, то-есть по имени и по отечеству.

---

1) Тамъ же, т. II, стр. 153, 140, 144.

2) Volumina Legum, пер. изд., т. II, стр. 210, и 41. Ярошевичъ. т. II, стр. 145.

3) J. Jaroszewicz, т. II, стр. 145.

4) Тамъ же, т. I, стр. 222 (53).

5) Czasopism naukowy, Lwów r. 1829. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1838 годъ.

Желая защитить простой народъ отъ несправедливостей и угнетеній со стороны старостъ и тіуновъ, Сигизмундъ Казиміровичъ I издалъ въ 1529 году уставъ, предназначая его для чтенія простому народу Жмуди. Всѣ эти привиллегіи, законы и другія королевскія грамоты, число которыхъ весьма значительно, *писаны по-русски*.

Жмудь въ XV и XVI вѣкахъ получила отъ польскихъ королей весьма много правъ и разныхъ привиллегій, и притомъ главнымъ образомъ по ходатайству жмудскихъ епископовъ, дѣлавшихъ это съ цѣлью усилить свое вліяніе и значеніе въ средѣ народонаселенія Жмуди. Само собою разумѣется, что редакція этихъ правъ и привиллегій не могла состояться безъ вѣдома тѣхъ же епископовъ. И что же? Всѣ эти права и привиллегіи Жмуди *писаны не иначе, какъ на русскомъ языкѣ*.

Судебные и административные акты Жмуди сохранились съ 1545 года. Всѣ они безъ исключенія *писаны на русскомъ языкѣ* до 1640 года; съ этого же года начинаютъ мало-по-малу употреблять въ актахъ и польскій языкъ; но это случалось весьма рѣдко до 1697 года. Очевидно, жители Жмуди, употребляли русскій языкъ въ присутственныхъ мѣстахъ и въ обращеніи къ начальству до тѣхъ поръ, пока имъ не запрещалось это дѣлать 1).

Формальное запрещеніе употреблять русскій языкъ въ верховныхъ судахъ послѣдовало въ 1697 году. Тѣмъ не менѣе, въ низшихъ судахъ, особенно въ судахъ, руководствовавшихся магдебургскимъ правомъ, русскій языкъ употреблялся и въ XVIII вѣкѣ 2).

Наконецъ, не только польскіе короли Ягеллоны, но даже и короли изъ природныхъ поляковъ и другихъ націй, какъ напримѣръ Стефанъ Баторій, Сигизмундъ III и его сынъ Владиславъ IV, умершій въ 1648 году, нерѣдко издавали грамоты на русскомъ языкѣ 3).

Добавимъ, что не только законы, привиллегіи и правитель-

1) Ярошевичъ, т. I, стр. 144—166, т. II, стр. 127—165. Encykl. powsz., т. XX VIII. слово Żmudź. Volumina Legum. т. V, стр. 118.

2) Projekt na Wygubienie Rusi съ 1717 года. § 4: «Wtem trzeba pilność mieć, ażeby wszelkie dekreta z Magdeburgii i inne piśma po Polsku, a nie po Rusku wychodziły.»

3) Боричевскій. Акты относящіеся къ исторіи западной Россіи, изданные разными и коммиссіями и частными лицами.

ственныя грамоты, относившіяся къ мірянамъ, но и относившіяся къ р. католическому духовенству, писались въ старину въ Литвѣ и на Жмуди на русскомъ языкѣ. Католическое духовенство не составляло тогда какого-то особаго польскаго класса, какъ нынѣ. Такъ, въ 1399 году, великій князь литовскій Витовтъ даровалъ виленскому р. католическому капитулу Березинскую землю и имѣніе Стрѣшинъ. Дарственная грамота, данная Витовтомъ въ Трокахъ, отъ 3-го апрѣля того же 1399 года, писана *по русски* 1). Въ 1536 году король Сигизмундъ I подарилъ участокъ земли, такъ называемый Калитниковскій, каноику жмудской епархіи, князю Валеріяну Протасевичу (въ послѣдствіи виленскій епископъ). Дарственная грамота по этому поводу также писана *по-русски* 2). Литовскій языкъ, стали употреблять въ письмѣ впервые въ концѣ XVI вѣка, да и то въ костельныхъ молитвахъ, катихизисахъ, или проповѣдяхъ, обращенныхъ къ простому народу. Кто нынѣ рѣшится искать лѣтописей писанныхъ по-литовски, если ихъ не удалось найти Стрыйковскому?

По желанію и повелѣнію жмудскаго епископа Мельхіора Гедройця, жмудскій каноникъ Матеей Стрыйковскій, въ концѣ XVI вѣка, написалъ лѣтопись Литвы и Жмуди 3). Стрыйковскому удалось собрать въ Литвѣ и на Жмуди, какъ матеріалы для своего труда, до тысячи лѣтописей 4). И. Даниловичъ замѣчаетъ, что показанное число лѣтописей, найденныхъ Стрыйковскимъ, не надо считать преувеличеннымъ, потому что и Шлецеру удалось достать 21 лѣтопись, изъ коихъ 12 печатныхъ, а 9 въ рукописяхъ 5). Изъ этой тысячи лѣтописей, найденныхъ Стрыйковскимъ на Жмуди и въ Литвѣ, *не было ни одной писанной не по-русски* 6). Но что главное, эти лѣтописи, по словамъ того же Стрыйковскаго, были *читаемы жителями Литвы и Жмуди издревле* 7). Отсюда ясно видно, что въ Литвѣ и на Жмуди издревле знали русскій языкъ и русскую грамоту.

---

1) Даниловичъ, Skarbiec, т. I, стр. 317, № 702.
2) Wizerunki, т. XXIV, стр. 91.
3) Даниловичъ при Лѣтописи Стрійковскаго, стр. 47.
4) Стрійковскій, т. I, стр. 237, 246, 354.
5) При лѣтописи Стрійковскаго, т. I, стр. 34.
6) Лѣтопись Стрійковскаго, т. I, стр. 55, 354.
7) Kronika, т. I, стр. 354. «Latopiszce też wszystkie Litewskie po rusku pisane, których Litwa z starodawna za kronikę używa.»

Одну изъ литовскихъ лѣтописей, изъ числа тѣхъ, которыми пользовался Стрийковскій, издалъ И. Даниловичъ въ 1828 году. Вотъ что онъ пишетъ объ ней: „Изъ этой лѣтописи видно, что уже въ XIV вѣкѣ были писаны отдѣльно литовскія лѣтописи, или по крайней мѣрѣ составлены извлеченія изъ другихъ лѣтописей, писанныхъ до того времени. Такъ какъ эта лѣтопись есть сокращеніе писанныхъ прежде, какъ въ ней значится, то ясно видно, что существовали древнія литовскія лѣтописи, писанныя прежде ея. Такимъ образомъ, ошибается Шлецеръ, говоря, будто лѣтописи въ Литвѣ и на Жмуди были писаны не прежде XV и XVI вѣковъ, ибо уже и эта лѣтопись писана около 1394 года“ 1).

Если можно было собрать тысячу лѣтописей, то нѣтъ сомнѣнія, что религіозныхъ сочиненій, молитвенниковъ, катихизисовъ и книжекъ духовнаго содержанія, находилось въ то время въ Литвѣ и на Жмуди еще болѣе. Въ самомъ дѣлѣ, особенно въ XIV—XVII вѣкахъ, въ Литвѣ и на Жмуди находилось весьма много разнаго рода книгъ и рукописей; это видно изъ факта сожиганія ихъ іезуитами и поляками, которые, какъ извѣстно, въ концѣ XVI и въ теченіе XVII вѣковъ постоянно сожигали огромныя кучи книгъ и рукописей, преимущественно старыхъ, по всей Жмуди и Литвѣ 2).

Такъ какъ лѣтописи писались тогда всѣ по-русски, то ясно видно, что и сочиненія, въ томъ числѣ и религіозныя, были писаны на томъ же русскомъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что не было до XVI вѣка ни одной частной отдѣлки писанной уроженцемъ Литвы и Жмуди политовски, или по-польски: *всѣ онѣ писались тогда по-русски* 3).

Еще въ 1094 году евреи перевели книгу Альгафторахъ, то-есть толкованіе Моисеевыхъ законовъ, на русскій языкъ. Къ сожалѣнію намъ неизвѣстно, гдѣ составленъ этотъ переводъ; онъ находится теперь въ Римѣ, въ ватиканской библіотекѣ 4).

Самою цвѣтущею эпохой русскаго языка въ Литвѣ и на Жмуди были XV, XVI и начало XVII столѣтія. Вотъ что писалъ Иванъ-Казиміръ Пашкевичъ въ 1621 году о русскихъ началахъ въ семъ краѣ. „Польша процвѣтаетъ латынью, Литва же и Жмудь русчизною; безъ той нельзя обойтись въ Польшѣ, безъ сей (т. е.

1) При лѣтописи Стрійковскаго, стр. 59.
2) Ярошевичъ, т. III, стр. 107.
3) Ярошевичъ, т. I, стр. 174.
4) Encyklopedya powszechna, т. XXVIII, стр. 1127.

русскаго языка) будешь въ Литвѣ и на Жмуди словно дуракъ. Благодаря латинскому языку, Польша въ состояніи говорить, Литва и Жмудь безъ русскаго языка существовать не въ состояніи. Знай, Русь, что твоя слава разнеслась по всему свѣту, радуйся, русскій, твоя слава никогда не исчезнетъ" 1).

Наконецъ о широкомъ развитіи въ старину русскихъ началъ въ Литвѣ и на Жмуди можно судить и по дѣлу книгопечатанія. Первая польская типографія въ городѣ Вильнѣ была основана іезуитами въ 1576 году. Первая русская типографія въ краѣ была виленская, такъ называемая типографія старшаго градоначальника Вильны Бабича, успѣвшая еще до 1525 года напечатать, если не весь Новый Завѣтъ Скорины, то навѣрное дѣянія и посланія апостольскія и мѣсяцесловъ. Эта типографія была р. католическая, тѣмъ не менѣе въ ней печатались книги и православнаго содержанія. Первая протестантская типографія въ сѣверо-западномъ краѣ была Несвижская, основанная княземъ Радзивилломъ Чернымъ, около 1558 года. Въ той типографіи печатались книги до 1570 года *исключительно по-русски*. Благодаря уніи Литвы съ Польшей и введенію іезуитовъ въ 1569 году, Несвижская типографія въ 1570 году напечатала уже по-польски протестантскую Библію, переводъ Буднаго. Наконецъ, въ слѣдующемъ 1571 году, она досталась іезуитамъ. Въ томъ же XVI вѣкѣ въ Вильнѣ работали русскія типографіи: Лелонга, Ленчинскаго, Гарабурды и по преимуществу братьевъ Луки, Козьмы и Льва Мамоничей. Типографія Мамоничей существовала долго и успѣла напечатать весьма много книгъ, она находилась подлѣ Острыхъ воротъ. Была русская типографія также въ мѣстечкѣ Заблудовѣ (Бѣлостокскаго уѣзда). Въ XVII вѣкѣ были русскія типографіи: въ Вильнѣ: свято-духовская и базиліянская, въ Евьѣ въ Трокскомъ уѣздѣ и въ Могилѣ. Наконецъ, въ XVIII вѣкѣ русскія книги печатали въ монастырѣ супрасильскомъ Бѣлостокскаго уѣзда 2).

---

1) Въ собраніи древнихъ грамотъ и актовъ, въ двухъ текстахъ русскомъ и польскомъ, (Вильна 1843 года) Слова Пашкевича: „безъ той нельзя обойтись въ Польшѣ, безъ сей будешь въ Литвѣ словно дуракъ," выброшены нарочно, чтобы не обижать польской національной гордости.

2) Вентковскій, Бандке и др. библіогр.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что издревле и до 18 вѣка въ Литвѣ и на Жмуди было не мало русскихъ училищъ, или точнѣе, учителей русской грамоты 1), такъ какъ въ одной Вильнѣ, въ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ, существовало 30 русскихъ училищъ; православныхъ, а потомъ и уніатскихъ церквей въ Литвѣ и на Жмуди было въ старину весьма много, и при каждой изъ нихъ существовало русское училище 2).

И. Козловскій.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМА

о современномъ состояніи религіозно-церковной жизни за границей.

V.

Мадридъ. 10 (22) сентября 1869.

Возбужденное вниманіе къ предстоящему въ Римѣ собору. Отвѣты протестантовъ на папское приглашеніе. Протесты католиковъ противъ собора. Окружное посланіе нѣмецкихъ католическихъ епископовъ. Непріятная для ультрамонтановъ книга франц. епископа Марэ. Конвокація ирландской церкви. Дѣло епископовъ Испаніи. Замѣчательное письмо отца Іоакинфа.

Съ приближеніемъ времени предстоящаго въ Римѣ собора все болѣе и болѣе не только возбуждается интересъ къ нему, но и поднимаются тревожныя сомнѣнія, не только среди католиковъ, которыхъ соборъ касается болѣе всего, но и среди протестантовъ, которыхъ онъ заставляетъ оглянуться на себя. Каковы бы ни были дѣйствительныя слабости латинской церкви, сколько бы ни говорили о крайнемъ ослабленіи на западѣ религіознаго интереса, но предстоящій соборъ поднимаетъ на ноги всѣхъ: въ немъ всѣ видятъ весьма важное событіе, хотя и не всѣ смотрятъ на него

---

1) Czacki, dzieła, т. I, стр. 66.

2) Respublica Moscoviae et urbes, editio An. 1630, стр. 134, такъ же на стр. 138. «Scolas semper templis adjunctas habent, in illis triginta annorum juvenis prima literarum rudimenta pueritiam docet.»

одинаковыми глазами и не всѣ ждутъ отъ него однихъ и тѣхъ же слѣдствій. Многіе, смотрятъ на него съ презрѣніемъ, съ высока, какъ на пустую забаву римской куріи, на которую пожалуй любопытно поглазѣть, но отъ которой ни ждать, которой ни опасаться нечего; другіе опасаются усиленія латинской церкви, ко вреду народовъ, цивилизаціи, науки и жизни; есть и такіе, и болѣе всего между католоками же, которые съ тревогою ждутъ слѣдствій собора, которые опасаются, что онъ можетъ натолкнуть корабль римской церкви на скалы и разбить его въ дребезги. Однимъ словомъ, какъ бы ни смотрѣли на предстоящій соборъ, какихъ бы слѣдствій ни ожидали отъ него, но въ важности его убѣждены всѣ.

Едва ли не самое наибольшее возбужденіе и наибольшія тревоги, въ виду предстоящаго собор, слышны въ послѣднее время въ Германіи, какъ католической, такъ и протестантской.

Протестанты Германіи, послѣ долгихъ думъ и размышленій, наконецъ отказомъ отвѣтили на папское приглашеніе воспользоваться соборомъ къ изъявленію своей покорности римской церкви,—на приглашеніе, на которое, если бы они хотѣли остаться вѣрными себѣ и если бы они въ этомъ соборѣ видѣли ничтожное событіе, они бы могли и должны были отвѣтить презрительнымъ молчаніемъ.

Мы имѣемъ два ихъ отвѣта на приглашеніе папы. Одинъ принадлежитъ собранію протестантовъ въ Ворисѣ. Отвѣтъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что онъ выражаетъ собою свободное, чуждое всякаго оффиціальнаго характера и, можетъ быть, господствующее мнѣніе протестантской Германіи о своемъ исповѣданіи и объ отношеніи его къ римской церкви. 31-го мая собрались въ Ворисѣ протестанты, принадлежащіе къ такъ называемому *Protestantenverein*, тому богословскому направленію, во главѣ котораго стоитъ извѣстный Шенкель и которое хотѣло бы видѣть въ Германіи одну раціоналистическую церковь — если только слово раціоналистическая ладится съ словомъ церковь—чуждую всякихъ традицій, даже традицій строгаго лютеранизма Пруссіи. Цѣль собранія была дать отвѣтъ на папское приглашеніе. Конечно, вы помните, что въ Ворисѣ, родинѣ протестантизма, который, впрочемъ, къ немалому удивленію протестантовъ, въ настоящее время насчитываетъ между своими жителями больше католиковъ, чѣмъ проте-

стантовъ, въ іюлѣ прошлаго года былъ открытъ великолѣпный памятникъ Лютеру. Тѣмъ интереснѣе было теперь слышать отвѣтъ на папскій зовъ отъ подошвы памятника Лютеру, изъ колыбели протестантизма, откуда раздался первый протестъ противъ папской лжи. Болѣе чѣмъ чрезъ три вѣка отрицаній родилось ли что-нибудь изъ этого протеста положительное?.. Шенкель еще осенью отвѣтилъ на папское приглашеніе особой брошюрой, съ содержаніемъ которой въ свое время мы познакомили читателей. Глава *протестантскаго единенія*, съ негодованіемъ протестовалъ тогда противъ папскаго приглашенія. Тоже самое выразилось и въ отвѣтѣ, который дало собраніе Вормса,—отвѣтѣ, формулированномъ тѣмже же Шенкелемъ. Вотъ нѣкоторыя подробности о собраніи.

Любопытныхъ и участниковъ собранія изъ разныхъ городовъ Германіи къ 31 мая стеклось около 20,000 человѣкъ: цифра почтенная, показывающая, что въ Германіи еще весьма и весьма интересуются религіозными дѣлами. Собраніе было открыто молитвой, послѣ которой пасторъ Бриглебъ высказалъ благожеланіе: „да дастъ Господь нѣмецкой націи нѣмецкую церковь!“ Главная роль въ собраніи, какъ и слѣдовало ожидать, принадлежала Шенкелю: онъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой изложилъ причины, по которымъ протестанты должны отвѣтить отказомъ на апостольское (sic) посланіе папы. „Римъ, говорилъ онъ, не принялъ аугсбургскаго исповѣданія, которое есть истинное основаніе религіознаго мира. Теперь папа имѣетъ въ Германіи только одну цѣль: сѣять вражду и уничтожить гражданственность (das Bürgerthum—противоположность іерархической организаціи церкви). Этимъ тенденціямъ нужно противопоставить нѣмецкую церковь (общину). Народъ протестантскій долженъ организоваться и тогда на гордый зовъ Рима мы можемъ дать отвѣтъ истинно нѣмецкій, который будетъ повтореніемъ протеста нашихъ отцовъ. Шенкель не имѣлъ смѣлости высказать вѣру и увѣренность въ настоящій протестантизмъ: онъ ждетъ *чего-то* отъ протестантизма будущаго. Протестанты, отворачиваясь отъ Рима, боясь его силы, ищутъ чего-то, ищутъ силы же, чтобы противопоставить ее силѣ. Гдѣ-то они найдутъ эту силу?..... По окончаніи своей рѣчи, ораторъ предложилъ слѣдующія пять рѣшеній:

1) „Мы, протестанты, собравшіеся въ Вормсѣ, побуждаемые нашею совѣстію, впрочемъ, признавая на это право и за католи-

каии, съ которыми хотимъ жить въ мирѣ, убѣжденные въ религіозныхъ, нравственныхъ, политическихъ и общественныхъ благодѣяніяхъ реформы, которою мы пользуемся, публично и торжественно протестуемъ противъ посягательства, выраженнаго въ апостольскомъ (sic) посланіи отъ 13 октября, приглашающемъ насъ вступить въ лоно римско-католической церкви.

2) „Всегда готовые соединиться съ нашими со-христіанами на основаніи чистаго Евангелія, мы съ тою же энергіею, какъ это было сдѣлано 350 лѣтъ тому назадъ, устами Лютера въ Вормсѣ же и устами нашихъ отцовъ въ Спеерѣ, протестуемъ противъ всякаго іерархическаго и священническаго опекунства, противъ всякаго стѣсненія умовъ и совѣстей, и особенно противъ началъ, гибельныхъ для государствѣ и цивилизаціи, выраженныхъ въ папской энцикликѣ 8 декабря 1864 г. и въ приложенномъ къ ней Силлабусѣ."

3) „При подошвѣ памятника Лютеру, отсюда мы простираемъ руки нашимъ согражданамъ и сохристіанамъ католикамъ, предлагая имъ единеніе на основаніи христіанскаго духа, общаго намъ всѣмъ, на основаніи нѣмецкихъ чувствъ и новѣйшей цивилизаціи. Надѣемся, что они соединятся съ нами, чтобы защитить наши высшія національныя и умственныя блага, которымъ угрожаетъ опасность изъ Рима, и что они вмѣстѣ съ нами возстанутъ на борьбу противъ общаго врага религіознаго мира, національнаго единства и свободнаго развитія цивилизаціи.

4) „Главною причиною религіознаго раскола, который мы оплакиваемъ, мы считаемъ іерархическія заблужденія, особенно духъ и дѣятельность ордена іезуитовъ, который всячески преслѣдуетъ протестантизмъ, стѣсняетъ всякую свободу ума, извращаетъ новѣйшую цивилизацію и управляетъ въ настоящее время католическою церковію. Христіанство возвратится къ миру и будетъ безпрепятственно служить благосостоянію народовъ только тогда, когда съ энергіей отвергнетъ іерархическій захватъ, обновленный съ 1815 года, возвратится къ чистому Евангелію и признаетъ завоеванія цивилизаціи.

5) „Наконецъ, мы объявляемъ, что всѣ тенденціи утвердить въ нѣдрахъ протестантизма іерархическую власть клира и исключительное царство догматовъ суть—отрицаніе протестантскаго духа и поэтому—мосты, которые ведутъ къ Риму. Убѣжденные, что

холодность и индифферентизмъ большей части протестантовъ являютъ результатомъ возрастанія силы церковной реакціонной партіи и въ одной изъ самыхъ могущественныхъ нѣмецкихъ странъ (намекъ на Пруссію) служатъ самымъ главнымъ препятствіемъ къ національному и церковному обновленію, мы увѣщаваемъ всѣхъ нашихъ братій въ вѣрѣ бодрствовать, быть въ единеніи, защищаться противъ тенденцій, которыя угрожаютъ свободѣ ума и совѣсти.“

По прочтеніи этого предложенія, начались о немъ разсужденія. Одинъ пасторъ изъ Мангейма, г. Шелленбергъ произнесъ сильную рѣчь противъ іезуитовъ. За этимъ слѣдовала рѣчь профессора изъ Берлина, г. Гольцендорфа, который настаивалъ, что нужно самаго папу пригласить къ соединенію съ протестантами. Это показалось не то шуткой, не то уже слишкомъ смѣлымъ. Наконецъ, одинъ ораторъ изъ Австріи, г. Гаасе потребовалъ простаго принятія предложеній Шенкеля, что и было сдѣлано. Пѣснь Лютера Ein feste Burg ist unser Gott и проч. закончила засѣданіе.

Другой отвѣтъ вышелъ изъ строго-лютеранской Пруссіи и данъ *евангелическимъ нѣмецкимъ синодомъ.* Онъ появился въ газетахъ только въ началѣ текущаго мѣсяца. Онъ снисходительнѣе относится къ папѣ, но тоже мало даетъ чувствовать вѣру протестантовъ въ твердость своего исповѣданія. Вотъ его текстъ.

„То, что главу римско-католической церкви, говоритъ въ своемъ отвѣтѣ нѣмецкій евангелическій синодъ, обстоятельства заставили созвать соборъ—это, конечно, касается ея одной и ни мало не относится къ нашей церкви протестантской. Но самый этотъ фактъ намъ, евангелическимъ еретикамъ, внушаетъ желаніе, чтобы папа, наконецъ, признался въ несовершенствахъ своей церкви и такимъ образомъ содѣйствовалъ христіанскому единенію, которое возможно только въ истинѣ.

„Но духъ исключительности различныхъ церквей и недостатокъ церковнаго между-исповѣднаго (?) права заставляетъ насъ сомнѣваться въ исполненіи нашего желанія. Впрочемъ, мы не перестанемъ его выражать, убѣжденные, что когда нибудь, хотя бы этого пришлось долго ждать, но это несомнѣнно, наше желаніе исполнится.

„Въ настоящій разъ папа не довольствуется только созваніемъ своихъ епископовъ; онъ отнесся также и къ церквамъ реформированнымъ. Если бы въ своей энциклике онъ ограничился только выраженіемъ желанія достигнуть соборомъ примиренія христіанскихъ церквей, его призывъ мы сочли бы за спасительный актъ, который мы не могли бы не одобрить. Но онъ сталъ на иную почву и заявилъ претензіи, о которыхъ необходимо объясниться ясно и точно.

„Верховный первосвященникъ относится къ намъ своимъ пастырскимъ авторитетомъ, который ему будто бы довѣренъ нашимъ Господомъ, Іисусомъ Христомъ, и который будто распространяется на все христіанство. Мы не признаемъ этого авторитета, потому что онъ противорѣчитъ идеѣ, которую мы имѣемъ о христіанствѣ. Къ вѣрящимъ въ этотъ божественный авторитетъ папства долженъ быть обращенъ голосъ того, кого они считаютъ носителемъ этого авторитета.

„Но относясь къ намъ, папа хочетъ распространить свои права и на евангелическую церковь, онъ отрицаетъ законность нашего исповѣданія и даетъ нашимъ протестаціямъ характеръ нарушенія порядка вещей, установленнаго Іисусомъ Христомъ.

„А именно воля Господа намъ и повелѣваетъ не признавать главою церкви папу, который выдаетъ себя за поставленнаго Самимъ Богомъ. Мы признаемъ вмѣстѣ съ Лютеромъ члены Шмалькальдена, которые отрицаютъ божественное право папства и признаютъ за нимъ только епископскую власть надъ церквами Рима и тѣми, которыя захотятъ подчиняться его приказаніямъ.

„Претензіи, которыя онъ заявляетъ въ энцикликѣ, имѣютъ мало основанія. Авторъ ихъ требуетъ отъ насъ простаго и безусловнаго возвращенія въ римско-католическую церковь, олицетворенную въ немъ, и видитъ въ этомъ возвращеніи простой знакъ повиновенія повелѣніямъ Христа, а вмѣстѣ и единственное для насъ средство спасенія отъ угрожающихъ намъ опасностей. Едва-ли нужно говорить, что въ подобномъ смыслѣ адресованное намъ приглашеніе не можетъ быть принято ни въ какомъ случаѣ, потому что мы всею душею привязаны къ евангелическимъ учрежденіямъ, даннымъ намъ реформою.

„Мы именно не знаемъ ни о какомъ учрежденіи, установленномъ Христомъ, ни о какой церковной монархіи, основанной будто

св. Петромъ, которыя будто послѣ нихъ достались въ управленіе епископамъ Рима.

„Подобныя учрежденія мало говорятъ о чистотѣ христіанскаго ученія. Одно только развитіе идей Лютера можетъ уничтожить несовершенства, которыя чувствуются даже и въ церкви реформированной. Мы твердо положили себѣ защищать и сохранять, съ помощію Господа, для нашего блага и блага всего человѣчества, священное наслѣдіе реформаціи. Свѣтъ Евангелія никогда не можетъ быть теперь снова скрытъ отъ глазъ народа.“

Какъ не трудно замѣтить, отвѣтъ этотъ отличается нѣкоторою сухостію, въ немъ нѣтъ той сердечной искренности, которая чувствуется въ протестѣ собранія протестантовъ въ Вормсѣ. И это неудивительно: это отвѣтъ собственно оффиціальной церкви Пруссіи. Но въ существѣ дѣла онъ говоритъ то же самое: отрицаясь папства, онъ говоритъ объ истинѣ, въ которой только и возможно единеніе, но истину онъ считаетъ также мало достояніемъ протестантства, какъ и папства. Недостатки или несовершенства не чужды теперешнему протестантству, свобода отъ нихъ ожидается впереди...

Еще любопытнѣе то движеніе, которое по поводу собора поднялось въ Германіи между самими католиками. Центромъ его служитъ католическій Мюнхенъ, но оно раздается по всей Германіи; оно бьетъ тревогу, что предстоящій соборъ готовится провозгласить догматы, не имѣющіе основанія ни въ Писаніи, ни въ церковномъ преданіи, и утвердить начала, опасныя для государствъ, цивилизаціи и науки. Движеніе это до того сильно и показалось до того опаснымъ, что на него обратили самое серьезное вниманіе даже въ Римѣ, а въ самой Германіи католическіе епископы были принуждены собраться въ общее собраніе и обнародовать окружное посланіе къ успокоенію встревоженныхъ умовъ и совѣстей.

Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ баварскій министръ, князь *Hohenlohe* обратился по всѣмъ правительствамъ циркуляромъ, предлагая коллективно принять мѣры противъ рѣшеній предстоящаго собора, могущихъ быть вредными для государствъ и цивилизаціи. Но правительства другихъ странъ уже тѣмъ, что не слишкомъ поспѣшили своими отвѣтами, показали, что они не принимаютъ къ сердцу его предложенія. То, что этотъ дипломатическій походъ

начинался ни одним изъ первостепенныхъ государствъ, не обѣщало ему успѣха; да и дѣло само таково, что въ настоящее время едва ли можно дѣйствовать въ подобныхъ дѣлахъ дипломатіей. Если отъ дипломатіи въ настоящее время нерѣдко ускользаютъ и вопросы политическіе, то что же она можетъ сдѣлать въ вопросахъ религіозныхъ? Благовидный, впрочемъ, предлогъ не принять предложеніе баварскаго министра заключался въ преждевременности принимать какія-бы то ни было мѣры противъ еще не состоявшагося собора. Намъ извѣстны теперь отвѣты правительствъ Австріи, Пруссіи и Швейцарскаго союза: сущность всѣхъ ихъ одинакова: они говорятъ, въ нашихъ-де рукахъ есть сила противостать какимъ-бы то ни было вреднымъ рѣшеніямъ собора, если только они будутъ посягательствомъ на права государства, но принимать какія-нибудь мѣры противъ несостоявшихся еще рѣшеній неблагоразумно.

Однимъ словомъ, дипломатическій походъ баварскаго министра не удался. Гораздо удачнѣе и практичнѣе былъ другой способъ, избранный баварскимъ правительствомъ для того, чтобы заявить свое мнѣніе о предстоящемъ соборѣ. Кажется въ маѣ, оно предложило католическому богословскому факультету Мюнхена пять вопросовъ по поводу собора, отвѣты на которые должны были произвести сильнѣйшее впечатлѣніе на общественное мнѣніе не только въ Баваріи, но и во всей католической Германіи, какъ громко заявленныя мнѣнія почтенныхъ представителей католической учености. Я передамъ вамъ эти вопросы и сущность на нихъ отвѣтовъ.

Первый вопросъ. „Если на предстоящемъ соборѣ положенія Силлабуса и непогрѣшимость папы будутъ возведены въ число истинъ вѣры, то какія могутъ произойти тогда перемѣны въ ученіи объ отношеніи между государствомъ и церковію, какъ оно доселѣ принималось въ Германіи какъ по теоріи, такъ и въ практикѣ?“

Отвѣтъ. „Предположивши, согласно точному смыслу вопроса, что положенія Силлабуса будутъ предложены предстоящему собору въ формѣ декретовъ и рѣшеній къ исполненію, и предположивши, что соборъ, какъ таковой, т. е. торжественно приметъ положенія Силлабуса чисто и просто какъ они есть и отвергнетъ, поэтому, все что отвергнулъ папа, тогда конечно вещь возможная,

что въ доселѣ существовавшихъ отношеніяхъ между церковію и государствомъ произойдутъ значительныя перемѣны. Мы говоримъ, что вещь возможная потому, что извѣстная доселѣ только чисто отрицательная редакція положеній Силлабуса не дозволяетъ произнести научнаго сужденія о всемъ объемѣ смысла нѣкоторыхъ изъ нихъ, и во всякомъ случаѣ такое сужденіе стоитъ въ зависимости отъ пониманія и истолкованія этихъ положеній въ ихъ настоящемъ смыслѣ, на что съ 1864 г. еще не давно никакого несомнѣнно *аутентичнаго* (т. е. церковію еще не указано настоящее ихъ пониманіе, хотя объясненій ихъ въ томъ и другомъ смыслѣ было много) заявленія. Конечно, есть поводъ предполагать, что положенія Силлабуса будутъ представлены собору въ формѣ положительной и поэтому будутъ поставлены въ болѣе точные предѣлы. Тогда это будетъ дѣло мудрости собора — и въ этомъ на него можно положиться—принять достаточныя предосторожности, чтобы, сообразно съ юридическими отношеніями государствъ и странъ, которыхъ епископы явятся на соборъ, форма, которую онъ дастъ положеніямъ Силлабуса, не послужила причиною безполезныхъ столкновеній, которыхъ легко бы можно было избѣжать,—столкновеній между его рѣшеніями и совѣстію католиковъ, съ одной стороны, и учрежденіями, основанными на правѣ и законахъ гражданскаго общества, съ другой.“

Чтобы доказать, что столкновенія эти возможны, факультетъ для примѣра въ своемъ отвѣтѣ цитуетъ нѣкоторыя страницы изъ сочиненія іезуита Климента Шрадера, которое издано въ 1865 году въ Вѣнѣ, подъ заглавіемъ: *Папа и новѣйшія идеи*. Въ этомъ сочиненіи положенія Силлабуса формулированы такъ, что въ такомъ смыслѣ ихъ уже не оказывается возможности примирить съ учрежденіями различныхъ новѣйшихъ государствъ. Сочиненію этому придаютъ особенную важность потому, что самъ іезуитъ Шрадеръ въ настоящее время находится въ Римѣ и принимаетъ участіе въ приготовительныхъ работахъ къ собору; къ тому же его книга издана съ приложеніемъ одобрительнаго письма самаго папы.

Второй вопросъ. „Въ предположенномъ выше случаѣ публичные профессоры догматики и каноническаго права будутъ ли обязаны представлять ученіе о божественной верховности папы надъ монархами и правительствами связующимъ совѣсть всего христіан-

огна, столько же въ прямой, сколько и не прямой власти папы надъ временными вещами?"

Отвѣтъ. „Ученіе о непогрѣшимости папы, на сколько оно будетъ членомъ вѣры, естественно составитъ фундаментальное и непосредственное основаніе внутренней конституціи церкви въ ея области духовной; но съ точки зрѣнія отношеній церкви и государства оно имѣетъ только посредственное значеніе...

„Что касается слѣдствій, которыя могутъ выходить изъ ученія о непогрѣшимости папы и папской верховности по божественному праву надъ монархами и правительствами, то многіе богословы, какъ-то: Картье, Боссюэтъ, Маріана и проч. доказывали, что непогрѣшимость папы существуетъ только въ области духовной. Противоположно этому учила школа италіанскихъ іезуитовъ, представляемая Беллярминомъ, Бекніемъ, Сфондрати и пр., которые учили, что временная верховность папы неразрывно связана съ его духовною непогрѣшимостію. Послѣднее ученіе имѣетъ за себя папъ: Григорія VII, Григорія IX, Иннокентія III, Иннокентія IX, Бонифація VIII, Іоанна XXII, Льва X, Павла IV и Пія V. Но въ какихъ предѣлахъ папа долженъ пользоваться своею временною верховностію? — большая часть богослововъ объ этомъ умалчиваетъ. Беллярминъ и его послѣдователи склоняются къ тому, что это-де зависитъ отъ доброй воли папы.

„Поведеніе въ этомъ случаѣ профессоровъ догматики и каноническаго права не можетъ быть опредѣлено прежде, чѣмъ дѣло еще не рѣшено соборомъ. Когда соборъ произнесетъ свое рѣшеніе, тогда только начнется работа экзегиса, изложенія и проч. и профессоры каноническаго права, конечно, должны будутъ принять въ этомъ участіе. Тѣ изъ нихъ, которые облечены церковнымъ саномъ, должны ждать для этого инструкцій отъ своихъ епископовъ."

Третій вопросъ. „Профессоры догматики и каноническаго права считаютъ ли себя непосредственно обязанными принять въ свои лекціи и свои сочиненія ученіе, что личныя и церковныя привиллегіи даны клиру по божественному праву, т. е. принадлежатъ къ области вѣры?"

Отвѣтъ. „Если предложенія Силлабуса, относящіяся къ преимуществамъ клира, будутъ рѣшены соборомъ положительнымъ и утвердительнымъ образомъ, то они, конечно, будутъ противорѣ-

щихъ ученія о часто-праздноенкомъ превосходствіи этихъ преимуществъ. Таково постоянное ученіе каноническаго права. Папа только иногда можетъ дозволить практическую неприложимость извѣстныхъ привиллегій, принимая во вниманіе обстоятельства времени."

Четвертый вопросъ. „Существуютъ ли всеобще признанные *критеріи* (criteria), которые бы дозволяли судить съ достовѣрностію, что такое-то опредѣленіе произнесено папою *ex cathedra*, т. е. поэтому, сообразно съ ученіемъ, которое можетъ провозгласить предстоящій соборъ, такое-то опредѣленіе должно считаться непогрѣшимымъ и обязательнымъ для совѣсти всякаго христіанина? Если существуютъ эти критеріи, то какіе они?"

Отвѣтъ. „Всеобще признаннаго критерія, по которому бы можно было судить съ достовѣрностію, что такое-то опредѣленіе папы сдѣлано имъ *ex cathedra*, не существуетъ. У богослововъ, которые поддерживаютъ ученіе, о которомъ идетъ рѣчь, насчитывается около двадцати различныхъ предположеній объ условіяхъ, необходимыхъ для рѣшенія *ex cathedra*. Изъ всѣхъ этихъ весьма различныхъ и часто совершенно противоположныхъ теорій или предположеній доселѣ еще не отдано предпочтенія ни одному: всѣ они оспариваются значительнымъ числомъ богослововъ. Кажется, что если вселенскій соборъ провозгласитъ опредѣленіе о непогрѣшимости папы, онъ долженъ въ то же время опредѣлить идею рѣшеній его *ex cathedra*, потому что иначе это опять останется въ неизвѣстности и будетъ предметомъ споровъ."

Пятый вопросъ. „До какой степени вновь проектированные догматы и вытекающія изъ нихъ необходимыя слѣдствія могутъ имѣть измѣняющее вліяніе на обученіе народа въ церкви и школѣ и на книги народнаго обученія, катихизисы и проч.?"

Отвѣтъ. „Очевидно, книги народнаго обученія, именно катихизисы, должны быть измѣнены, если непогрѣшимость папы будетъ возведена въ рядъ всеобщаго ученія церкви, открытаго Богомъ. Въ катихизисахъ, бывшихъ доселѣ въ употребленіи въ Баварскомъ королевствѣ, есть только вопросъ о непогрѣшимости *учащей власти* церкви и говорится такъ, что эта власть принадлежитъ вмѣстѣ папѣ и епископамъ въ ихъ общеніи между собою, и что ихъ рѣшенія главнымъ образомъ провозглашаются вселенскими соборами (Катихизисы: Аугсбурга, Бамберга, Вюрцбурга

и проч.) Впрочемъ, то правда, что катихизисъ іезуита Гарбе, введенный во многихъ діоцезахъ, содержитъ уже иное ученіе; въ немъ говорится: „учащая власть церкви даетъ свои рѣшенія или чрезъ папу или чрезъ соборъ, утвержденный папой.“ Здѣсь очевидно намѣреніе, вопреки прежде бывшимъ въ Германіи въ употребленіи катихизисамъ, перенести непогрѣшимость всецѣло и исключительно на папу.

„Такимъ образомъ, въ этомъ пунктѣ измѣненіе въ катихизисахъ будетъ неизбѣжно. Въ случаѣ, если собравшіеся епископы примутъ этотъ догматъ, то народу въ учебныхъ книгахъ нужно вполнѣ ясно говорить, что весь авторитетъ и вся непогрѣшимость въ дѣлѣ вѣры всецѣло присутствуютъ въ лицѣ папы и что его рѣшенія, поэтому, непогрѣшимы, будутъ ли они даны имъ однимъ, или въ соединеніи съ большимъ или меньшимъ числомъ совѣтниковъ.“

Можетъ быть, кому нибудь изъ нашихъ читателей кое-что покажется не совсѣмъ яснымъ, какъ въ вопросахъ, такъ и въ отвѣтахъ мюнхенскаго богословскаго факультета. Но не нужно забывать, что рѣчь идетъ здѣсь о предметахъ еще не рѣшенныхъ и не ясныхъ самихъ по себѣ: неопредѣленность, какъ въ вопросахъ, такъ и въ отвѣтахъ, тутъ весьма естественна. Папа есть непогрѣшимый глава церкви; но онъ человѣкъ и какъ человѣкъ погрѣшимъ—это признаютъ сами католики. Когда же онъ непогрѣшимъ? Когда говоритъ *ex cathedra*. Если не принять въ буквальномъ смыслѣ перемѣщенія папы на какую-то каѳедру, которая бы давала ему свойство говорить непогрѣшимо, которая бы, по этому, получала свойство непогрѣшимости вмѣсто папы, то невозможно отдѣлить папу погрѣшимаго отъ папы непогрѣшимаго. Если принимать каѳедру, какъ папство, тогда папа, какъ папа, будетъ непогрѣшимъ всегда, и что тогда онъ будетъ говоритъ всегда съ каѳедры. Другое ученіе: папа верховный и непогрѣшимый глава церкви и всѣхъ католиковъ, но только въ вещахъ духовныхъ. А отъ духовныхъ вещей стоятъ въ зависимости вещи временныя; стало быть папа есть глава въ вещахъ временныхъ и стало быть онъ имѣетъ власть надъ государями и правительствами. Но прямую ли власть, или не прямую? Теорія о прямой и не прямой власти папы надъ государями развивается до нелѣпостей въ іезуитскихъ религіозно-политическихъ трактатахъ. Тутъ утверждаютъ:

верховная власть папы не опасна государямъ, потому что она распространяется только на духовныя вещи и только не прямымъ образомъ на вещи временныя; верховная власть папы—выше всякой другой власти, потому-что временный порядокъ вещей подчиненъ духовному и проч. Во всемъ этомъ понятно только одно: утвержденіе непогрѣшимой верховности папы; но когда начнутъ опредѣлять и объяснять эту непогрѣшимую верховность, тогда заходишь въ такую бездну тумана и противорѣчій, что не разберешь ничего и незнаешь на чемъ и остановиться. На эту-то бездну противорѣчій, на этотъ-то туманъ, который соборъ хочетъ не разсѣять, а только прикрыть утвердительными положеніями, и указываютъ, какъ вопросы баварскаго правительства, такъ и отвѣты богословскаго факультета Мюнхена. Для послушныхъ сыновъ латинской церкви, или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которые хотятъ казаться такими, рѣшеніе, ясно формулированное папой, недопускаетъ ни сомнѣній, ни возраженій; только можно подъискивать доказательства для его утвержденія, а если таковыхъ не найдется, то принимать его просто такимъ, какимъ оно дается. Вопросъ, нерѣшенный папой, для католика допускаетъ въ себѣ всѣ противорѣчія, всю темноту, которая ему можетъ быть свойственна, но тотъ же вопросъ, оставшійся съ тѣми же качествами, но рѣшенный папой, уже становится для него яснымъ и опредѣленнымъ лишь потому, что онъ не хочетъ видѣть для него иного разъясненія и утвержденія, кромѣ авторитета папы. Это несомнѣнная особенность, которую вы встрѣтите на каждомъ шагу, не въ литературѣ и школахъ, но въ личныхъ сношеніяхъ съ католиками, я говорю объ искреннихъ католикахъ: они могутъ дозволить съ вами разсужденія и споры о какомъ нибудь темномъ не рѣшенномъ папой вопросѣ, и при всѣхъ съ вашей стороны доказательствахъ, при всей повидимому убѣдительности приводимыхъ вами contra доводовъ, въ заключеніе вы услышите отъ нихъ одно: *но такъ учитъ Римъ*. По отношенію къ проектированнымъ рѣшеніямъ предстоящаго собора, совѣсть католическаго общества еще не связана никакимъ авторитетомъ; общественное мнѣніе католиковъ объ этихъ рѣшеніяхъ можетъ, поэтому, выражаться безпрепятственно. Вся цѣль дѣла, затѣяннаго баварскимъ правительствомъ, и состоитъ именно въ томъ, чтобы заблаговременно испытать общественное мнѣніе католиковъ и даже поискать въ немъ возможности отклонить

угрожающія рѣшенія предстоящаго собора. И если баварскому правительству не удался дипломатическій походъ противъ собора, то ему, какъ нельзя лучше удалось возбудить противъ него общественное мнѣніе католиковъ Германіи.

Оффиціальный актъ баварскаго правительства не остался одинокимъ. Въ нѣмецкой литературѣ появилось множество брошюръ, въ журналахъ множество статей, которыя забили тревогу въ виду тѣхъ опасностей, которыми грозитъ соборъ въ своихъ проектированныхъ рѣшеніяхъ. И эти брошюры, и эти статьи принадлежатъ не врагамъ католицизма, протестантамъ, но католикамъ и нерѣдко даже католическимъ священникамъ. Таковы замѣчательныя статьи: въ *Historische und politische Blätter* подъ заглавіемъ: *Вселенскій соборъ, его защитники и его приверженцы;* въ *Майнцкомъ журналѣ: Вселенскій соборъ и научное нѣмецкое богословіе.* Но особенно глубокое впечатлѣніе, какъ на католически ученый міръ, такъ и на католическое общество Германіи, произвелъ рядъ мастерски писанныхъ писемъ о соборѣ, печатавшихся въ аугсбургской газетѣ *Allgemeine Zeitnng*, которыя потомъ были изданы въ особой книгѣ подъ заглавіемъ: *Papa und Concil* съ псевдонимомъ Януса 1). Вотъ существенныя мысли этихъ писемъ: „При папской системѣ, которая смотритъ на епископовъ, какъ на подчиненныхъ и отвѣтственныхъ агентовъ папы, которая изобрѣла *ordinarius ordinariorum*—непогрѣшимаго рѣшителя въ дѣлѣ вѣры, которая обязываетъ епископовъ клятвою поддерживать, защищать, благопріятствовать всѣми способами и распространять права, почести, привилегіи и авторитетъ ихъ государя — папы, истинный соборъ въ существѣ дѣла вещь невозможная. Епископы сами не могутъ считать себя свободными членами свободнаго собора, а христіанскій міръ не можетъ признать за ними этого качества, ни считать ихъ отвѣтственными въ рѣшеніяхъ и отрицаніяхъ предстоящаго собора, которыя вовсе не будутъ зависѣть отъ нихъ. Истинная и совершенная свобода для каждаго, отсутствіе всякаго нравственнаго давленія, всякой боязни, всякаго пристра-

1) Эта книга появилась въ продажѣ и въ С.-Петербургѣ; вотъ ея полное заглавіе: Der Papst und das Concil, von Janus. Eine weiter ausgefürste und mit den Quellennachweis versehene Neubearbeitung der in der Augsburger Allgemeine Zeitung erschienenen Artikel: das Concil und die Civilta. Leipzig 1869.

щенія и всякой угодливости—вотъ чего требуетъ самая сущность собора. Собраніе людей, которые напередъ представили клятву повиновенія, которыхъ должна давить боязнь подвергнуться, вмѣстѣ съ неблагорасположеніемъ римской куріи, страшнымъ укоризнамъ въ клятвопреступленіи, которымъ ставятъ самое неодолимое препятствіе къ исполненію ихъ долга, такое собраніе нельзя считать свободнымъ особенно по отношенію ко всѣмъ вопросамъ о власти и претензіяхъ святаго престола, т. е. по отношенію почти ко всѣмъ вопросамъ, которые будутъ предложены на предстоящемъ соборѣ. Во времена отдаленныя, когда папы были еще не въ состояніи оказывать вліянія давленія и застращиванія на синоды, императоры иногда компрометировали свободу соборовъ; но начиная съ папы Григорія VII тяжесть папской власти оказываетъ на соборы въ десять разъ большее давленіе, чѣмъ каково было давленіе власти императорской. Въ XVI вѣкѣ половина Европы вполнѣ имѣла право требовать, чтобы соборъ не былъ въ Римѣ, даже, чтобъ онъ не былъ въ Италіи и чтобы епископы были освобождены отъ клятвы повиновенія папѣ. Относительно же будущаго собора, который соберется не только въ Италіи, но даже въ Римѣ, уже извѣстно, что онъ будетъ продолженіемъ и двойникомъ пятаго собора въ Латеранѣ (въ Римѣ). Т. е. каковъ бы ни былъ ходъ собора, ему нельзя приписать ни одного изъ существенныхъ качествъ собора, онъ не можетъ быть истинно свободнымъ соборомъ. Богословы и канонисты утверждаютъ, что безъ полной свободы не обязательны и рѣшенія собора, и что такой соборъ не болѣе какъ псевдо-соборъ."

Сначала думали, что авторъ этихъ писемъ есть извѣстный историкъ, докторъ Пихлеръ. Поводомъ къ этому предположенію послужилъ, кажется, отъѣздъ его въ Петербургъ, въ которомъ хотѣли видѣть какъ бы бѣгство отъ заявленныхъ имъ мнѣній. За этимъ стали положительно утверждать, что они принадлежатъ одному католическому священнику. Въ тоже время появилась въ Германіи дѣльная брошюра безъ имени автора и подъ заглавіемъ: *Ближайшій Вселенскій соборъ. Откровенное слово одного католическаго священника.* Въ Римѣ этого не сочли пустяками. *Civiltà Cattolica*, журналъ, издаваемый іезуитами въ Римѣ и считающійся доктринальнымъ органомъ папства, напечаталъ ѣдкую статью, обращенную *къ двумъ католическимъ священникамъ* Гер-

манія. Имя автора писемъ не было еще извѣстно іезуитскому журналу, но онъ уже положительно считалъ его священникомъ, какъ и автора брошюры: *Ближайшій Вселенскій соборъ*. Но для Civiltà Cattolica этого было мало. Извѣстна римская система, особенно прилагаемая къ дѣлу іезуитами: когда она безсильна противъ идей, она старается подкопать ихъ защитниковъ, когда эти защитники не извѣстны, будьте увѣрены, она найдетъ и учинитъ съ ними расправу, и она найдетъ или просто подставитъ именно такихъ защитниковъ, съ которыми всего легче можетъ справиться. Папство въ настоящее время не можетъ жечь, такъ оно еще довольно сильно компрометировать своего врага, особенно же, если это врагъ домашній, какой нибудь священникъ. Въ послѣдней своей книжкѣ, наконецъ, Civiltà Cattolica дала другую статью по тому же вопросу и положительно заявляетъ, что авторъ замѣчательныхъ писемъ противъ собора есть извѣстный католическій профессоръ Мюнхена и священникъ *Деллингеръ*. Замѣтьте, при этомъ, тактику іезуитскаго журнала: съ злорадствомъ объявляя имя своего врага, онъ сравниваетъ мысли и тонъ этихъ писемъ съ циркуляромъ баварскаго министра, разосланнымъ къ иностраннымъ правительствамъ по поводу предстоящаго собора, съ вопросами о томъ же соборѣ, предложенными баварскимъ правительствомъ богословскому факультету Мюнхена и съ отвѣтами послѣдняго, съ разными другими журнальными статьями противъ собора, и всюду видитъ или тоже перо Дёллингера, или его вліяніе и внушеніе. Такимъ образомъ іезуитскій журналъ безспорно важное движеніе противъ собора въ Германіи хочетъ низвести до предѣловъ вины одного *непокорнаго* и *бунтующаго* священника. Намъ даже еще не вѣрится, чтобы авторъ этихъ писемъ былъ Дёллингеръ, хотя бы онъ и былъ тѣхъ же самыхъ идей, потому что для этого пока нѣтъ положительныхъ доказательствъ; но для іезуитскаго журнала выгоднѣе найдти виноватаго въ лицѣ священника Дёллингера, котораго можно *пришибить*, чѣмъ въ лицѣ какого-нибудь Пихлера, до котораго теперь далеко.

Но если бы и дѣйствительно Дёллингеръ стоялъ во главѣ этого движенія, то все-таки то несомнѣнно, что его идеи нашли готовую почву и самый легкій доступъ въ сердца католиковъ и вполнѣ отвѣчали ихъ чувствамъ. Протесты и адресы, которые представляются католиками своимъ епископамъ и въ которыхъ они выска-

зываютъ тревожныя опасенія въ виду предстоящаго собора, доказываютъ это какъ нельзя лучше. Таковъ энергическій адресъ католиковъ Кобленца епископу Тревеса (Трира?), таковы адреси, представленные архіепископу Кёльна отъ католиковъ Бонна и Андернаха. Тутъ уже нужно признать не возстаніе какого нибудь одинокаго, хотя бы и извѣстнаго, священника, но возбужденіе общественнаго мнѣнія, для успокоенія котораго едва ли окажется достаточною іезуитская тактика. Тутъ самая усердная полиція іезуитовъ не отыщетъ никакого интригующаго внушенія Дёллингера. Это возбужденіе показалось столь тревожнымъ и столь опаснымъ, что нѣмецкіе католическіе епископы къ 1 сентября сочли нужнымъ собраться въ Фульдѣ (аббатство близъ Кельна) и подумать о мѣрахъ къ его успокоенію. Послѣ нѣсколькихъ дней разсужденія, они, наконецъ, отъ 6 сентября отнеслись къ своимъ пасомымъ окружнымъ посланіемъ. Написанное весьма искусно и осторожно и *не въ разрѣзъ* съ общественнымъ мнѣніемъ католической Германіи, оно слишкомъ длинно для того, чтобы я могъ рѣшиться передать вамъ полный его переводъ, хотя бы оно того и заслуживало. Но я приведу изъ него только наиболѣе замѣчательныя и характеристическія мѣста.

Сказавъ въ началѣ посланія о томъ, что первыя вѣсти о соборѣ повсюду были встрѣчены съ радостію и довѣріемъ, епископы продолжаютъ:

„Между тѣмъ, съ другой стороны, мы не можемъ скрыть, что даже между ревностными и вѣрными членами церкви показались опасенія, которыя могутъ подорвать и довѣріе къ нему (собору). Прибавьте къ этому еще то, что и противники церкви распространяютъ обвиненія, вся цѣль которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы поднять опасенія и антипатіи къ собору и даже возбудить подозрѣнія и недовѣріе правительствъ.

„Такъ, громко высказывается опасеніе, чтобы соборъ не провозгласилъ догматовъ, не содержащихся въ божественномъ откровеніи и преданіи церкви и чтобы не узаконилъ принциповъ, могущихъ повредить интересамъ христіанства и церкви и непримиримыхъ съ законными правами государствъ, цивилизаціи и науки, равно какъ и съ справедливою свободою и временнымъ благосостояніемъ народовъ. Идутъ еще дальше: обвиняютъ святаго отца въ желаніи, подъ вліяніемъ партіи (намекъ на іезуитовъ и уль-

трамонтановъ), воспользоваться соборомъ для непомѣрнаго увеличенія власти апостольскаго престола, для измѣненія древнихъ и истинныхъ учрежденій церкви, для утвержденія, наконецъ, духовной верховности, непримиримой съ христіанской свободой. Не боятся называть именемъ партіи главу церкви и епископство—оскорбленіе, которое доселѣ мы привыкли слышать только изъ устъ отъявленныхъ враговъ церкви. Доходятъ даже до того, что выражаютъ подозрѣніе, что епископы не будутъ имѣть полной свободы разсужденія на соборѣ, что имъ не представятъ даже данныхъ и не дадутъ свободы слова, необходимыхъ имъ для исполненія ихъ долга въ этомъ собраніи и, поэтому, даже ставятъ въ вопросъ законность собора и обязательность его рѣшеніи."

Изложивъ такимъ образомъ обвиненія и опасенія противъ предстоящаго собора, епископы успокоиваютъ встревоженную совѣсть своихъ пасомыхъ слѣдующими доводами:

„Каково бы ни было происхожденіе этихъ и подобныхъ рѣчей, онѣ не могутъ выходить отъ вѣры живой, отъ неизмѣннаго довѣрія въ присутствіе, которымъ Богъ никогда не оставляетъ своей церкви. Наши отцы въ вѣрѣ, святые Божіи никогда такъ не думали. Знаемъ, возлюбленнѣйшіе пасомые, что эти рѣчи противны и самымъ искреннѣйшимъ чувствамъ вашей вѣры. Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ своимъ долгомъ настоятельно увѣщевать васъ не поддаваться обману этихъ рѣчей и не колебаться въ вашей вѣрѣ и вашемъ довѣріи.

„Вселенскій соборъ никогда, *никогда* не провозгласитъ новаго ученія, которое бы не заключалось въ писаніи или апостольскихъ преданіяхъ; когда церковь опредѣляетъ въ дѣлѣ вѣры, она не провозглашаетъ новаго догмата, она только болѣе выясняетъ древнюю и первобытную истину и защищаетъ ее противъ новыхъ заблужденій.

„Никогда, *никогда* вселенскій соборъ не провозгласитъ догмата, который былъ бы въ противорѣчіи съ началами правды, съ правами государства и его представителей, съ цивилизаціей, съ истинными интересами знанія и съ справедливою свободою и благосостояніемъ народовъ.

„Однимъ словомъ, соборъ не провозгласитъ никакого новаго начала, никакого другаго, кромѣ тѣхъ, которыя напечатлѣны въ вашемъ сердцѣ вашею вѣрою и вашею совѣстію, кромѣ тѣхъ, ко-

торыя считались святыми въ продолженіе вѣковъ христіанскими народами и на которыхъ основываются и всегда будутъ держаться благосостояніе государствъ, авторитетъ власти, свобода народовъ и которыя въ тоже время служатъ основаніемъ всякаго знанія и всякой цивилизаціи...

„Равно, пусть никто не думаетъ, что вселенскій соборъ неразсудительно и съ поспѣшностію приметъ рѣшенія, которыя бы, безъ всякой необходимости, стали въ противорѣчіе съ настоящими обстоятельствами и съ современными нуждами; пусть никто не опасается, чтобъ онъ, по возбужденію какихъ нибудь экзальтированныхъ личностей, захотѣлъ перенести въ наше время идеи, нравы и учрежденія временъ прошедшихъ и примѣнимыхъ только къ прошедшему. И на какомъ основаніи можно опасаться чего-нибудь подобнаго отъ собранія, составленнаго изъ епископовъ цѣлаго католическаго міра, отъ этихъ епископовъ, которые, съ полнымъ запасомъ жизненной опытности, знакомые съ обычаями самыхъ разнообразнѣйшихъ странъ, облеченные отвѣтственностію святѣйшаго званія, соберутся для разсужденія съ главою церкви о лучшихъ средствахъ къ осуществленію въ настоящемъ вѣчныхъ истинъ религіи, къ наилучшему усвоенію и обезпеченію благодѣяній христіанства поколѣніямъ настоящимъ и будущимъ?

„Также мало основанія и мало правды въ опасеніяхъ, будто не будетъ дозволена свобода разсужденій на соборѣ. Тѣ, которые такъ думаютъ, какъ же они мало знаютъ чувства папы, чувства епископовъ и поведеніе церкви! Мы знаемъ изъ самаго вѣрнаго источника, что святой отецъ объявилъ формально и положительно свою волю не полагать никакого препятствія ни свободѣ, ни времени продолженія разсужденій. И это естественно. Въ самомъ дѣлѣ, въ соборѣ церкви нѣтъ партій, которыя бы стали биться изъ всѣхъ силъ, чтобы одержать побѣду краснорѣчіемъ; различнымъ членамъ собора нечего хлопотать о пріобрѣтеніи большинства, благопріятнаго каждому для своихъ видовъ. Не смотря на различіе мнѣній, здѣсь всѣ напередъ согласны въ началахъ вѣры и у нихъ у всѣхъ одна цѣль—спасеніе душъ и благо христіанства. Поэтому, разсужденія на соборѣ не имѣютъ цѣли побѣдить противника или дать торжество частному интересу. Здѣсь разсуждаютъ, да торжествуетъ истина!... Что касается вѣчныхъ истинъ

вѣры, соборъ не рѣшитъ ничего, не исчерпавъ сначала всѣхъ источниковъ знанія, и только послѣ самыхъ зрѣлыхъ обсужденій.

„Что сказать о тѣхъ недостойныхъ подозрѣніяхъ, что епископы изъ угодливости могутъ отказаться на соборѣ отъ свободы слова, которую налагаетъ на нихъ ихъ долгъ? Памятуя заповѣдь нашего Господа, мы не отвѣтимъ оскорбленіемъ оскорбляющимъ насъ, а только скажемъ имъ по совѣсти и въ простотѣ сердца: епископы католической церкви, когда они соберутся на соборъ, между своими важными обязанностями они никогда не забудутъ самой святѣйшей изъ нихъ—долга свидѣтельствовать объ истинѣ; они не забудутъ этихъ словъ апостола: *кто хочетъ угождать людямъ—не есть слуга Христа.*

„Нѣтъ ничего страннѣе, несообразнѣе съ характеромъ католической церкви, какъ обвиненіе въ духѣ партіи... Церковь заключаетъ въ себѣ безконечное разнообразіе національныхъ и индивидуальныхъ характеровъ, она содержитъ въ своемъ нѣдрѣ общества, корпораціи и государства, самыя различныя въ своей религіозной жизни; она терпитъ, даже больше, она покровительствуетъ самымъ величайшимъ разнообразіямъ мнѣній, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ, но она никогда не терпитъ и неодобряетъ партій, она сама никогда не можетъ быть партіей... И возможно это, чтобъ католическое сердце и любовь, не омраченные страстями, находили духъ партіи въ томъ, что касается религіи и церкви? На предстоящемъ соборѣ будетъ говорить всѣмъ высочайшая и непогрѣшимая каѳедра церкви, или лучше самъ Христосъ и Его святой Духъ, и всѣ добросовѣстные люди, всѣ тѣ, кто отъ Бога, послушаютъ ея голоса, голоса истины, правды и мира Христа.

Посланіе подписано двѣнадцатью епископами и во главѣ ихъ архіепископомъ Кельна. Достигнетъ ли оно своей цѣли—пока неизвѣстно. Но при всей преданности, которую въ своемъ посланіи епископы выражаютъ по отношенію къ Риму, въ немъ ясно и раздѣльно слышится голосъ епископовъ именно Германіи, гдѣ слишкомъ дорожатъ религіозною свободою и гдѣ далеко не хотятъ рабства предъ папою.

Въ параллель съ противо-ультрамонтанскимъ движеніемъ Германіи, во Франціи составляетъ замѣчательное явленіе недавній выходъ въ свѣтъ двухъ томовъ давно ожидаемаго сочиненія о соборѣ монсеньера *Maret*, епископа Суры и декана Сорбонны. Это только

первая часть всего сочиненія: оно носитъ заглавіе: *Du concile general et de la paix religieuse. Premiere Patrie: La Constitution de l'Eglise et la periodicitè des Conciles generaux. Memoire soumis anprochain Concite oecuménique du Uatican.* Вы конечно не забыли исторіи, предметомъ которой послужило это сочиненіе нынѣшнею зимою, когда оно только еще начинало печататься: въ газетахъ было указано на его характеръ, въ Римѣ взбунтовались, дано было приказаніе папскому нунцію въ Парижѣ достать корректурные листы, типографу, которой взялся печатать его, былъ за это даже обѣщанъ орденъ и пр., но я не повторяю вамъ этихъ свѣдѣній. Однимъ словомъ, Римъ придавалъ появленію этаго сочиненія не послѣднюю важность и ему хотѣлось было пришибить его еще прежде его появленія; но это не удалось. Когда мы получимъ это сочиненіе, мы постараемся познакомить съ нимъ подробно; но теперь журналы передаютъ предисловіе, которое епископъ Марэ предпосылаетъ своему сочиненію. Здѣсь авторъ открыто заявляетъ, что въ вопросѣ о догматической непогрѣшимости папы онъ поддерживаетъ галликанскій тезисъ противъ ультрамонтанскаго; онъ смотритъ на церковь какъ на монархію умѣряемую аристократіей епископовъ и въ ультрамонтанизмѣ видитъ стремленія къ абсолютизму.

Одинъ изъ англиканскихъ епископовъ, именно Cummings, спрашивалъ папу письмомъ, на какихъ условіяхъ англиканскіе епископы могутъ явиться на предстоящій соборъ. Недавно папа отвѣтилъ ему чрезъ католическаго архіепископа Маннинга: первымъ условіемъ онъ полагаетъ безусловное признаніе главенства папы, безъ котораго они не могутъ быть допущены на соборъ; послѣ того допущенные на соборъ, они самымъ фактомъ присутствія на немъ безъ всякихъ разсужденій и споровъ принимаютъ всѣ догматы латинской церкви. Едва ли на этихъ условіяхъ кто-нибудь изъ англиканскихъ епископовъ приметъ папское приглашеніе на соборъ.

Отдѣленіе англиканской церкви Ирландіи отъ государства теперь есть уже совершившійся фактъ и оно произошло именно на тѣхъ основаніяхъ, которыя были предложены парламенту Гладстономъ, и сущность которыхъ я передалъ вамъ въ свое время съ значительными подробностями. Свободная ирландская церковь теперь начинаетъ самостоятельную жизнь. Въ прошломъ году, когда

церковь была еще связана съ государствомъ, два раза англиканскіе епископы Ирландіи обращались къ правительству съ просьбою о дозволеніи собраться въ конвокаціи, какія собираются въ самой Англіи, и два раза имъ было отказано. Теперь уже не зачѣмъ имъ обращаться для этого къ правительству: это право имъ принадлежитъ теперь по самому акту отдѣленія церкви отъ государства.

Такимъ образомъ, текущаго 15 сентября въ Дублинѣ, въ соборѣ св. Патриція, собралась первая конвокація, какихъ не бывало въ Ирландіи съ 1713 года. Тутъ собрались члены только дублинской архіепископіи. Собраніе открылъ рѣчью президентъ, архіепископъ Дублина, который говорилъ, что теперь членамъ неоффиціальной церкви нужно сноситься между собою объ ея общихъ интересахъ. Вслѣдствіе его рѣчи было послано приглашеніе и прелатамъ архіепископіи Армага тоже собраться въ конвокацію. Послѣ акта открытія собранія, конвокація для разсужденій по обычаю раздѣлилась на двѣ палаты: верхнюю составили епископы, а нижнюю члены второстепеннаго клира. Разсужденія верхней палаты были секретныя, въ нижней палатѣ присутствовали представители печати. Чрезъ нѣсколько минутъ засѣданія, нижняя палата получила слѣдующее предложеніе отъ верхней: „Архіепископъ Дублина, президентъ, и епископы предлагаютъ нижней палатѣ: протестовать противъ послѣднихъ законодательныхъ мѣръ по отношенію къ ирландской вѣтви соединенной церкви Англіи и Ирландіи. Настоящій синодъ, въ самомъ дѣлѣ, не можетъ начать своихъ разсужденій, не возвысивъ предъ Богомъ и людьми торжественный протестъ противъ мѣры, которою законодательная власть соединеннаго королевства лишила ирландскую церковь ея правъ, освященныхъ закономъ и конфисковала пожертвованія, которыя благочестіе предковъ посвятило на служеніе Богу. Синодъ протестуетъ, поэтому, противъ акта законодательства, по которому, къ великому вреду цѣлаго общества, національное исповѣданіе религіи Христа въ Ирландіи отвергнуто и узы между національною церковію и государствомъ разорваны.“

Протестъ этотъ, конечно, имѣетъ значеніе только формы: англиканскій клиръ Ирландіи уже примиряется съ своимъ новымъ положеніемъ. Нижняя палата единодушно приняла этотъ протестъ.

Спустя нѣсколько минутъ изъ верхней палаты принесено было

новое предложеніе: „Проектъ реформы провинціальныхъ синодовъ, какъ епископы, клиръ и міряне ирландской церкви должны составлять общій синодъ.“ Существенные пункты проекта слѣдующіе:

„Артиклъ 1. Въ каждой епархіи собирается епархіальный синодъ и клиръ избираетъ на немъ положенное число представителей изъ клира и мірянъ ирландской церкви для общаго синода или конвокаціи, состоящей изъ епископовъ, клира и мірянъ ирландской церкви.

„Артиклъ 2. Вмѣстѣ съ избранными представителями въ общемъ синодѣ засѣдаютъ jure proprio деканы и архидіаконы каждой епархіи.

„Артиклъ 3. Кромѣ вышесказанныхъ представителей, ординарный профессоръ богословія дублинскаго университета есть ipso facto членъ синода; а директоръ, профессора и наставники коллегіи св. Троицы въ Дублинѣ, носящіе священный санъ, назначаютъ отъ себя особаго представителя.“

Число всѣхъ представителей для конвокаціи дублинской архіепископіи опредѣляется 124 членами, не считая епископовъ. Проектъ этотъ возбудилъ живые споры, но, наконецъ, онъ былъ принятъ 107 голосами противъ 29.

Въ Испаніи сила и жизнь продолжаютъ тратиться въ гибельной домашней ссорѣ и междуусобномъ кровопролитіи. И клиръ Испаніи, который долженъ бы явиться представителемъ и проповѣдникомъ мира въ эти несчастныя времена, нерѣдко недостойнымъ образомъ вмѣшивается въ эту брань и является только разжигателемъ страстей. Можетъ быть, онъ доводится до этого обстоятельствами, въ нѣкоторой степени его извиняющими; тѣмъ не менѣе это фактъ; не мало испанскихъ священниковъ въ послѣднее время явились предводителями шаекъ инсургентовъ, возставшихъ за потомка древняго претендента на испанскій тронъ, Донъ-Карлоса, а въ помощи претенденту деньгами и другими непрямыми пособіями подозрѣваютъ даже большинство высшаго клира. Вслѣдствіе всего этого, вслѣдствіе несомнѣннаго участія многихъ священниковъ въ возстаніи карлистовъ и вслѣдствіе слуховъ о непрямомъ участіи въ томъ же возстаніи со стороны самихъ епископовъ, министръ культовъ г. Ворилья адрессовалъ епископамъ энергическій циркуляръ, которымъ потребовалъ отъ нихъ, чтобы они указали, каждый по своей епархіи, прямыхъ участниковъ въ возстаніи и

вмѣстѣ съ тѣмъ обратились къ своему клиру съ увѣщаніемъ покоряться учрежденнымъ властямъ. Нѣкоторые изъ епископовъ исполнили волю министра, но другіе отказались на отрѣзъ исполнять оскорбительное для нихъ приказаніе и отвѣчали рѣзкими укоризнами правительству въ гоненіи на церковь, въ неуплатѣ слѣдующаго клиру жалованья и въ проповѣдываніи атеистическихъ и противо - католическихъ идей. Послѣдніе епископы, въ томъ числѣ и кардиналъ архіепископъ Сантъ - Яго, отданы подъ судъ. Чѣмъ окончится этотъ судъ, пока неизвѣстно. Въ Испаніи, такимъ образомъ, въ занятіяхъ домашними дрязгами, въ настоящее время меньше, чѣмъ въ какой нибудь другой странѣ, интересуются предстоящимъ соборомъ. А между тѣмъ на послѣднемъ вселенскомъ (латинскомъ) соборѣ тридентскомъ, испанскимъ богословамъ принадлежала едва-ли не первая роль.

PS. Я уже оканчивалъ свое письмо, когда газеты принесли въ высшей степени важный документъ, которому, вѣроятно суждено произвести глубокое впечатлѣніе на весь католическій міръ, особенно въ виду предстоящаго собора. Это письмо отца Іоакинфа (по французски Hyacinthe), знаменитаго проповѣдника въ соборѣ парижской Богоматери. Мнѣ не разъ приходилось говорить о двухъ знаменитѣйшихъ французскихъ проповѣдникахъ, кармелитѣ Іоакинфѣ и іезуитѣ Феликсѣ. Оба они вотъ уже нѣсколько лѣтъ проповѣдуютъ въ соборѣ Богоматери при громаднѣйшемъ стеченіи публики; первый проповѣдывалъ каждый годъ обыкновенно въ нѣсколько воскресеній, предшествующихъ Рождеству, въ такъ называемыя, воскресенья *Adventus*, второй всегда въ великомъ посту. Разъ какъ - то въ моихъ письмахъ сравнивая ихъ проповѣди, я говорилъ, что проповѣди отца Іоакинфа, при великомъ ораторскомъ талантѣ, отличаются логичностію и основательностію и чужды излишней фразистости, тогда какъ о. Феликсъ всегда больше дѣйствуетъ на чувство и весьма щедръ на цвѣтистыя фразы. Впрочемъ, проповѣди того и другаго не ограничивались стѣнами обширнаго собора Богоматери, но они тотчасъ же переводились на разные языки и всюду читались съ восхищеніемъ. Такимъ образомъ имена о. Іоакинфа и о. Феликса, и можетъ быть даже болше имя о. Іоакинфа, извѣстны всему католическому міру. Самъ Римъ несомнѣнно уважалъ о. Іоакинфа: въ прошломъ году онъ нарочно былъ вызываемъ въ Римъ для проповѣди тамъ во

французской церкви и проповѣдывалъ тамъ въ великомъ посту каждое воскресенье. Одна только особенность замѣчалась въ проповѣданіи о. Іоанкинфа: темой для своихъ проповѣдей онъ никогда не бралъ узко - латинскихъ догматовъ, ни непогрѣшимости папы, ни immaculata conceptio, ни т. п. Въ настоящее время господа и владыки латинской церкви—іезуиты, а о. Іоакинфъ—кармелитъ. Іезуиты подозрѣвали его. Нынѣшнею зимою, не могу теперь припомнить по какому поводу, только о. Іоакинфъ, кажется, въ *Revue Suisse et Universelle*, напечаталъ коротенькое письмо, въ которомъ говоритъ, что онъ не желаетъ имѣть ничего общаго съ тою партіей и съ тою журналистикой, которая подъ видомъ защиты католической церкви, только унижаетъ ее. Это подняло бурю въ ультрамонтанской печати и между іезуитами, которые приняли письмо о. Іоакинфа на свой счетъ. Газета L'Univers, помнится, извѣщала послѣ, что папа будто бы вызывалъ о. Іоакинфа въ Римъ, чтобъ нарочно потребовать отъ него объясненіе въ оскорбленіи большинства усердныхъ защитниковъ Рима. О. Іоакинфъ былъ дѣйствительно около этого времени въ Римѣ и являлся лично къ папѣ. Но было-ли при этомъ объясненіе по поводу сказаннаго письма или нѣтъ, только до послѣдняго іюля мѣсяца ничего не было слышно объ отношеніяхъ о. Іоакинфа къ ультрамонтанской партіи. Въ іюлѣ мѣсяцѣ о. Іоакирфъ, вмѣстѣ съ другимъ священникомъ, принадлежащимъ къ ораторіанамъ Парижа, принялъ участіе въ засѣданіяхъ, такъ называемой. *Лиги мира* и сказалъ блестящую рѣчь, въ которой, такъ какъ въ собраніи еще присутствовали представители протестантовъ и іудеевъ, онъ допустилъ фразу, которая, если мнѣ не измѣнила память, буквально была слѣдующая: „въ цивилизованномъ мірѣ есть мѣсто только тремъ религіямъ: католической, протестантской и іудейской.“ Эта фраза тотчасъ же сдѣлалась предметомъ живыхъ протестовъ газеты L'Univers и всей ультрамонтанской печати. Но ультрамонтане не ограничились только заявленіями своего мнѣнія; они воспользовались этимъ, какъ поводомъ, чтобы нанести своему врагу рѣшительный ударъ. Орудіемъ они выбрали суперьора ордена кармелитовъ, живущаго въ Римѣ. Письмо о. Іоакинфа является отвѣтомъ на стѣснительное распоряженіе суперіора относительно даннаго ему права проповѣдывать. Письмо о. Іоакинфа — это вопль души сильной, испытавшей и выстрадавшей много, но кото-

рая, наконецъ, не въ состояніи терпѣть, скрывать дальше: она разражается сильнѣйшимъ рыданіемъ. Я прошу васъ прочитать его не разъ и не два. Знайте, что его прочитаетъ весь католическій міръ, и весь католическій міръ, привыкшій съ благоговѣніемъ слушать и читать проповѣди своего знаменитаго проповѣдника, теперь отъ него узнаетъ, что римскія доктрины и римская религіозная практика не могутъ называться *христіанскими*. Но вотъ самое письмо въ полномъ переводѣ:

„Почтенному отцу генералу босоногихъ кармелитовъ въ Римѣ. Почтеннѣйшій отецъ! Вотъ уже пять лѣтъ продолжается мое служеніе въ соборѣ Богоматери въ Парижѣ и не смотря на открытыя нападенія и на тайныя интриги, которыхъ я былъ предметомъ, вы ни на минуту не оставляли меня своимъ вниманіемъ и своимъ довѣріемъ. Доказательствомъ этого я имѣю многочисленные документы, писанные вашею рукою, которые относятся столько же къ моимъ проповѣдямъ, сколько и къ моему лицу. Что бы тамъ не послѣдовало, а я сохраню ихъ какъ памятникъ моей благодарности.

„Но теперь я вижу внезапную перемѣну, причины которой я не ищу въ вашемъ сердцѣ, а въ интригахъ партіи, которая теперь всемогуща въ Римѣ: вы меня обвиняете въ томъ, въ чемъ прежде поддерживали, осуждаете за то, что прежде одобряли, и требуете, чтобъ я говорилъ извѣстнымъ языкомъ, или чтобъ хранилъ молчаніе, что вовсе не было бы полнымъ и законнымъ выраженіемъ моей совѣсти.

„Не колеблюсь ни минуты. Я не съумѣлъ бы взойти на каѳедру собора Богоматери съ словомъ, извращеннымъ по приказанію, или урѣзаннымъ пропусками. Изъявляю мое глубокое сожалѣніе благоразумному и благонамѣренному архіепископу (Парижа, Дарбуа), который открылъ мнѣ дорогу на сказанную каѳедру и который поддерживалъ меня на ней вопреки зложелательству людей, о которыхъ я упоминаю выше;—моимъ уважаемымъ слушателямъ, которые окружали меня съ такимъ вниманіемъ, съ такимъ сочувствіемъ и, смѣю сказать, такъ дружественно. Я бы оказался недостойнымъ ни слушателей, ни прелата, я бы явился преступникомъ предъ моей совѣстію и Богомъ, если бы согласился разыгрывать сказанную роль.

„Въ то же время я удаляюсь и изъ монастыря, въ которомъ живу и который, при новыхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я очутился, былъ бы темницей для моей души. Поступая такъ, я вовсе не являюсь не вѣрнымъ моимъ обѣтамъ: я обѣщалъ монашеское повиновеніе, но въ предѣлахъ, въ которыхъ бы не нарушалась честь моей совѣсти, достоинство моего лица и моего служенія; я обѣщалъ это повиновеніе подъ благодѣтельнымъ условіемъ высшаго закона правды и *дѣйствительной свободы*, которая, по словамъ св. апостола Іакова, есть *совершенный законъ* христіанина.

„Наиболѣе совершеннѣйшаго пользованія этою святою свободою десять лѣтъ тому назадъ я и пришелъ просить въ этомъ монастырѣ, побуждаемый энтузіазмомъ, чистымъ отъ всякаго человѣческаго разсчета, хотя и не смѣю сказать, чуждымъ всякой иллюзіи молодости. Если въ замѣнъ моего самопожертвованія мнѣ предлагаютъ теперь цѣпи, я считаю не только правомъ, но даже долгомъ отвергнуть ихъ.

„Пробилъ торжественный часъ. Церковь переживаетъ одинъ изъ самыхъ жестокихъ, самыхъ темныхъ и самыхъ рѣшительныхъ кризисовъ своего существованія здѣсь долу. Еще въ первый разъ, послѣ трехъ сотъ лѣтъ, не только созванъ соборъ, но и объявленъ *необходимымъ*—таково выраженіе святаго отца. И теперь вовсе не время, чтобы какой-нибудь проповѣдникъ евангелія, хотя бы это былъ самый послѣдній, согласился молчать, какъ тѣ *нѣмые собаки* израиля, невѣрные стражи, которыхъ пророкъ укоряетъ въ *неспособности лаять: canes muti, non valentes latrare.*

„Святые не молчали никогда. Я не изъ нихъ, но чувствую себя принадлежащимъ къ ихъ племени (*filii sanctorum sumus*), всегда считалъ для себя честію направлять по оставленнымъ ими слѣдамъ мои шаги и подражать имъ въ пролитіи моихъ слезъ и, если то нужно, даже моей крови.

„Обращаю же къ святому отцу и собору мой протестъ христіанина и священника противъ *этихъ доктринъ и этихъ практикъ*, *которыя называются римскими*, *но которыя не суть христіанскія*, и которыя, разливаясь все болѣе и болѣе самымъ дерзкимъ и гибельнымъ образомъ, грозятъ измѣнить конституцію церкви, основу и форму ея ученія, даже до духа ея благочестія.

„Протестую противъ развода, столько же нечестиваго, сколько и безсмысленнаго, который усиливаются произвести между церковію, которая есть наша мать въ вѣчности, и обществомъ XIX вѣка, котораго мы суть дѣти во времени, къ которому мы стоимъ также въ долгу и съ которымъ связаны узами любви.

„Протестую противъ этой радикальнѣйшей и ужаснѣйшей оппозиціи, которая ведется ложными учителями противъ человѣческой природы въ ея самыхъ естественныхъ и святыхъ стремленіяхъ. Громче всего протестую противъ святотатственнаго извращенія евангелія Самаго Сына Божія, котораго духъ и котораго буква одинаково попираются фарисействомъ новаго закона.

„Имѣю самое глубочайшее убѣжденіе, что, если Франція въ частности и латинскіе народы вообще постоянно живутъ въ общественной, нравственной и религіозной анархіи, главная причина этого заключается конечно не въ образѣ, какимъ католицизмъ съ давняго времени понимается и практикуется.

„Аппеллирую къ имѣющему собраться собору, пусть онъ поищетъ средства для изцѣленія насъ отъ избытка нашихъ золъ и пусть въ примѣненіи его руководится столько же строгостію, какъ и умѣренностію. Но если оправдаются опасенія, которыя я не желалъ бы раздѣлять, если августѣйшее собраніе не будетъ имѣть свободы въ разсужденіяхъ, какъ оно не имѣетъ теперь въ приготовительныхъ работахъ, однимъ словомъ, если оно будетъ лишено существенныхъ свойствъ вселенскаго собора, я воззову къ Богу и людямъ, прося иного собранія, которое бы соединилось поистинѣ въ Святомъ Духѣ, а не въ духѣ партій, которое поистинѣ представляло бы вселенскую церковь, а не молчаніе однихъ и давленіе другихъ.

„О сокрушеніи дщери народа моего я сокрушаюсь, хожу мраченъ, ужасъ объялъ меня. Развѣ нѣтъ бальзама въ Галаадѣ? Развѣ нѣтъ тамъ врача? и почему не приложено цѣлебное врачевство къ ранѣ дщери народа моего?“ Іер. VIII. 21, 22.

„Наконецъ, взываю къ Твоему трибуналу, о Господи Іисусе! *Ad* tuum, Domine Iesu, tribunal appello. Въ Твоемъ присутствіи пишу эти строки. При Твоихъ ногахъ, Господи, послѣ того какъ я молился много, размышлялъ много, страдалъ много, надѣялся много, при Твоихъ ногахъ я подписываю ихъ моимъ

именемъ. Вѣрю, что если люди осудятъ, ихъ на землѣ, то Ты одобришь ихъ на небѣ. Этого для меня довольно, чтобы жить и умереть.

Монахъ Іоакинфъ.

„Суперіоръ босоногихъ кармелитовъ въ Парижѣ, второй помощникъ генерала ордена въ провинціи Авиньена."

Парижъ. Пася.
20-го сентября 1869 г.

Къ этому письму нечего прибавлять: оно много говоритъ само за себя; оно много заставитъ подумать многихъ и многихъ католиковъ. У меня въ ушахъ раздается этотъ вопль, возбужденный можетъ быть въ достойнѣйшемъ сердцѣ злоупотребленіями католицизма... Этотъ вопль не одинокій; не одному отцу Іоакинфу становится невыносимо подъ давленіемъ римскаго ига... Гдѣ-то эти люди будутъ искать и найдутъ свое освобожденіе?!...

Священникъ *К. Кустодіевъ.*

(Христ. Чт.)

III.

ПОЛЕМИКА ПОНЕВОЛѢ.

Наша періодическая пресса отличается безпримѣрнымъ въ исторіи литературы терроромъ. Подстрекаемое самомнѣніемъ, упорствомъ, завистью, невѣжествомъ, желчнымъ настроеніемъ духа,—нетерпѣніе нашихъ публицистовъ достигаетъ нерѣдко такого пароксизма задора, въ которомъ не обращается уже вниманія на чувство приличія, достоинство печатнаго слова и даже здравый смыслъ. Въ этомъ умоизступленіи все идетъ въ строку: и обмолвка, и опечатка, и физіономія антагониста, и его поведеніе, его семейныя и соціальныя отношенія и проч. Едва ли найдете въ нашей прессѣ два періодическихъ изданія, которыя не велибы другъ съ другомъ самой упорной междоусобной войны; мирно уживаются только «Московскія Вѣдомости» съ «Современною Лѣтописью» и «Русскимъ Вѣстникомъ», «Отечествснныя Записки» съ «Голосомъ», «Биржевыя Вѣдомости» съ «Вечернею Газетой»; причины этого миролюбія не требуютъ поясненій. Всего больше задора обнаруживаютъ новички на аренѣ публицистики; имъ какъ будто тѣсно на широкомъ полѣ русской прессы; во всякомъ встрѣчномъ, во всякомъ попутчикѣ они видятъ личнаго врага, загораживающаго имъ дорогу; они думаютъ обезпечить успѣхъ своего вояжа неиначе, какъ, столкновеніемъ съ дороги или истребленіемъ своихъ мнимыхъ супостатовъ; своими картонными мечами они машутъ неистово впередъ и назадъ, направо и налѣво и воображаютъ, что публика въ восторгѣ отъ ихъ удали, что они отвоевали себѣ чинъ глав-

нокомандующихъ русской прессы. Все это было бы жалко, еслибы не было смѣшно.

Эта прелюдія обязана своимъ исполненіемъ слѣдующему обстоятельству: одинъ нашъ знакомый откопалъ гдѣто на окраинѣ Вильны, у какого то своего знакомаго, № какихъ то «Современныхъ Извѣстій», издаваемыхъ какимъ то Гиляровымъ-Платоновымъ. Мы избѣгаемъ по возможности газетныхъ перебранокъ, намъ заниматься ими и некогда, и нехочется; мы не думали встрѣтиться на нашей дорогѣ и съ газеткой г. Гилярова-Платонова: пути наши — розные. Но «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ:» газетка сама стала на нашей дорогѣ, пустилась въ рукопашную, — помѣстила въ 288 своемъ № что то въ родѣ пасквиля на насъ и на «Вѣстникъ Западной Россіи», и мы нечаянно очутились въ ролѣ единоборцовъ «Современныхъ извѣстій.»

Мы говоримъ: что то въ родѣ пасквиля, потому что въ выходкѣ «Современныхъ извѣстій» нѣтъ критики характера, содержанія или направленія нашего изданія, а есть только придирки, личности и образчики полукопѣечнаго остроумія въ *виршахъ* и прозаическомъ словоизверженіи, переносящихъ насъ въ иной вѣкъ, въ другую страну. Чѣмъ то въ родѣ дѣла можно развѣ назвать неудовольствіе виленскаго корреспондента «Современныхъ извѣстій» на «Вѣстникъ западной Россіи» (не знаемъ почему названный «*Сѣверозападнымъ*») за то, что онъ якобы самозванно взялъ на себя званіе перваго и окончательнаго рѣшителя польскаго вопроса. Неудовольствіе понятное, но безпричинное и безсодержательное.

Собственно польскаго вопроса *теперь* нѣтъ и быть не можетъ. Вопросъ этотъ рѣшенъ уже давно, а теперь существуютъ только польскія *мечты,* агитаціи или притязанія. Вопросъ есть такое предложеніе, въ которомъ нѣтъ ни положенія, ни отрицанія, есть такое дѣйствіе нашего разсудка, которое предполагаетъ сомнѣніе или раздвоеніе слѣдующей мысли. Въ характерѣ польскихъ притязаній нѣтъ мѣста ни сомнѣнію, ни раздвоенію мысли, — нѣтъ даже вовсе мысли. Польскій вопросъ могъ бы существо-

вать, еслибъ было сомнѣніе на счетъ того, кому быть: Россіи или Польшѣ? Но этотъ вопросъ давно уже рѣшенъ Провидѣніемъ, судьбой, исторіей,—назовите, какъ хотите. Сначала онъ рѣшенъ при самозванцахъ и королевичѣ Владиславѣ, потомъ, окончательно, при Екатеринѣ Великой: Пытался было перерѣшить его знаменитый завоеватель, пытались нѣсколько разъ перерѣшать его сами поляки, не безъ явнаго даже или украдочнаго участія друзей своихъ и нашихъ враговъ-западниковъ; но міръ видѣлъ, чѣмъ кончились эти безразсудныя попытки—бороться съ неотразимымъ и послѣдовательнымъ ходомъ событій. За нами исторія, съ нами сила, единомысліе громаднаго русскаго народа, а главное—«съ нами Богъ»; а кто противъ Него?!

Если и мы называли иногда польскія притязанія, польскую агитацію «польскимъ вопросомъ, то увлекались только ходячею фразой, подражали другимъ; но отнюдь не думали усвоять этимъ мечтательнымъ и ретроградымъ притязаніямъ значенія вопроса, понимать его въ смыслѣ, наприм., «восточнаго вопроса», сомнѣваться въ томъ, кому быть: Россіи или Польшѣ?

Какъ бы то ни было, только въ дѣлѣ разъясненія и обличенія польскихъ притязаній, особенно послѣднихъ, мы при всей нашей скромности, никому не можетъ уступить мѣста: ни въ инициативѣ, ни въ компетентности, ни въ объемѣ, ни въ категоричности, неизмѣнности и искренности убѣжденія и воззрѣнія. Проживъ полвѣка среди людей, съ притязаніями которыхъ мы боремся; получивъ достаточную для нашей миссіи научную подготовку; семь лѣтъ противопоставляя польской агитаціи разностороннюю реакцію,—мы заняли, въ борьбѣ съ латинополизмомъ, ту позицію, съ которой не могутъ насъ сбить ни завистливыя пререканія, ни грошовое остроуміе. Мы должны отказаться отъ сознанія, должны пойдти въ разрѣзъ опытной истинѣ, чтобы думать иначе. Пусть сомнѣвающіеся въ истинѣ вышесказаннаго прослѣдятъ со вниманіемъ семилѣтнее преслѣдованіе нами одной цѣли; пусть изучатъ хоть первый годъ (отъ 1 іюля 1862 по 1 іюля 1863 г.) «Вѣстника Западной Россіи», и они увидятъ, что

въ словахъ нашихъ нѣтъ и тѣни преувеличенія и самохвальства: они увидятъ, что мы первые занялись обличеніемъ лжей и клеветъ польскихъ, переполнившихъ въ 1862 г. заграничную прессу; что мы первые указали на значеніе польскихъ демонстрацій, на близость болѣе серьозной вспышки и старались подготовить къ ней и русскій народъ, и православное духовенство; что еще въ ноябрѣ 62 года мы сказали: «ляхи скоро возмутся за ножи» и были за все это обозваны «Донъ-кихотами» изумленною нашими открытіями, нашею борьбой и наслаждавшеюся тогда соломоновскимъ политическимъ безмятежіемъ нашею прессой; что мы первые указали на то значеніе папства во всѣхъ столкновеніяхъ съ нами запада вообще и поляковъ въ особенности, какое принадлежитъ ему поправу; что мы первые опредѣлили смыслъ и опасность движенія украйнофильской партіи, первые (въ началѣ 63 г.) заговорили о необходимости превращенія земель польскихъ въ земли русскія,— о замѣнѣ русскими чиновниками чиновниковъ польскихъ и проч. и проч. Мы не утомляемъ читателей цитатами изъ «Вѣстника зап. Россіи», доказывающими несомнѣнность всего вышесказаннаго, потому что эти цитаты заняли бы пространства болѣе, чѣмъ настоящая статья; мы и безъ того въ отчаяніи, что были вызваны на настоящую исповѣдь. Но невсегда человѣкъ дѣлаетъ то, чего хочетъ; вѣдь это «полемика поневолѣ».

Поэтому намъ не приходится пятиться назадъ предъ тѣми авторитетами, фалангу которыхъ выдвинулъ противъ насъ корреспондентъ «Современныхъ Извѣстій», а особенно мы осмѣливаемся не трусить того, который, почему-то, поставленъ имъ въ главѣ этихъ авторитетовъ, и который,— если мы не ошибаемся,— замѣчателенъ только тѣмъ, что рѣшеніемъ *«роковаго вопроса»* доконалъ одно, черезчуръ либеральное и недолговѣчное изданіе..

За сравненіе «Вѣстника Западной Россіи» съ манною намъ остается только благодарить отъ души сотрудника «Современныхъ Извѣстій.» Если изданіе наше доставляетъ читателямъ *такую же* пищу духовную, какую доставляла манна израильтянамъ тѣлесную, то чего намъ и желать бо-

ніе? Развѣ только того, чтобы тѣ, кому пріѣлась «манна» душевная, и которые облизываются при мысли о «мясахъ египетскихъ», не уложили своихъ грѣшныхъ костей въ извѣстныхъ «гробахъ похотѣнія», или въ снѣжныхъ сугробахъ Сибири, или внѣ ограды кладбищъ христіанскихъ. Не такъ счастливъ корреспондентъ въ опредѣленіи способа полученія той и другой манны. Если люди, считающіе «Вѣстникъ запад. Россіи» манною, и снабжають кое-кого этою пищей, то получающіе ее не всегда находятся въ тѣхъ отношеніяхъ къ дающимъ, въ какихъ воображаетъ корреспондентъ «Современныхъ Извѣстій»: большая половина получающихъ ничего не платитъ (лично) за «Вѣстникъ зап. Россіи»; а другая-меньшая, хоть бы и должна была платить за эту манну, хоть бы то, во что обходится она дающимъ (по уменьшенной цѣнѣ) 1),—нерѣдко, однако, уклоняется отъ этой обязанности, хотя должна вынимать деньги и не изъ своего кармана. Они думаютъ, вѣроятно, что Вѣстникъ, и въ самомъ дѣлѣ, падаетъ имъ съ неба и ничего не стоитъ своимъ производителямъ. Коммунизмъ весьма современный, хоть и поставляющій иногда производителей въ необходимости переходить съ пищи земной хоть на манну небесную. Новое спасибо корреспонденту «Современныхъ Извѣстій» за аналогію «Вѣстника зап. Россіи» съ манною, которую получали *въ пустыни* израильтяне.

Книжки «Вѣстника зап. Россіи» корреспондентъ «Совр. Извѣстій» называетъ, между прочимъ, «совершенно извращающими времена года.» Изъ этой неточной и еще болѣе не остроумной фразы, можно догадываться, что газетка говоритъ о запаздываніи или несвоевременномъ выходѣ книжекъ Вѣстника. Но несвоевременности не можетъ быть тамъ, гдѣ дѣло не пріурочено къ извѣстному опредѣленному времени. И Вѣстникъ не бралъ на себя обязанности выходить ежемѣсячно: мы только должны за 6 рублей (безъ пе-

1) Хотя корресп. С. И. цѣну Вѣстника называетъ „приличною“ (?), а книжки его „жиденькими“; по 6 р. (безъ пересылки) за 12 книжекъ (около 200 листовъ), въ 13 (около) листовъ каждая,—цѣна, въ сравненіи со многими другими изданіями,—ничтожная.

россіи) доставить подписчикамъ 12 книжекъ, которыя они постоянно и получаютъ. Конечно, желалось бы, что бы въ теченіи года вышли всѣ 12 книжекъ; но ежели одна 1) или двѣ книжки переступятъ за черту года, это служитъ только доказательствомъ, что явленія жизни не всегда бываютъ послушны самой доброй и упругой волѣ, что провинціальная печать нерѣдко бываетъ поставляема въ зависимости отъ условій, неизвѣстныхъ столичной прессѣ, что мы должны праздновать, вмѣстѣ съ Вѣстникомъ и евреями и «пейсахъ», и «рошъ гашшана», и «іомъ кипуръ» и «сукосъ» и проч. и проч. Да и читателямъ Вѣстника все равно—получатъ ли они его книжку мѣсяцомъ раньше или позже. Первые три отдѣла Вѣстника занимаются такими предметами, интересъ которыхъ ничего не теряетъ отъ времени. Только перепечатки изъ газетъ какъ будто должны удовлетворять условіямъ современности; но и эти условія имѣютъ значеніе для самаго ничтожнаго меньшинства читателей Вѣстника, въ большинствѣ пріютившихся въ такихъ захолустьяхъ, въ которыхъ никакая новость не теряетъ отъ времени своего интереса, не можетъ быть запоздалою. «Вѣстникъ Зап. Россіи»—не ежедневная газета; сообщаемыя имъ извѣстія защищены отъ всяческой эфемерности; онъ не занимается летучими газетными вѣстями, утками, предположеніями, неосновательными слухами, имѣющими интересъ дня, сегодня читаемыми, завтра забываемыми, сегодня категорически увѣряющими въ томъ, что нерѣдко завтра такъ же категорически отвергается. Совсѣмъ иное дѣло, если ежедневная газета не удовлетворяетъ современности: тогда она скорѣе можетъ быть названа археологическою компиляціей, чѣмъ ежедневникомъ, вѣстовщицей сегодняшнихъ явленій жизни. Въ этомъ отношеніи газетка г. Гилярова—Платонова хромаетъ на обѣ ноги: ее можно, пожалуй, назвать «*Извѣстіями*», но весьма рѣдко—«*Современными*»: новости ея весьма часто припахиваютъ, появляются съ «Извѣстіяхъ» съ просѣдью уже

1) Въ настоящемъ году 12-я книжка немного только перешагнетъ за предѣлъ настоящаго года.

и морщинами, пробавляются давно забытыми курьозами и необычайностями, перебиваются сплетнями, перешагнувшими изъ палатъ въ лачуги, спустившимися изъ будуаровъ въ сутерени, порхнувшими изъ салоновъ на толкучку, въ распивочную и проч. Мы нарочно попросили на нѣсколько дней у знакомаго нашего знакомаго всѣ уцѣлѣвшіе у него №№ «Современныхъ Извѣстій» и столько собрали фактическихъ на эту тему доказательствъ, что одна перечень ихъ заняла бы мѣста болѣе, чѣмъ настоящій отвѣтъ этой газеткѣ, и, конечно, не доставила бы особеннаго удовольствія нашимъ читателямъ. Мы нарочно распространились о *мнимой* несвоевременности выхода книжекъ «Вѣстника западной Россіи», чтобы никогда болѣе не утомлять ни себя ни другихъ разглагольствіемъ объ этой скучной матеріи,— какъ бы ни были задорны и искусительны поводы къ такому разглагольствію.

Нашъ бардъ былъ такъ любезенъ, что, по примѣру нѣкоторыхъ весельчаковъ газетныхъ, воспѣлъ насъ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ. Жаль только, что эти вирши «Извѣстій» слишкомъ не «*современны*»: они переносятъ насъ въ давнопрошедшую эпоху русской музы, подъ ними посовѣстился бы подписаться и самъ «профессоръ элоквенціи и хитростей піитическихъ», или, выражаясь виршами забавника «Современныхъ Извѣстій»:

Стихи, которыми воспѣтъ Говорскій
Стыдилсябъ подписать и Тредьяковскій.

IV.

ЯГАЙЛО,

Историческій романъ въ 4-хъ частяхъ.

*(Продолженіе *).*

ЧАСТЬ 2-я. ГЛАВА 10-я.

Смерть Ольгерда.

Въ довольно обширномъ покоѣ нижняго замка на мягкой пуховой постели, лежалъ больной,—великій князь Ольгердъ. Въ головахъ у него стояла кіота съ образами, передъ которыми теплились лампады. По сторонамъ постели больнаго, находились столы; на которыхъ стояли разныя снадобья, питье и кушанье. Вдоль стѣнъ покоя были разставлены скамьи, покрытыя парчами. Стѣны, сверху до низу, были украшены незатѣйливою живописью, изображающею человѣческія фигуры и множество птицъ несуществующихъ въ природѣ. Противъ княжеской постели находилась изразцевая печь, а немного подалѣе ея —единственный входъ, ведущій изъ терема великой княгини. Въ покоѣ было натоплено чрезвычайно жарко.

В. К. Ольгердъ, всю прошедшую ночь бредилъ и поминутно требовалъ пить. Питье подавала сама великая княгиня Іуліанія Александровна, находившаяся почти неотлучно при болящемъ супругѣ. Когда онъ не спалъ, бредилъ и метался въ жару, она исполняла все что было нужно, какъ простая рабыня; не допуская спальниковъ и другихъ придворныхъ до Ольгерда. Это дѣлалось ею изъ опасенія повѣрить уходъ за больнымъ кому нибудь. Во

*) См. кн. 9 Вѣстн. Зап. Россіи.

всѣхъ придворныхъ служителяхъ она видѣла измѣнниковъ, готовыхъ отравить Ольгерда ядомъ и, воспользовавшись скоропостижной смертью его, тѣмъ самымъ лишить Ягайлу возможности вокняжиться, на великимъ литовскомъ княженіи.

Въ этомъ зломъ умыслѣ она подозрѣвала князей: Кейстута Гедиминовича и Андрея Ольгердовича полоцкаго, хотя оба они были далеки отъ подобной мысли.

Одинъ только грекъ,—великокняжескій врачъ имѣлъ у княгини неограниченное довѣріе и тоже почти постоянно находился при больномъ. Когда же Ольгердъ успокоивался и засыпалъ, великая княгиня падала передъ кіотой на колѣна и со слезами молилась о своемъ супругѣ.

При этомъ считаю нужнымъ познакомить читателя съ личностью Ольгерда или Андрея Гедиминовича, какъ описываютъ его историки.

Великій князь Ольгердъ былъ средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія. Лице имѣлъ свѣжее, немного продолговатое и высокій лобъ. Голубые глаза, окаймленные свѣтлорусыми бровями, были полны выраженія, а орлиный носъ придавалъ физіономіи видъ сосредоточенности. Борода длинная, свѣтлорусая, съ просѣдью, такіе же волосы на головѣ,—нѣсколько выпавшіе спереди. Голосъ громкій, ясный и пріятный. На лошади сидѣлъ ловко, а когда ходилъ то прихрамывалъ на правую ногу, потому что былъ раненъ въ нее; въ этихъ случаяхъ онъ опирался на трость или на боярскаго сына *). Въ молодости своей Ольгердъ не употреблялъ никакихъ крѣпкихъ напитковъ, развѣ только какъ лѣкарство. Держалъ себя всегда скромно и былъ хорошимъ, по своему времени, дипломатомъ. Любилъ повелѣвать неограничено, но никогда не оскорблялъ достоинства человѣка; былъ справедливъ и нелюбилъ притѣсненій.

По своему вѣку, онъ получилъ хорошее воспитаніе, такъ какъ извѣстно, что Гедиминъ держалъ при себѣ образованныхъ наставниковъ изъ иностранцевъ. Писалъ и говорилъ-за малымъ исключеніемъ всегда порусски, зналъ также нѣмецкій языкъ и только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ говорилъ политовски. Для прочихъ языковъ держалъ переводчиковъ.

*) Боярскія дѣти тогда замѣняли пажей.

У него было 12 сыновей и 5 дочерей. Отъ первой супруги княжны Витебской Марiи Ярославевны 6 сыновей и 1 дочь, отъ второй жены, княжны тверской Iулiанiи Александровны 6 сыновей и 4 дочери.

Остановившись на исторической хроникѣ о личности Ольгерда, я попрошу читателя сдѣлать отступленiе и продолжать романъ.

Врачъ великокняжескiй сообщилъ великой княгинѣ Iулiанiи Александровнѣ,—что жизнь ея супруга гаснетъ.

— Великая княгиня! Ты желала, что бы супругъ твой, великiй князь Андрей Гедиминовичъ принялъ монашескiй чинъ,—такъ спѣши, исполнить желанное тебѣ и угодное Богу.... Скоро не станетъ великаго князя, договорилъ онъ шопотомъ. Княгиня, услышавъ эти роковыя слова, не выдержала и громко зарыдала, чѣмъ разбудила Ольгерда; онъ открылъ глаза.

— Ульяна! прошепталъ онъ болѣзненно: я еще живъ, а ты ужъ отпѣваешь меня....

В. княгиня бросилась къ его рукамъ и рыданiя усилились.

— Не тревожъ себя по напрасну, княгиня, да и меня тоже.... Вѣчно жить не возможно... Что суждено, того не минешь, отъ смерти не уйдешь, продолжалъ Ольгердъ, стараясь быть бодрымъ и веселымъ.

Княгиня не много успокоилась.

— Умри христiаниномъ, сказала она голосомъ полнымъ мольбы.

— Ульяна! Ты хочешь, что бы я третiй разъ крестился? Да вѣдь тебѣ вѣдомо, что я крещенъ еще покойной матушкой своей Ольгой, потомъ вторично крестился по желанiю твоему въ первый годъ твоего замужества; христiаниномъ я полнымъ тогда сдѣлался, такъ чего жъ тебѣ? спросилъ Ольгердъ, судорожно сжимая руку своей супруги.

— Князь мой милый, супругъ мой любезный! не того я хочу, что бы ты крестился третiй разъ, я хочу, что бы ты умеръ какъ подобаетъ истинному христiанину,—въ монашескомъ чинѣ, отрѣшившись отъ мiра сего суетнаго.... Сперва постригись въ монахи, потомъ прими святую схиму, продолжала Iулiанiя Александровна.

— Княгиня! Я охотно приму монашескiй чинъ и святую схиму, но только передъ самой смертью, а теперь незачѣмъ, еще, пожалуй, въ схимѣ-то нагрѣшишь, замѣтилъ Ольгердъ.

— Князь мой славный! Ни кто не знаетъ о днѣ и часѣ своей

кончины. Живи ты еще сто лѣтъ мнѣ на радость, но будь готовъ къ смерти каждый часъ..... Монашескій чинъ тебя не свяжетъ, а облегчитъ.... Супругъ мой милый! Уважъ мою прозьбу, исполни мое желаніе.... Пока ты въ свѣжей памяти находишься, распорядись своимъ наслѣдіемъ; позови всѣхъ съѣхавшихся князей сыновей твоихъ и брата Кейстута. Объяви имъ волю свою, что ты наслѣдникомъ своимъ дѣлаешь сына Якова, пусть всѣ присягнутъ ему,— торопливо и настойчиво говорила Іуліанія Александровна.

— Ульяна! Каждый день мнѣ говорила ты объ томъ, что бы я вокняжилъ на свой престолъ сына Якова; тебѣ я въ этомъ не перечилъ, да и согласія не давалъ; потому что я скрывалъ отъ тебя мои думы; ты сильно любишь его и отъ того слѣпа къ нему... Я теперь все выскажу тебѣ, княгиня. Сынъ нашъ Яковъ слабосиленъ умомъ и тѣломъ, ратное дѣло онъ знаетъ плохо, грамоту еще плоше; вся его доблесть та, что богомоленъ очень... Но для великаго князя литовскаго попомъ быть мало, нужно умѣть править княжествомъ, а гдѣ ему?!.... Мнѣ и жаль его, да дѣлать нечего... Сыновья: Андрей, Владиміръ и Димитрій во всемъ превосходятъ его... Вотъ изъ нихъ то я и хочу выбрать великаго князя, на литовскій престолъ,—сказалъ Ольгердъ, останавливаясь почти на каждой фразѣ, и съ трудомъ переводя духъ.

Великая княгиня Іуліанія Александровна, вздрогнула при послѣднихъ словахъ своего супруга. Ольгердъ только теперь высказался, относительно престолонаслѣдія и эта откровенность поразила княгиню Іуліанію, словно громовымъ ударомъ, которымъ въ одну секунду, былъ разбитъ планъ, столько лѣтъ занимавшій ее. Долго она стояла, какъ убитая, ни одинъ мускулъ не шевельнулся, глаза ея расширялись и впились въ лице Ольгерда.

— Это послѣдняя твоя воля? прошептала она наконецъ, послѣ длиннаго молчанія.

— Послѣдняя, отвѣчалъ Ольгердъ.

— Не бывать этому, сказала громко она и въ голосѣ ея слышались сдержанныя слезы и сильный протестъ безсильнаго.

— Бывать, княгиня, ласково повторилъ Ольгердъ, хотя въ этомъ ласковомъ тонѣ, звучила обдуманная рѣшимость.

Снова воцарилось молчаніе.

— Тебя, князь, научили злодѣи, наговорили на Якова; но за-

клинаю тебя Богомъ живымъ,—не вѣрь имъ. Сынъ нашъ Яковъ чистъ какъ голубь; правда, онъ смиренъ, но.... Но на этимъ „но" великая княгиня не выдержала и захлебнулась въ рыданіяхъ.

— Ну что ты, княгиня, ревешь, какъ простая баба. Слезами, да вытьемъ дѣлу не пособишь. Изъ глупаго человѣка умника не сдѣлаешь. Бѣды своей родной землѣ я не сдѣлаю. Сына Якова я не обижу, награжу его богатыми удѣлами; но на великое княженіе поставлю сына поразумнѣе его.... Не плачь же по напрасну, княгиня, себя пожалѣй, меня не кручинь.... Но великая княгиня не слушала его, ее душили рыданія.

— Тебѣ вѣдомо, княгиня, продолжалъ Ольгердъ, какъ мы съ братомъ Кейстутомъ, согнали съ великаго княженія брата Евнутія?!.. А согнали за то, что онъ былъ не разуменъ и неумѣлъ княжить, былъ такой же трусъ, какъ и сынъ Яковъ. Ты подумай, княгиня, что будетъ послѣ, когда я обойду великимъ княженіемъ своихъ старшихъ сыновей, которые по доблестямъ выше Якова.... Они должны будутъ во всемъ покоряться ему, но когда княженіе—то его будетъ не разумно, когда враги воспользуются его безсиліемъ и со всѣхъ сторонъ начнутъ терзать Литву, что тогда княгиня?— Неужели ты думаешь, что они будутъ ему покорятся и молча будутъ смотрѣть на все это, сложивши руки? Они первые поднимутъ руки на Якова и съ позоромъ лишать его княженія.... А братъ Кейстутъ съ Витовтомъ тоже глухими и слѣпыми не будутъ: начнутся смуты, польется кровь.... къ этимъ братоубійственнымъ раздорамъ пристанутъ грабители — крестоносцы тевтонскіе и ливонскіе.... сдѣлаютъ набѣгъ татары, выступятъ поляки, а съ другой стороны поднимется князь московской, съ которымъ черезъ твоего брата тверскаго князя Михаила—Литва столько разъ воевала..... Да, страшно подумать, что будетъ!... Нѣтъ, любезная княгиня, не проси ты меня за Якова, грѣшить въ этомъ дѣлѣ и въ этотъ часъ не стану, видитъ Богъ, не стану.... сказалъ Ольгердъ и закашлялся.

— Приставь къ Якову, брата Кейстута, меня и сына Димитрія, тогда смутъ не будетъ, сквозь рыданія проговорила княгиня.

Ольгердъ молчалъ, Іуліанія Александровна снова возобновила свою просьбу относительно Ягайлы.

Долго и краснорѣчиво говорила она о престанаслѣдіи. Тутъ все пошло въ ходъ: слезы, мольба на высокихъ нотахъ, ласка,

воспоминаніе о прожитыхъ радостяхъ, заклинанія и увѣренія въ томъ, что сынъ Яковъ будетъ счастливъ на княженіе.

Ольгердъ поколебался.

— Ну хорошо княгиня... дай мнѣ объ этомъ подумать, сказалъ онъ и, поворотившись на правый бокъ, погрузился въ глубокую думу.

— Подумай, князь, да хорошенько... вразуми тебя Господь Богъ и Пресвятая Богородица,—отвѣчала княгиня Іуліанія Александровна съ замѣтной радостью.

Мысленно рѣшая вопросъ, быть или не быть сыну Якову на великомъ княженіи, Ольгердъ незамѣтно для самого себя заснулъ и когда проснулся, то было уже за полдень. Глаза Ольгерда встрѣтили послѣ сна всѣхъ находившихся при немъ знатныхъ родныхъ, которыхъ созвала въ Вильну, по случаю болѣзни Ольгерда, княгиня Ульянія Александровна.

Въ числѣ знатныхъ царедворцевъ находился и архимандритъ Давидъ.

Ольгердъ обвелъ глазами присутствующихъ и добродушно улыбнулся.

Всѣ, молча, поклонились.

Въ это время, до больнаго князя долетѣлъ гулъ колоколовъ всѣхъ виленскихъ церквей.

— Что это за звонъ такой странный? Спросилъ Ольгердъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Это звонъ, зовущій горожанъ въ храмы Божіи, молиться о твоемъ здоровьи. Весь сегодняшній день я приказалъ служить молебны по всѣмъ церквамъ, — отвѣчалъ архимандритъ Давидъ, подходя къ Ольгерду и осѣняя его крестнымъ знамѣніемъ.

— Благодарю тебя, святой отецъ, сказалъ Ольгердъ какъ то особенно ласково и грустно: пусть лучше молятся о спасеніи моей души, а не о здоровьи... гдѣ ужъ старому, дряхлому думать о здоровьи?! Зимой не цвѣтутъ розы...

— За то зеленѣютъ вѣковыя сосны, замѣтилъ Кейстутъ Гедиминовичъ: пышная роза хороша на видъ, благоуханна для запаха, но чуть только хватитъ ее холодъ, она сейчасъ же роняетъ пахучіе лепестки свои и отъ пышнаго цвѣтка остается одна голая колючая вѣтка, сосна же...

— Что сосна? перебилъ его вопросомъ Ольгердъ: милый братъ

ній, ты хочешь ободрить меня,—но напрасно... Прошлаго не воротишь, милый братъ мой. Солнце не заходитъ съ запада... я вотъ сейчасъ видѣлъ сонъ, чудный сонъ... мнѣ снилось, что я вмѣстѣ съ тобою стою на ратномъ полѣ, возлѣ какого то города, похожаго на Корсунь,—который я разорилъ... вокругъ стѣнъ городскихъ лежатъ тѣла убитыхъ... надъ ними стаями летаютъ коршуны... вдругъ я вижу, что мертвецы встаютъ и съ страшнымъ воплемъ и скрежетаньемъ зубовъ бросаются на меня.

Въ глазяхъ у меня зарябило... „за что ты насъ погубилъ, за что разорилъ нашъ городъ“ кричали мертвецы. „смерть ему!“ голосили они и я уже чувствовалъ, какъ холодные руки мертвецовъ схватили меня и готовы были растерзать... О, друзья мои, какъ страшно было мнѣ тогда!... Защищаться я не могъ, потому что руки мои не дѣйствовали, а дружину мою к тебя, братъ Кейстутъ, мертвецы оттѣснили назадъ... конецъ мой насталъ, думалъ я,—помощи ждать не отъ кого... я началъ молить и просить помощи у Господа Іисуса Христа; только что я успѣлъ прошептать имя божественнаго Искупителя нашего, — какъ вдругъ, будто съ облаковъ, послышалось тихое стройное пѣніе, я взглянулъ на небо и вижу какъ въ одеждахъ бѣлыхъ и въ сіяньи спустились ко мнѣ три мои царедворца Круглецъ, Кумецъ и Нежило, которыхъ я въ первыя годы моего княженія выдалъ кривекривейту, и которыхъ онъ предалъ лютой смерти за то, что они покинули язычество и приняли христіанство... „остановитесь,“ закричалъ мертвецамъ, одинъ изъ трехъ святыхъ мучениковъ „Ольгердъ великій грѣшникъ, но онъ заслужилъ прощеніе, и пусть только покается во всѣхъ грѣхахъ своихъ и двери рая для него будутъ открыты,“ сказалъ другой; „прими монашескій чинъ, и ты будешь спасенъ,“ обратившись ко мнѣ, сказалъ третій и видѣніе исчезло, я задрожалъ и проснулся... святые мученики Іоаннъ, Евстафій и Антоній!!! молите Господа Бога о прощеніи моихъ великихъ грѣховъ... и сами вы умилосердитесь, простите мнѣ, что я выдалъ васъ язычникамъ... невѣдалъ я тогда, что творилъ, а теперь прозрѣлъ да поздно... святые ваши мощи, — тяжкій укоръ мнѣ окаянному на всю мою жизнь. Сказавъ это, Ольгердъ тяжело вздохнулъ и нѣкоторое время молчалъ. Казалось что онъ молился.

— Но времени терять нечего; я хочу постричься въ монахи.

да пора распорядиться и наслѣдіемъ, продолжалъ Ольгердъ, послѣ молчанія; всѣ ли пріѣхавшіе князья сыновья мои здѣсь на лицо?

— Всѣ здѣсь, князь батюшка, отвѣчалъ Андрей Ольгердовичъ, стоявшій впереди всѣхъ братьевъ, Ольгердъ немного привсталъ на кровати.

— Позовите тіуна и всѣхъ моихъ близкихъ царедворцевъ и дружинниковъ, пусть всѣ слышатъ мою волю, сказалъ онъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ, покой больнаго Ольгерда биткомъ наполнился знатными царедворцами, были тутъ и женщины.

— Друзья мои! началъ Ольгердъ взволнованнымъ голосомъ: княженіе и міръ не вѣчны... Не долго мнѣ осталось гостить на землѣ, я предчувствую, что нѣсколько дней меня раздѣляютъ отъ гроба...

Сильныя рыданія Іуліаніи Александровны перебили рѣчь Ольгерда. За великой княгинею начали рыдать Марія Ольгердовна и жены царедворцемъ. У многихъ мужчинъ навернулись слезы. Самъ Кейстутъ началъ хмуриться; только супруга его княгиня Бирута добро подошла къ Іуліаніи Александровнѣ и начала утѣшать ее.

Герой нашего романа Ягайло видимо не принималъ ни какою участія въ семейной горести: онъ стоялъ возлѣ матери и, необращая на нее вниманія, смотрѣлъ на всѣхъ изъ подлобья, какъ будто ожидая себѣ приговора.

— Эхъ бабы, бабы, продолжалъ Ольгердъ: нельзя слова сказать, сейчасъ заголосятъ... Ну что выть-то? лучше слушайте... А то мнѣ придется два вѣка жить... Ну будетъ, будетъ, наплачетесь въ волю послѣ смерти моей, а теперь слушайте мою волю... Я рабъ Божій, великій князь литовскій Ольгердъ Гедиминычь, во святомъ крещеніи Андрей, завѣщаю всѣмъ и каждому, кто меня слышитъ, послѣ моей смерти похоронить меня въ церкви пречистыя Богоматери, которую я создалъ... Великимъ княземъ послѣ себя назначаю, моего перваго сына отъ второй жены княжны Іуліаніи Александровны Якова, а по литовски Ягайлу...

Большинство мужчинъ было поражено этимъ приказаніемъ. Только жены царедворцевъ продолжали голосить въ угоду княгини; онѣ прежде знали эту тайну и поэтому не удивлялись ей.

— Яковъ! подойди ко мнѣ, сказалъ Ольгердъ, обратившись къ Ягайлѣ.

Послѣдній повиновался.

— Умудри тебя Господь Богъ на великомъ княженіи, продолжалъ Ольгердъ, благословляя крестнымъ знаменіемъ Ягайлу, во всемъ слушайся совѣта моего брата, а твоего дяди, князя Кейстута, именуйся великимъ княземъ всея Литвы, но до его литовскихъ и жмудскихъ удѣловъ ты не касайся. Литва и Жмудь тебя не любятъ; да и самъ ты ничего не смыслишь въ нуждахъ жмудинъ и литовцевъ. Брата Кейстута они не промѣняютъ ни на кого; пусть же удѣлъ его переходитъ къ его сыновьямъ. Ты же блюди Русь и будь справедливъ къ своимъ братьямъ, удѣльнымъ князьямъ кіевскому, полоцкому и инымъ... Живи въ любви и согласіи съ своими родными. Дружба сыновей моихъ мнѣ будетъ пріятна въ могилѣ; раздоръ же и брань потревожатъ мои кости... Слушайся и почитай мать свою. Она и дядя Кейстутъ будутъ главные хранители и оберегатели твои, повинуйся имъ, какъ мнѣ самому. Витебской удѣлъ я назначилъ моей женѣ, а твоей матери. Послѣ ея смерти этотъ удѣлъ къ тебѣ перейдетъ... Братъ Кейстутъ! подойди ко мнѣ, сказалъ Ольгердъ, обращаясь къ трокскому кунигасу.

Кейстутъ подошелъ къ любимому брату.

— Любезный братъ мой! тебѣ я поручаю мое дѣтище, моего сына Ягайлу; будь ему вмѣсто меня отцемъ роднымъ. Наставляй его на доблести, которые нужны для великаго князя и недопускай до дѣлъ неразумныхъ. Онъ молодъ, глупъ... Злые люди могутъ воспользоваться этимъ и сдѣлать неурядицу великую, недопускай его, милый братъ мой, до этого, успокой мои кости... Ты не оставишь его, я знаю. Сказавъ это, Ольгердъ обнялъ Кейстута и изъ крѣпкихъ братскихъ объятій вырвались глухія рыданія.

Всѣ присутствующіе не могли удержаться отъ слезъ.

Послѣ Кейстута, Ольгердъ обнялъ Ягайлу и, благословивъ его, подозвалъ жену свою, княгиню Іуліанію.

— Спасибо тебѣ, матушка княгиня за то, что созвала всю родню во время; а то я старый глупецъ, хотѣлъ два вѣки жить... Княгиня, продолжая рыдать, крѣпко прильнула къ груди Ольгерда.

Долго говорилъ ей Ольгердъ, какъ вести себя относительно другихъ сыновей его и быть наставницей Ягайлы.

Послѣ жены Ольгердъ подзывалъ каждаго изъ сыновей своихъ, обнималъ, цѣловалъ ихъ и назначалъ каждому удѣлъ. За сыновья-

ми подошла дочь Марія Ольгердовна, которая въ этотъ интервалъ романа вышла замужъ за русскаго князя Бориса 1) и успѣла овдовѣть. Одна она изъ всѣхъ пяти дочерей Ольгерда, находилась при умирающемъ отцѣ.

— Не тужи, голубка моя, я мужу твоему Борису поклонъ свезу, ласково сказалъ ей Ольгердъ, выпуская изъ своихъ объятій и, обращаясь къ Ягайлѣ, добавилъ: люби и береги свою сестру Марію... Не забывай, что она вдова, а вдовье житье куда не красно....

Не много помолчавъ, онъ обратился къ сыновьямъ своимъ и продолжалъ: подошлите сейчасъ же мое благословеніе дочерямъ моимъ: Ксеніи, Еленѣ, Александрѣ и Өеодорѣ... Уже буду образами всѣхъ благословлять, такъ и имъ отберу... Передайте мой поклонъ зятю моему, храброму князю Владиміру Андреевичу, да скажите ему что я доволенъ имъ за то, что крѣпко любитъ Олену... Кланяйтесь и другимъ зятьямъ,—князю Святославу ниже всѣхъ, да попросите его беречь мою Өедорушку. До вечерень Ольгердъ продолжалъ бесѣдовать съ своими приближенными. Со всѣми знатными царедворцами онъ простился, всякаго изъ нихъ благословилъ и наградилъ какимъ нибудь жалованьемъ.

Наконецъ, отъ продолжительнаго разговора, сильныхъ волненій и напряженія силъ, Ольгердъ почувствовалъ утомленіе. По этому онъ пожелалъ скорѣе кончить бесѣду, въ которой заключалось устное духовное завѣщаніе.

— Подведите къ окну моего боеваго коня, ястреба,—посмотрю на него въ послѣдній разъ и прощусь,—сказалъ онъ, болѣзненно вздыхая.

Желаніе Ольгерда было скоро исполнѣно.

Съ помощью родныхъ и упираясь на трость, Ольгердъ подошелъ къ небольшому окну, у котораго княжескіе конюхи держали коня Ястреба.

Ольгердъ посмотрѣлъ на своего любимаго коня и глаза его заблестѣли слезою.

— Во многихъ бояхъ ты былъ со мною не разлученъ. Не разъ выносилъ меня изъ круга непріятелей. Спасибо тебѣ, сослужилъ

---

1) Кто онъ былъ и гдѣ княжилъ, источниковъ нѣтъ.

службу, послужи теперь моему сыну, а мнѣ ужъ не ѣздить болѣе на тебѣ, не видать кровавой сѣчи...

Ястребъ замоталъ головою, по направленію окна и затопалъ ногою.

— Смотрите, смотрите; замѣтилъ Димитрій Ольгердовичъ, поддерживая своего отца и стоя первымъ у окна: конь то, точно знаетъ что батюшка князь съ нимъ прощается...

— А что? перебилъ вопросомъ Андрей Ольгердовичъ.

— Да кланяется князю батюшкѣ, отвѣчалъ Димитрій Ольгердовичъ.

— Не ужто? послышалось въ толпѣ царедворцевъ.

— Прощай Ястребъ, не видать мнѣ болѣе тебя, сказалъ Ольгердъ, съ трудомъ переводя духъ и сдерживая рыданія.

Подойдя къ постѣли, онъ снова легъ на нее.

— Любезный братъ мой! прикажи послѣ смерти своей сжечъ на кострѣ твоего коня Ястреба, и ты никогда съ нимъ не разлучился, съ увѣренностью замѣтилъ Кейстутъ Гедиминовичъ.

— Дорогой мой братъ Кейстутъ! ты все еще считаешь меня язычникомъ; но видитъ Богъ, что я христіянинъ и умру по христіанскому завѣту... Зачѣмъ преждевременно отнимать жизнь у коня?—онъ мнѣ не нуженъ за гробомъ. Господь сказалъ: блаженъ кто милуетъ скоты... отвѣчалъ Ольгердъ Кейстуту и, пристально посмотрѣвъ ему въ глаза, продолжалъ голосомъ полнымъ мольбы: не гнѣвись ты за это на меня...

— Ну кажется я теперь со всѣми простился?! произнесъ онъ же шопотомъ, послѣ нѣкотораго раздумья.

— Ну нѣтъ, не совсѣми, закричалъ шутъ Ѳомка старческимъ дряблымъ голосомъ, выдѣляясь изъ толпы царедворцевъ: своего скомороха Ѳомку забылъ... Грѣхъ тебѣ, Гедиминычъ, грѣхъ... Я тебя цѣлый вѣкъ тѣшилъ, а ты и проститься со мною не хочешь... Заважничалъ, что къ Господу Христу отправляешься, такъ до шута ли теперь!... А можетъ статься меня съ собой на тотъ свѣтъ берешь, а? такъ что ли, Гедиминычъ? Ну такъ ты не чванься князь, захочу такъ я и безъ твоего велѣнья на тотъ свѣтъ попаду... Вотъ ты и знай меня, стараго дурака...

— Здравствуй, Ѳомушка, здравствуй. Гдѣ ты это цѣлый день пропадалъ? ласково спросилъ Ольгердъ.

— Цѣлый день по церквамъ ходилъ, молился за...

— За меня?! Спасибо тебѣ, Өомушка...

— Не спѣши благодарить князь, не за тебя я молился, а за себя, за свою душеньку грѣшную. За тебя-то Гедиминычь и безъ меня много молятся, а за меня не кому. Скажутъ: Өомка былъ скоморохъ, шутъ; цѣлый вѣкъ балагурилъ, такъ за него и молиться то грѣхъ... И никто вѣдь не вспомянетъ добрымъ словомъ шута Өомку, а Өомка-то не разъ своими шуточками спасалъ людей отъ смертной казни. Безъ Өомки то не смѣялись бы князья и бояре, а гдѣ нѣтъ смѣху, тамъ нѣтъ добра, тамъ зло... За тебя, Гедиминычь, всякій помолится, ты великій князь, поминки будутъ богатые, пображничать есть на что, а по мнѣ и панихиды то не кому будетъ справить, продолжалъ Өомка.

— Я справлю, замѣтилъ ему Андрей Ольгердовичъ.

— Ну вотъ одинъ добрый человѣкъ нашелся.

Спасибо тебѣ, князь Андрей, спасибо... Ты добрый князь, славный князь, не чета *головѣ съ клиномъ* 1).... Тебѣ бы быть великимъ княземъ, а не ему....

Намекъ былъ ясенъ, какъ Божій день.

— Ну ты.... старый дуракъ, прикуси себѣ языкъ то, сказала Іуліанія Александровна, вспыхнувъ отъ злости.

— Прикушу матушка княгиня, скоро со всѣмъ прикушу. Такъ прикушу, что ни кто слова отъ меня—стараго дурака—не услышитъ. Не тревожься, княгиня,—мой языкъ до кашицы Якова не дотронется. Не намъ дуракамъ у такихъ молодыхъ умниковъ, какъ князь Яковъ, служить,—сказалъ шутъ Өомка, поспѣшаясь у ногъ Ольгерда.

Почти сейчасъ же—послѣ этого, Ольгердъ повелѣлъ присягнуть всѣмъ, на вѣрность служенія великому князю Ягайлѣ. Къ присягѣ приводилъ сыновей Ольгерда и вассаловъ литовскихъ, а также знатныхъ царедворцевъ, архимандритъ Давидъ.

Кейстутъ съ сыномъ своимъ Витовтомъ и съ нѣкоторыми литовскими князьками язычниками, приняли присягу въ храмѣ Перкунуса, при посредствѣ криве-кривейто.

Присягнувъ, всѣ возвратились къ Ольгерду, который, сдѣлавъ наставленіе Ягайлѣ,—какъ княжить, пожелалъ остаться на единѣ съ архимандритомъ Давидомъ.

---

1) У Ягайлы была голова заостренная къ верху, на подобіе клина.

Всѣ, за исключеніемъ о. архимандрита, вышли вонъ.

Оставшись съ духовникомъ своимъ, Ольгердъ началъ ему передавать все, то, что скрывалъ онъ отъ всѣхъ и что составляло борьбу языческихъ убѣжденій съ христіанскими.

Духовная бесѣда эта длилась очень долго и кончилась тѣмъ, что въ этотъ же вечеръ Ольгердъ пострится въ монахи подъ именемъ Александра.

Но посмотримъ, читатель, что дѣлаетъ нашъ герой Яковъ Ольгердовичъ.

Выйдя изъ покоя Ольгерда всѣ начали поздравлять его. Княгиня Іуліанія Александровна, а съ ней мамки и няньки были на седьмомъ небѣ. Самъ же Ягайло походилъ болѣе на послушника, посвященнаго въ стихарь, чѣмъ на великаго князя.

Поцѣлуямъ и льстивымъ привѣтствіямъ не было конца. Отъ нихъ у Ягайлы заходила земля ходенемъ.

Придя къ себѣ въ покой Ягайло опустился на колѣни передъ кіотой съ образами.

Вслѣдъ за Ягайломъ вошелъ его другъ Витовтъ. Послѣдній, увидавъ Ягайлу на молитвѣ, ждалъ конца ея: она была непродолжительна.

— Ну, Яша, поздравляю тебя съ великимъ княженіемъ. Пусть твое княженіе будетъ счастливо и долго,—сказалъ Витовтъ Кейстутьевичъ, обнимая двоюроднаго брата. Какъ твои старшіе братья носы повѣсили отъ того, что не имъ, а тебѣ досталось княженіе, смѣхъ да и только!... Теперь тебѣ нужно жениться......

Въ это время въ покой вбѣжалъ запыхавшись Войдылло и, увидѣвъ Витовта, обратился къ нему.

— Князь! Тебя хочетъ видѣть, твой батюшка Кейстутъ Гедиминовичъ, сказалъ онъ.

Витовтъ поспѣшно вышелъ изъ покоя, а Войдылло повалился въ ноги къ Ягайлѣ.

— Королю русскому, литовскому и жмудскому. Якову Андреевичу низкій поклонъ и многая лѣта желаю,—кричалъ Войдылло, въ неописанной радости валяясь въ ногахъ у Ягайлы.

— Спасибо тебѣ, Войдылло отвѣчалъ Ягайло.

— Король! Не оставь твоего холопа — конюшаго Войдыллу своими милостями.....

— Не оставлю.....

— На радостяхъ я тебѣ великій князь другую радость принесъ..... Пояту мы нашли, сказалъ Войдыйло, ударяя на послѣдней фразѣ и дожидаясь, какъ отъ этого извѣстія запрыгаетъ Ягайло и бросится къ нему на шею.

Но увы!—ожиданія хитреца не оправдались.

— Нашлась!?! повторилъ за нимъ тихо и неопредѣленно Ягайло.

— Нашлась, нашлась! кричалъ Войдыйло.

— Гдѣ она теперь? послѣ непродолжительнаго молчанія, спросилъ Ягайло.

— Гдѣ она, мы сами еще не знаемъ; а только узнали, что она жива и здорова. Тутъ Войдыйло разсказалъ подробно и съ большими приключеніями, какъ попался мнимый гусляръ въ *волчью* башню. При этомъ онъ умѣлъ выставить себя въ такомъ свѣтѣ, какъ будто бы былъ самъ главнымъ виновникомъ открытія гусляра.

— Ну такъ что жъ—что нашлась?.. Эка невидаль какая!..... Я и получше Пояты найду.... Теперь я великій князь литовскій.. за меня всякая пойдетъ,—сказалъ Ягайло заносчиво.

Войдыйло не вѣрилъ ушамъ своимъ. Всѣ мечты его и надежды разбились въ прахъ.

— Такъ я пойду и выпущу гусляра изъ башни, сказалъ онъ съ упрекомъ и дѣлая движеніе къ двери.

— Ступай выпусти.... да скажи ему, что для радостнаго дня я его прощаю и милую, продолжалъ Ягайло.

— А о Поятѣ не спрашивать, не пытать гдѣ она? псосилъ Войдыйло.

— Не спрашивай... не надо... я ее давно забылъ... отвѣчалъ отрывисто Ягайло.

Войдыйло пожалъ плечами и вышелъ вонъ.

Дѣйствительно Ягайло, не видавъ такъ долго Пояты, успѣлъ забыть ее.

По уходѣ Войдыйлы, нашъ герой, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, сѣлъ на лежанку и задумался.

— Поята... Поята, прошепталъ онъ.

И вспомнилась тутъ ему красавица Поята, какъ онъ въ этой же комнатѣ, на этой же лежанкѣ сидѣлъ съ ней, цѣловалъ и миловалъ ее, какъ игралъ ея косой волнистой, какъ, въ сладкой нѣгѣ, они увѣряли другъ друга въ вѣчной любви, какъ клялись...

при этомъ Ягайло вспомнилъ о своей клятвѣ, данной Поятѣ въ этой же комнатѣ и вздрогнулъ,—сообразивъ, что онъ клятвопреступникъ.

Когда онъ посмотрѣлъ на образа, ему показалось, что лики святыхъ угодниковъ гнѣвно смотрятъ на него. Какой то невѣдомый голосъ шепталъ ему: «Богъ покараетъ тебя за неисполненную клятву». Ягайло пришелъ въ ужасъ; схватившись за голову, онъ выбѣжалъ изъ покоя и первому попавшемуся спальнику приказалъ позвать Войдыйлу.

Возвратясь къ себѣ, онъ сѣлъ у окна и боялся поднять глаза свои на кіоту.

Вошелъ Войдыйло.

— Великій князь! ты звать меня изволилъ? я передъ лицемъ твоимъ, сказалъ плутъ—Войдыйло.

— Да, знай... Войдыйло! Допытай этого гусляра, гдѣ Поята,—торопливо и ласково сказалъ Ягайло.

— Да догонишь теперь гусляра! Какъ же!.. я выпустилъ его...

— Какъ же ты выпустилъ его, кто приказалъ тебѣ?..

— Ты самъ приказалъ, великій князь, помилуй!..

— Мало ли что я приказалъ... Я теперь великій князь... мнѣ нужно обо многомъ думать, по неволѣ скажешь что и нехотѣлъ сказать...

— Для радостнаго дня, ты велѣлъ простить и помиловать его,—продолжалъ лукавый Войдыйло, понимая въ чемъ дѣло.

— Молчи холопъ, я голову велю тебѣ отрубить на плахѣ, если ты не найдешь Пояты, гнѣвно закричалъ Ягайло.

Войдыйлѣ этого только и нужно было.

— Эхъ, король! сказалъ вкрадчиво онъ: въ моей головѣ ты воленъ, срубить ее срубишь, а другой такой не найдешь... она еще пригодится для того, что бы отыскать Пояту. Видитъ Богъ отыщу ее. Будь она у самого Пеклоса въ плѣну, и отъ него утащу для тебя, мой король...

— Достанешь ее такъ возвеличу тебя почестями, перебилъ его Ягайла.

— Милостями твоими я и такъ богатъ... но нужно спѣшить, что бы не упустить гусляра, а когда узнаю отъ него гдѣ Поята, то дружинниковъ можно съ собой взять?...

— Возьми и дѣлай, что хочешь, только достань Пояту...

— Голову свою сложу, а Пояту достану, сказалъ Войдыйло, съ какимъ то удальствомъ, выбѣгая изъ покоя.

Въ дверяхъ онъ споткнулся съ мамкой Ягайлы и чуть не опрокинулъ ее.

— Тьфу ты пострѣлъ!.. Да что ты угорѣлъ что ли?—живыхъ людей не видишь а? закричала старуха на Войдыйлу.

Ягайло залился хохотомъ.

— Не сердись, бабушка, не нарочно толкнулъ тебя, кротко сказалъ Войдыйло, проскользнувъ въ дверь и захлопывая ее за собой.

— А еще бы нарочно!... бѣсъ этакой, прости меня Господи... тьфу ты оглашенный,—ворчала старуха.

— Что испугалъ видно? спросилъ Ягайло, не переставая хохотать.

— Испугалъ окаянный... а ты, мой батюшко, цвѣтокъ мой лазоревый, мой камень дорогой,—зачѣмъ одинъ въ покоѣ сидишь? Теперь тебѣ на первыхъ порахъ нельзя одному оставаться, ты вѣдь великимъ княземъ сдѣлался, а злыхъ людей, да завистниковъ много на бѣломъ свѣтѣ. Долго ли, упаси Господи испортить человѣка!..

— А съ кѣмъ же мнѣ оставаться? спросилъ Ягайло, переставъ смѣяться.

— Стольниковъ, спальниковъ позови, меня старуху, да и кравчій что бы былъ при тебѣ... а пуще всего бойся своихъ старшихъ братьевъ, не мило имъ, что тебя великимъ княземъ сдѣлали.... ахъ! я старая дура, заболталася съ тобою, а мнѣ вѣдь велѣно звать тебя,—тамъ видишь ли батюшко то твой, Андрей Гедиминычъ, въ монахи постригаться хочетъ... пойдемъ скорѣе, пойдемъ... вразумилъ его Господь, вразумилъ, трещала старуха мамка.

— Пойдемъ, нянюшка, сказалъ Ягайло и, сдѣлавъ нѣсколько крестообразныхъ дуновеній во всѣ стороны, мысленно отгоняя отъ себя нечистую силу,—вышелъ за мамкой изъ покоя.

Въ этотъ же вечеръ Ольгердъ постригся въ монахи (какъ мы выше сказали) подъ именемъ Александра, а также исповѣдывался и пріобщился святыхъ таинъ.

Здоровье его съ каждымъ днемъ гасло болѣе и болѣе.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ постриженія, Ольгердъ принялъ святую схиму, подъ именемъ Алексѣя.

17-го ноября ему сдѣлалось немного лучше и онъ весь день

бесѣдовалъ съ родными и съ архимандритомъ Давидомъ. Передъ вечеромъ онъ немного забылся сномъ. Проснувшись же, обратился къ духовнику своему архимандриту и сказалъ: святой отецъ! Сейчасъ только я видѣлъ святыхъ мучениковъ: Антонія, Іоанна и Евстафія... сонъ это былъ или видѣніе — я не знаю, но только видѣлъ этихъ трехъ праведниковъ на облакахъ и въ сіяньи.... они мнѣ сказали, что я прощенъ и что ждутъ меня сегодня ночью туда,—гдѣ сами... я видѣлъ это мѣсто, они показали мнѣ его... умъ человѣческій не можетъ представить себѣ, какъ хорошо тамъ. Святой отецъ! молись,. чтобы это не былъ бредъ больной души моей, что бы я попалъ въ тотъ рай, который видѣлъ сейчасъ. Обратившись потомъ ко всѣмъ окружающимъ, онъ продолжалъ: молитесь и вы, всѣ молитесь о моихъ грѣхахъ; Господь услышитъ вашу молитву и помилуетъ меня.

— Это не бредъ и не сонъ волшебный, а чудное божественное откровеніе. Ты уже покончилъ съ міромъ, принявъ святую схиму и принадлежишь только небу. Дивиться тебѣ божественному откровенію нечего. Нужно приготовиться въ далекій путь и причаститься божественныхъ таинъ, замѣтилъ ему архимандритъ Давидъ.

— Да, нужно, нужно!... завтра какихъ святыхъ? спросилъ схимонахъ Алексѣй.

— Святыхъ мучениккъ Платона и Романа, отвѣчалъ о. архимандритъ.

— Такъ, такъ, Платона и Романа!.. Господи! какъ все сбывается! Въ бытность мою во Псковѣ, — когда псковичи просили меня креститься и сѣсть у нихъ на княженіи, я отвѣчалъ: что я уже крещенъ, а княжить у нихъ не хочу; въ то время подошелъ ко мнѣ нашъ юродивый, босоногій Алеша и сказалъ: «у насъ» говоритъ «съ тобою, Андрюша одинъ ангелъ будетъ,—я Алексѣй, и ты будешь Алексѣй... да попомни святыхъ Платона и Романа». А что же? спросилъ я. „Да къ нимъ на праздникъ на небо прилетишь,“ отвѣчалъ онъ и скрылся въ толпу псковичей... я чувствую, что до утра мнѣ не дожить, сказалъ схимонахъ Алексѣй, останавливаясь почти на каждомъ словѣ отъ одышки.

Передъ исповѣдью, до святаго причастія, схимонахъ Алексѣй снова простился со всѣми. При прощаньи съ Ягайломъ онъ посовѣтовалъ ему уничтожить язычество въ Литвѣ и ввести хри-

стіанство по греческому закону, которое, по его словамъ, шло въ Литву путемъ мирнымъ, кроткимъ, и всѣхъ русиновъ, кривичей, а отчасти и литовцевъ сдѣлало христіанами.

— И главу литовскаго царства, меня—полуязычника, гонителя Христова,—оно мирнымъ путемъ притянуло въ лоно свое, сказалъ схимонахъ Алексѣй.

Послѣ причастія, Ольгердъ долго и молча шепталъ молитвы, наконецъ приподнялся на постели и, окинувъ взоромъ всю комнату, спросилъ: кто это такъ страшно стонетъ?

Всѣ въ недоумѣніи молчали.

— Слышите, слышите?... опять кто то застоналъ...

— Это тебѣ такъ чудится, святой схимникъ, замѣтилъ о. архимандритъ.

— Нѣтъ не чудится мнѣ... я вижу кто стонетъ, вонъ онъ стоитъ у двери, въ углу... кто онъ? скажите, я прежде въ замкѣ моемъ не видалъ его?...

Всѣ разступились, и у дверей не осталось никого.

— Который?—укажи намъ благочестивый схимникъ, спросилъ о. архимандритъ.

— А вонъ тотъ, кто стоитъ у двери... лице такое страшное, злое, глаза горятъ... онъ какъ будто бы плачетъ... постой, я гдѣ то видалъ его... да точно... гдѣ то въ церкви, на паперти адъ изображенъ, ну въ аду—то онъ и былъ... да воскреснетъ Богъ!—да это самъ дьяволъ... зачѣмъ онъ пришелъ сюда? за моей душой? а?..

— Твоя душа, святой схимникъ, принадлежитъ небу, а не аду. Твой ангелъ хранитель проводитъ ее къ Господу Богу, а нечистая сила исчезнетъ, яко дымъ,—сказалъ о. архимандритъ и, благословивъ умирающаго, началъ читать отходную.

— Да, да... я вижу ангела хранителя; вонъ онъ стоитъ у моего изголовья... что это поютъ? Гдѣ поютъ?... ахъ, какъ хорошо поютъ!.. слышите, слышите?.. Это поютъ въ голубой лазури... вонъ и небо разверзлось... Ангелы снисходятъ... святые мученики... въ бѣлыхъ... за мной идутъ... а вотъ и я поднимаюсь... на небо... все выше, выше... душно!.. пить!.. дѣти!.. видите... выше... выше... при этомъ Ольгердъ немного приподнялся, протянулъ къ верху руки, какъ бы хватаясь за что нибудь и, вскрикнувъ, опустился на кровать мертвымъ.

Ольгерда не стало.

Въ это самое время въ комнату вбѣжалъ юродивый Алеша и запѣлъ: *„со святыми упокой и т. д.“*

Плачь и рыданія покрыли пѣніе юродиваго.

Черезъ нѣсколько дней, съ большими почестями и колокольнымъ звономъ, похоронили Ольгерда въ Пречистенской церкви—(которую онъ выстроилъ)—между амвономъ и царскими вратами.

Все виленское городское и загородное православное духовенство отпѣвало его. Великолѣпный хоръ великой княгини Іуліаніи Александровны, состоявшій изъ дѣвицъ и женщинъ—придворныхъ, своимъ пѣніемъ, въ особенности во время самого отпѣванія, вырывалъ у всѣхъ находившихся въ церкви потоки слезъ.

Впрочемъ и безъ пѣнія весь народъ, который даже и не находился въ церкви, а густою массою окружалъ ее, былъ погруженъ въ неописанное уныніе. Онъ какъ будто сознавалъ, что самостоятельность Литвы и западной Руси Ольгердъ уноситъ съ собою въ могилу.

На плитѣ, которая покрывала склепъ, было написано славянскими буквами: „здѣсь покоится тѣло схимонаха Алексѣя, въ монашествѣ Александра, во святомъ крещеніи Андрея Гедиминовича, въ язычествѣ Ольгерда. Былъ онъ великій князь всея литовскія земли. Успе на память святыхъ мучениковъ Платона и Романа.“

По окончаніи службы, когда церковь начала пустѣть, къ царскимъ вратамъ, едва передвигая ногами, подошелъ старый шутъ Ѳома.

— Упокой, Господи, раба твоего, новопреставленнаго схимонаха Алексѣя, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ и, опустившись на колѣни самъ отдалъ Богу душу. Онъ умеръ, творя крестное знаменіе въ молитвѣ.

В. К. Андрей Ольгердовичъ похоронилъ его и справилъ по немъ поминки.

Кейстутъ Гедиминовичъ, справлялъ тризну по своемъ братѣ Ольгердѣ у себя въ Трокахъ, собравъ на нее нѣсколько тысячъ плакальщицъ, которыя всячески выжимали изъ своихъ глазъ слезы въ стеклянные шарики. Эти стеклянные шарики наполненные слезами, Кейстутъ отправилъ, вмѣстѣ съ великими жертвами по душѣ брата,—въ храмъ Перкунуса и просилъ криве-кривейто

умолить боговъ своихъ простить брата Ольгерда за принятіе христіанства и взять его душу и тѣло изъ христіанской церкви на калнасъ вѣчной жизни и счастія. Криве - кривейто далъ слово сдѣлать угодное Кейстуту.

Въ числѣ великихъ жертвъ находились шесть плѣнныхъ рыцарей, которыхъ прежде замучили лютой смертью, а потомъ сожгли на кострѣ. Коровъ же и телятъ криве - кривейто отослалъ на свой скотный дворъ.

Замѣчательно, что въ тотъ самый часъ, когда умиралъ Ольгердъ,—на Пятницкой церкви упалъ колоколъ и расшибся на нѣсколько частей. Узнавъ объ этомъ, Ягайло, посовѣтовавшись съ матерью своей Іуліаніею Александровною, позвалъ къ себѣ литейщика и приказалъ ему вылить новый колоколъ для Пятницкой церкви, въ замѣнъ разбитаго.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ новый колоколъ уже висѣлъ на Пятницкой колокольнѣ.

На немъ была сдѣлана слѣдующая надпись: 1) „*Се азъ рабъ Божій Яковъ Андреевичъ съ матерью своею Ульяною Александровною. В. К. Л. дали есмо сей колоколъ улить въ церковь святыя Параскеве въ Вильни, во вики 6887.*“

КОНЕЦЪ 2-Й ЧАСТИ.

С. Калугинъ.

---

1) Смотри: Нарбутъ. pomn. p. histor. 98—100. Два слова: «*святыя Параскеве*» мною реставрированы. Въ подлинникѣ «*св... ѣве. Параск...*» «еве» я пропустилъ какъ неимѣющую смысла. Впрочемъ на удачу я перенесъ его въ окончаніе втораго слова, т. е. къ „Параск...“ я прибавилъ „еве“ — и вышло Параскеве,— разумѣется, принимая во вниманіе орѳографію тѣхъ временъ. Другимъ образомъ можно прочесть такъ: «*святой деве. Парасковіи*». При этой гипотезѣ нужно отрѣшиться отъ буквы „ѣ,“ точно также какъ и въ первомъ случаѣ. (Авторъ).

ДОЧЬ ЭМИГРАНТА.

*(Продолженіе *).*

III.

Такимъ-то образомъ ротмистръ Рожанко неожиданно очутился внѣ *ойчизны*. Имъ овладѣла сильная тоска, ему захотѣлось вернуться въ свои милыя Вороны, захотѣлось прежней тихой и спокойной жизни; но было поздно: русскія войска, растянувшіеся по границѣ, препятствовали осуществленію его желанія. Бѣжавшіе поляки раздѣлились на двѣ партіи: одна отправилась искать счастія на востокъ, другая—на западъ. Михаилъ Рожанко примкнулъ къ послѣдней и вмѣстѣ съ нею добрался до Вѣны. Здѣсь онъ, съ слезами на глазахъ промѣнялъ свой изодранный въ бивачной жизни кунтушъ и жупанъ на блузу, жилетъ, шаровары и войлочную шляпу, какія носятъ французскіе ремесленники, и направилъ стопы свои къ Парижу. Неспокойная и бурливая тогда Франція была самымъ удобнымъ пріютомъ для эмигрантовъ и многіе изъ нихъ принимали потомъ дѣятельное участіе въ послѣдовавшихъ скоро въ ней государственныхъ переворотахъ. Впрочемъ, Михаилъ Ружанко, добравшись до Парижа, далъ себѣ слово не подвергать своей жизни опасности изъ за чужихъ интересовъ и свято сдержалъ его. (Мы помнимъ, что онъ былъ не изъ храбраго десятка и только для *милой ойчизны* готовъ былъ рѣшиться на все). Денегъ у него не было, потому что всѣ, какія захватилъ онъ съ собою изъ дома, были израсходованы во время кампаніи; варшавскій же ржондъ былъ не очень щедръ и имѣлъ похвальную привычку не платить жалованье своимъ ротмистрамъ. Въ первое время пребыванія своего въ Парижѣ пробовалъ онъ искать помощи у своихъ состоятельныхъ соотечественниковъ; но тѣ приняли его такъ *радушно*, что онъ поклялся, что нога его не будетъ у нихъ больше. Волей не волей, Михаилу Ружанко пришлось снискивать себѣ скудное пропитаніе обязанностію коммиссіонера: онъ былъ молодъ, здоровъ, силенъ, сметливъ, поэтому ему не трудно было заработывать отъ 25 до 30 су въ день. Но этого было такъ мало для жизни въ Парижѣ, что онъ едва могъ

*) См. кн. 1 Вѣстн. зап. Россіи.

кое-какъ перебиваться, живя на чердакѣ, вмѣстѣ съ двумя такими же, какъ и онъ бѣдняками, въ предмѣстіи города.

Прошло три года со времени поселенія ротмистра Ружанко въ Парижѣ; онъ уже хорошо говорилъ по французски, великолѣпно насвистывалъ нѣсколько водевильныхъ куплетовъ, съ которыми познакомился въ бульварныхъ театрахъ и отлично свыкся со своею коммиссіонерскою службою. Однажды, шныряя около Пале-Рояля, онъ замѣтилъ миленькую дѣвушку, въ коротенькомъ платьѣ, съ передничкомъ, продававшую пирожное. Ея большіе темные глаза такъ сильно приглянулись ему, что онъ участилъ свои посѣщенія Пале-Рояля, а потомъ познакомился съ Эмиліей Понсаръ,—такъ называлась дѣвушка,—и ея тетушкой, Фалурдинъ, профессіей которой была торговля въ маленькой лавочкѣ разными необходимыми принадлежностями незатѣйливой жизни бѣднаго ремесленника. Рѣзвая и веселенькая Эмилія Понсаръ оказалась тоже неравнодушною къ Михаилу Ружанко, который былъ хотя и низкаго роста, не довольно строенъ, съ орлинымъ носомъ, тонкимъ, къ низу опущеннымъ усомъ, но выразительными чертами лица, въ которыхъ проглядывала какая-то меланхолія. Изъ всѣхъ окружавшихъ ее мущинъ, онъ былъ представительнѣе. Прочіе ея поклонники были грязные и неопрятные мастеровые, со всклоченными бородами, на которыя было страшно взглянуть, любившіе пить бишофъ, крѣпко стучавшіе штаблетами, и нецеремонно оказывавшіе ей свое вниманіе. Михаилъ Рожанко, напротивъ, былъ очень опрятенъ, не носилъ бороды, которой не терпѣла хорошенькая Эмилія, а подбородокъ аккуратно брилъ три раза въ недѣлю у цирюльника эмигранта, безплатно; очень граціозно снималъ войлочную шляпу при встрѣчѣ съ нею, словно великосвѣтскій денди; былъ вѣжливъ съ нею и очень робокъ и застѣнчивъ въ любви, такъ, что едва чрезъ три мѣсяца дерзнулъ открыть ей свою страсть. Что это была страсть, а не минутная прихоть молодаго человѣка, доказывается тѣмъ, что Михаилъ Ружанко,—ротмистръ и родовитый шляхтичъ задумалъ о бракѣ съ буржуа-Понсарь, съ племянницею какой-то торговки: сердце и разсудокъ Ружанки доказывали, что бракъ съ Эмиліей Понсаръ будетъ ему и пріятенъ, и выгоденъ, потому что тетушка Фалурдинъ отдавала въ приданое любимой племянницѣ свою лавочку и нѣсколько сотъ франковъ на хозяйственное обзаведеніе молодыхъ. При томъ, можно было надѣяться, что изъ Эми-

лін выйдетъ хорошая хозяйка, потому что скупость тетушки пріучила ее къ житейскимъ невзгодамъ. Правда, его тревожила одна мысль: что будетъ, если когда нибудь воскреснетъ крулевство и фортуна выдвинетъ его на видный постъ? Не будетъ ли краснѣть онъ тогда за темное происхожденіе своей жены? Но и эта мысль скоро изчезала изъ его головы, уступая мѣсто свѣтлому образу милой Эмиль, который славно Пери неземная, являлся передъ нимъ въ минуты раздумья. Сообразивъ всѣ выгоды отъ этой женитьбы, Ружанко, собравшись съ храбростію, сдѣлалъ предложеніе, получилъ согласіе, женился и мирно сталъ торговать табакомъ и мыломъ въ лавочкѣ, полученной за женою. Чрезъ четырнадцать лѣтъ брачной жизни, когда Ружанко отчаявался видѣть потомство, у него родилась дочь, глазами похожая на мать, а носикомъ и чертами лица —на отца; а въ слѣдующемъ году тетушка Фалурдинъ отправилась къ праотцамъ, завѣщавъ племяннику и племянницѣ триста франковъ. Деньги, полученныя по наслѣдству, Ружанко истратилъ на закупку товаровъ и его торговая дѣятельность расширилась на столько, что онъ съ семействомъ могъ жить безбѣдно и лакомиться въ праздничные дни пирогомъ съ зайцемъ, а madame Эмилія Ружанко, превратившаяся изъ рѣзвой и веселой дѣвушки въ довольно полную и немного сварливую бабу,— пить ежедневно крѣпкій кофе съ сухариками.

Маленькая Елена, наслѣдовавшая по матери не много рѣзвости и веселости, оказывала удивительнѣйшія способности и любознатетьность, что нѣсколько смягчало неудовольствіе отца, что у него родился не сынъ, который былъ бы продолженіемъ его фамиліи. Со временемъ, Ружанко убѣдился, что милашка Helène фениксъ и что въ будущемъ ей улыбается блестящая карьера, что своимъ геніемъ она удивитъ свѣтъ. Поэтому поводу, папаша настоялъ, чтобы дочь его была отдана въ пансіонъ madame Жерво, которая, будучи знакома съ Ружанками, обѣщала за довольно сходную цѣну обучать Елену всѣмъ наукамъ, съ прибавкою музыки и хореграфическаго искуства.

Дѣйствительно, madame Жерво добросовѣстно исполнила свое обѣщаніе и, хотя Елена не была фениксомъ, какъ думалъ о томъ ея папа, все-таки она основательно изучила все то, что преподавали въ пансіонѣ; по части музыки она познакомилась съ генералъ-басомъ, скрыпочныя ноты легко перелагала на фортепіано и

до безумія полюбила танцы. Эта страсть къ танцамъ сдѣлала ее несчастною на весь вѣкъ, какъ говорили сосѣдки Ружанковъ. Однажды у виноторговца Дюшеня, закадычнаго пріятеля Ружанковъ была вечеринка и неуклюжій баккалавръ, танцовавшій съ маленькой Еленой вальсъ, запнулся ножищею своею за ножку стола, упалъ со своею дамою и такъ неловко (извѣстно, что ученые очень неловки), что грузомъ своимъ вывихнулъ ступню у лѣвой ножки своей дамы. Отецъ увезъ сейчасъ дочь домой и пригласилъ лѣкаря. Тотъ осмотрѣлъ сильно распухшую ногу, глубокомысленно понюхалъ табаку и приказалъ класть холодные компрессы, такъ какъ по его мнѣнію это былъ только сильный ушибъ. Онъ увѣрилъ отца, что дочь его чрезъ три недѣли будетъ снова въ состояніи танцовать. Обрадовавшійся Ружанко, пригласилъ такого опытнаго эскулапа пользовать больную до выздоровленія, и обрадовавшійся эскулапъ сталъ аккуратно посѣщать больную ежедневно, аккуратно получать по два франка за визитъ и лѣчить ее отъ ушиба. Когда спала опухоль, лѣкарь замѣтилъ свою невѣжественную ошибку и, не безъ сожалѣнія о милыхъ франкахъ, пересталъ навѣщать паціентку. Тогда Ружанко обратился за помощью къ другимъ лѣкарямъ, но тѣ, многозначительно качая головою, прописывали разныя мази и пластыри и совѣтовали больную свезти въ клинику, гдѣ бы ей выправили ногу. Родители слышать не хотѣли, о томъ чтобы ихъ надежду, Helène, подвергали мучительнымъ операціямъ; они соглашались лучше оставить излѣченіе на волю провидѣнія. Доктора, замѣтя слабость родителей къ дочери, утѣшали ихъ, что впослѣдствіи нога, хотя и не вполнѣ, но будетъ дѣйствовать и только маленькая хромота, едва замѣтная для родительскаго ока, будетъ напоминать о несчастномъ событіи. Предсказаніе ихъ отчасти сбылось. Чрезъ четырнадцать мѣсяцевъ, Елена, при помощи костылся, стала ходить по комнатѣ, а спустя еще шесть мѣсяцевъ, она могла выходить со двора съ тростью и сильная хромота была замѣтна каждому.

Родители сильно скорбѣли о несчастіи дочери. Мать въ особенности была безутѣшна; она думала, со временемъ, выдать свою красавицу Елену, за какого либо маркиза; теперь же, кто влюбится въ хромую? Отецъ тоже былъ опечаленъ; по его мнѣнію, таланту болѣе къ лицу двѣ здоровыя ноги, чѣмъ увѣчье. Сама же Елена, съ милою кротостью, разсѣевала печаль родителей; мать

она старалась убѣдить, что маркизы влюбляются не въ ногу, а въ характеръ и душевныя качества женщины и что тѣ очень глупы, которые женятся изъ за ножки; отцу же доказывала, что талантъ всегда останется талантомъ и отъ хромоты нисколько не пострадаетъ. Говоря о своемъ талантѣ, который сильно въ ней подозрѣвалъ отецъ,—она двусмысленно улыбалась, зная хорошо, что въ ней ничего подобнаго не скрывается. Впослѣдствіи изъ нея сформировалась дѣвица умная, со здравымъ смысломъ, ясно видѣвшая пристрастіе къ себѣ отца. Нѣсколько разъ пробовала она разувѣрить его въ несбыточныхъ надеждахъ, но подобныя попытки неудавались: Михаилъ Ружанко, бывшій отъ природы мечтателемъ, никогда не поддавался холодному анализу здраваго разсудка.

Но, неужели бывшій ротмистръ войскъ польскихъ, совсѣмъ распрощался съ своими честолюбивыми, надеждами и мечтами молодости? спросилъ меня, пожалуй, читатель. Въ этомъ отношеніи Михаилъ Ружанко былъ страненъ. Будучи фантазеромъ, какѣ я только что упомянулъ о томъ, онъ нисколько не разставался съ неясною, безотчетною надеждою видѣть самобытную и независимую Польшу, хоть на старости лѣтъ. Фатальная неудача возстанія тридцать перваго года только охладила его полу-храбрость. Сидя въ Воронахъ, онъ думалъ, что стоитъ только явиться ему на полѣ брани и москали при одномъ его видѣ, обратятся въ бѣгство; опытъ доказалъ противное. Но въ могучесть поляковъ онъ вѣрилъ безусловно и твердо былъ убѣжденъ, что ему приведется видѣть свѣтлую зарю блестящей будущности крулевства и что, освободившаяся отъ ига плѣнница, справедливая и безпристрастная, достойно почтитъ его заслуги, бѣдствія и страданія, которыя онъ съ самоотверженіемъ принесъ на олтарь ойчизны. Поэтому то былъ онъ нѣкоторое время въ нерѣшительности, жениться же на Эмиліи Пенсаръ, или порождать нѣсколько лѣтъ, пока всемірная революція, толки о которой ему хорошо были извѣстны,—не охватитъ всю Европу и не воздвигнетъ Польшу изъ пепелища и развалинъ; тогда бы онъ могъ сдѣлать блестящую партію, занимая видный постъ въ новой администраціи крулевства. Впрочемъ глазки Эмиліи были такъ жгучи, что онъ не въ силахъ былъ противустоять имъ, а какъ всемірная революція скоро не наступила, то онъ и пришелъ къ тому заключенію, что женитьба съ Пенсаръ хо-

ренній поступокъ, потому что не ждать же ему жены изъ свободныхъ сарматокъ до шестидесяти лѣтняго возраста! Родилась дочь и тщеславіе снова сильно заговорило въ немъ. Съ тайнымъ восторгомъ думалъ онъ, что геній его Елена прославитъ его имя и его отечество. Елена пѣла и играла очень не дурно, и онъ думалъ, что изъ нея будетъ или знаменитая музыкантша, или вокальное чудо.

Чутко прислушивался онъ ко всѣмъ толкамъ праздныхъ эмигрантовъ земляковъ, жившихъ въ Парижѣ. Первая половина девятнадцатаго вѣка была очень бурна для Европы и первая французская резолюція служила примѣромъ для прочихъ народовъ. По временамъ вспыхивали революціи, подобныя французской, въ разныхъ углахъ Европы; троны колебались; множество ораторовъ говорило великолѣпные спичи въ честь свободы и независимости и при этомъ часто вспоминалось о Польшѣ. Польская эмиграція трепетала отъ восторга и съ нею Михаилъ Ружанко. Явилось президентство Лудовика Наполеона, Ружанко ждалъ, что тотъ, кто такъ прекрасно говорилъ о свободѣ, немедленно подниметъ крестовый походъ противъ москалей. Вспыхнуло венгерское возстаніе онъ думалъ, что поляки, да еще при помощи храбрыхъ венгерцевъ, непремѣнно улучшатъ свое положеніе. Наполеонъ сдѣлался императоромъ, Ружанко былъ увѣренъ, что роковая минута для Польши наступила и, какъ бы въ подкрѣпленіе его иллюзіи, по проискамъ Франціи, началась крымская война.

Въ 1856 году было дозволено русскимъ правительствомъ возвратиться эмигрантамъ въ отечество. Не совсѣмъ угасшая любовь къ родному гнѣзду сильно заговорила въ Ружанкѣ и онъ всѣми силами старался убѣдить жену продать имущество и отправиться на родину, гдѣ всѣ его встрѣтятъ какъ мученика за святую справу съ распростертыми объятіями. Долго сопротивлялась madame Ружанко желанію мужа, но онъ такъ увлекательно рисовалъ предъ нею ихъ будущность на родинѣ, что она, наконецъ, уступила его желанію. Лавка и все движимое имущество были распроданы и съ десяткомъ тысячь, пріятно бренчавшихъ въ карманѣ франковъ, они явились въ Вильну. Михаилъ Ружанко поспѣшилъ въ Вороны взять скрытыя имъ сокровища и получить съ сосѣдей деньги, розданныя имъ нѣкогда на сохраненіе, но, увы! мѣстность, въ какихъ нибудь двацать съ чѣмъ то лѣтъ, совсѣмъ измѣнилась: гдѣ

[illegible], вмѣсто лѣса, гдѣ былъ лѣсъ, виднѣлись пашни и поля съ моремъ золотистой ржи и пшеницы; фольварокъ разросся въ трое; на мѣстѣ старенькаго домика съ соломенной крышей красовался просторный домъ, съ рѣзными ставнями и узорчатымъ конькомъ на кровлѣ. Хотѣлъ было Ружанко потребовать копать землю въ нѣсколькихъ мѣстахъ, гдѣ, по его смутнымъ и неяснымъ предположеніямъ долженъ былъ быть зарытымъ его скарбъ, но старообрядецъ, съ окладистой бородой, въ кумачевой рубашкѣ, выпущенной поверхъ набойчатыхъ панталонъ, владѣлецъ фермы, такъ взглянулъ на него, подозрѣвая, что пришлецъ хочетъ сдѣлать какой то заговоръ или ворожбу, что у пана-ротмистра вовсе пропала охота искать того, что могло быть десять разъ уже отыскано другими. Тогда обратилъ онъ поиски въ другую сторону, но и здѣсь постигла его таже удача: кто изъ должниковъ его умеръ, кто переселился Богъ вѣсть куда, а кто рѣшительно не хотѣлъ уплатить его и не помнилъ, чтобы когда либо бралъ у ротмистра на храненіе деньги. Въ особенности сильно ослабѣла память у тѣхъ, которые были должны болѣе значительныя суммы. Изъ неудачной поѣздки, Ружанко возвратился сильно насупившимся.

Между тѣмъ франки привезенные изъ Парижа, быстро улетучивались, и госпожа Ружанко день ото дня становилась сварливѣе.

Явился шестьдесятъ третій годъ; снова очнулись безумныя надежды стараго ротмистра, и онъ съ особеннымъ удовольствіемъ подтягивалъ дребезжащимъ голосомъ: „Боже цось польскенъ“ и пожертвовалъ на справу ойчизны, потихоньку отъ жены, двѣ чуть не послѣднія тысячи франковъ! Но и эта попытка поляковъ была безуспѣшна и принесла имъ только бѣдствія.

Семейство Ружанковъ стало терпѣть нужду. Ротмистръ обратился въ семейства богатыхъ и достаточныхъ соотечественниковъ съ просьбою о помощи, но тѣ, съ участіемъ выслушавъ печальную исторію его похожденій и горько соболѣзнуя о его крайности преравнодушно отказывали ему въ какомъ бы то ни было пособіи и старались какъ бы скорѣе выпроводить его за дверь своей роскошной гостинной. Къ счастію, что Елена, превратившаяся изъ хорошенькаго ребенка въ миловидную дѣвицу, хотя не оказалась геніемъ, но знала основательно музыку, имѣла въ ней вкусъ и владѣла безукоризненнымъ произношеніемъ парижскимъ; это было спа-

спасеніемъ семейства отъ крайней нищеты. Она стала давать уроки музыки и французскаго языка въ богатыхъ домахъ; ее стали на расхватъ приглашать учить дѣтей, восхищались ея выговоромъ, вкусомъ въ музыкѣ, старались, при удобномъ случаѣ, не доплатить ей рубль и говорили своимъ знакомымъ: это дочь несчастнаго эмигранта, при чемъ довольно презрительно пожимали плечами.

Характеръ Елены Михайловны сильно измѣнился съ шестнадцати лѣтъ, когда изъ ребенка она стала превращаться въ дѣвицу: дѣтская веселость и беспечность уступили мѣсто задумчивости и тоскѣ; житейскія невзгоды навсегда положили печать меланхоліи на ея характеръ.

Нельзя сказать, чтобы патріотическія понятія отца не имѣли на нее вліянія. Сначала, будучи ребенкомъ, она безусловно вѣрила ему во всемъ и смотрѣла на предметы его глазами. Она думала, что москали были причиною бѣдствій ея отца и цѣлаго ихъ семейства и составила себѣ объ этихъ варварахъ самое не лестное для нихъ понятіе; этому еще много способствовали характеристическіе очерки москалей, которые рисовалъ предъ нею Михаилъ Руженко. Но, впослѣдствіи, когда въ развившейся дѣвицѣ разумъ вступилъ въ свои права и когда, живя въ Вильнѣ, провѣряла теоріи и убѣжденія отца, выработанныя въ немъ эмиграціей, тогда образъ мыслей Елены Михайловны значительно измѣнился въ пользу русскихъ.

V.

Теперь познакомимся съ прочими дѣйствующими лицами. Впрочемъ, я считаю долгомъ предупредить читателя, что исторія ихъ очень не длинна. Николай Ивановичъ Голубковъ родился гдѣ-то въ глубинѣ Россіи; порядочно учился въ гимназіи, а потомъ въ Петербургскомъ университетѣ и здѣсь подружился съ Максимомъ Максимовичемъ Топоровымъ. Въ 1863 году умерли родители Голубкова, оставивъ ему въ наслѣдство добрую память о себѣ, честное, ничѣмъ не запятнанное имя и родительское благословеніе, на вѣки нерушимое. Разумѣется, съ такимъ наслѣдствомъ ему пришлось жить очень туго въ Петербургѣ, и онъ, промаячившись съ годъ, вынужденъ былъ оставить университетъ, не окончивъ курса и позаботиться о насущномъ кускѣ хлѣба.

Какъ ни горька была для Голубкова такая неожиданная пере-

мѣна карьеры, но онъ рѣшился на все, но прадѣда иного не надо. Въ то недавнее время, служба манила русскихъ въ сѣверо-западный край: послужить русскому дѣлу и попытать фортуны. И, вотъ, Николай Ивановичъ очутился въ Вильнѣ; тутъ карьера, подшутившая надъ нимъ зло на поприщѣ науки, привѣтливо улыбнулась ему въ бюрократіи: онъ сразу получилъ мѣсто какого-то засѣдателя, съ малымъ жалованьемъ, но съ широкой дорогой къ высшимъ степенямъ гражданской іерархіи.

Въ ожиданіи благъ земныхъ, будущій гражданскій дѣятель, пока что, поселился на самомъ не замѣчательномъ концѣ живописной Вильны, на Лукишкахъ; въ маленькой комнатѣ, съ однимъ окномъ, упиравшимся въ стѣну сосѣдняго сарая. Чрезъ два года судьба занесла сюда и Топорова.

Сцена встрѣчи между ними вышла очень интересною. Голубковъ встрѣтилъ своего прежняго товарища съ развернутыми объятіями; Топоровъ копировалъ Базарова и на первый дружескій поцѣлуй посовѣтовалъ Голубкову выпить стаканъ холодной воды и не нѣжиться какъ баба.

На товарищескіе, искренніе распросы о положеніи Топорова.

Дай покурить отвѣтилъ онъ съ равнодушной улыбкой въ лицѣ къ участію товарища, еще равнодушнѣе разваливаясь на постели хозяина.

Николай Ивановичъ, знавшій хорошо характеръ Максима Максимовича и нисколько за то не сердившійся на него, заботливо сталъ распрашивать товарища о состояніи его желудка.

— Хлѣба и мяса можно. лаконически отвѣчалъ тотъ, выпуская изъ рта въ потолокъ цѣлый клубъ дыма. Хлѣбъ и мясо очень питательны для нашей крови и малое количество ихъ нужно для поддержки нашего бреннаго существованія на землѣ. Потомъ, можешь угостить меня чаемъ, если онъ есть у тебя; но съ условіемъ: чаемъ студенческимъ, въ прикуску, чрезъ который Кронштадъ можно видѣть: я не хочу разнѣживать свой желудокъ и не совѣтую тебѣ то дѣлать.

— Ты пьешь какой чай? а? и куришь, знать, аристократическій табакъ? Чуетъ то мой носъ!... „Не добре робишь, сынку!" проговорилъ онъ, укоризненно качая головою на Николая Ивановича, и, вспомнивъ, на этотъ разъ гоголевскаго Тараса Бульбу.

Когда Топоровъ насытился и собирался уходить Николай Ива-

[illegible] предложилъ ему осмотрѣть живописныя горы Вильны, ея рыцарскіе узкіе закоулки, съ высокими кровлями старинныхъ зданій по бокамъ, въ которыхъ мерзкіе до отвращенія жиды, часто ссорились между собою изъ за пустяковъ.

— Ты все не покинулъ своего романтизма, Николай? спросилъ Максимъ Максимовичъ, когда Николай Ивановичъ сталъ поэтично описывать ему столицу русской Литвы.

— Не поэтомъ ли сдѣлался ты, толкаясь между соблазнительными литовками и восхитительными жидовками? Ай, пропадешь ты:

Пропадешь и сгинешь,
Якъ былина въ полѣ,—

продекламировалъ онъ.

— Пропадешь ты со своимъ романтизмомъ и поэзіей! Одурачатъ тебя туземки и сдѣлаешься ты прихвостнемъ какого либо шлейфа; и не быть тебѣ мужемъ чести и разсудка! Куда тебѣ до поэзіи! Ты не Гоголь, не Тургеневъ! Ты живописи природы не знаешь; она не далась тебѣ и ты не будешь Гоголемъ. Звучности, гармоніи, музыкальности слога не чувствуетъ твое ухо,—и не быть тебѣ Тургеневымъ.

— Хорошо, мой другъ, я согласенъ съ тѣмъ, что не могу быть ни Тургеневымъ, ни Гоголемъ. Но и на меня можетъ дѣйствовать прелесть природы, эта всесильная поэзія, украшающая нашу землю, могучую, прекрасную... Но развѣ мнѣ нельзя увлекаться, фантазировать на сколько силъ хватитъ бѣдному моему мозгу? Робко возразилъ Николай Ивановичъ.

— Въ томъ то и сила, что нельзя позволять увлекаться фантазіи. Фантазія разстроенное состояніе головы, горячка мозга, бредъ, увлекаться за предѣлы дѣйствительности, значитъ усиливать болѣзнь. А голову разстроенную нужно тоже лѣчить; это самый необходимый намъ членъ, потому что безъ головы ты не можешь жить. Ты согласенъ съ этимъ?

Николай Ивановичъ смотрѣлъ на Топорова съ благоговѣніемъ, какъ нѣкогда древніе на оракула.

— Я никогда не увлекусь любовію, опять заговорилъ Топоровъ, но жениться, если средства мнѣ позволятъ, могу себѣ позволить. Но въ женитьбѣ я не буду дѣйствовать очень медленно. Если женщина будетъ разумна и способна, то и будетъ мнѣ женою...

Въ это время, друзья проходили по каѳедральной площади:

Топоровъ остановился передъ колокольнею с. Станислава.

— Жаль, что не поэтомъ я родился и что нѣтъ у меня фантазіи; а тутъ есть надъ чѣмъ пофантазировать, произнесъ онъ съ улыбкою; указывая Николаю Ивановичу на башню.

— Сколько тутъ пищи поэту! Вотъ, полудикій, голый и мало разумный людъ, косматый, покрытый звѣриными шкурами, среди дремучаго сосноваго лѣса, лѣпитъ башню; съ которой голодный вайделотъ деретъ горло, что бы собрать разсыпавшихся по лѣсу полудикарей. Не удобнѣе ли было устроить для этой надобности башню на горѣ, сухой и высокой, гдѣ, колотя палкой въ доску, скорѣе собралъ бы глупое стадо? А какое поле фантазіи! Лѣсъ трепещетъ густою листвою и массы люда, въ благоговѣйномъ трепетѣ внемлютъ дубу, съ вершины котораго хитрый и плутоватый вайделотъ, скрывшійся между густыми листьями, морочитъ болѣе темныхъ земляковъ. Далѣе... Небо мрачно; зловѣщіе и отдаленные раскаты грома предвѣщаютъ бурю. Скоро съ нависшихъ тучь польются потоки и голодное и холодное стадо шарахнется въ испугѣ и разсыплется въ разныя стороны, разбѣжится по своимъ лачугамъ и долго въ нихъ будетъ пугать бабъ и ребятишекъ страшными вѣщаніями бога и гнѣвомъ Перкуна!... Тутъ, братъ, можно разыгрываться фантазіи, сколько душенькѣ угодно!... Однако, мой желудокъ снова требуетъ пищи: я долго тутъ заговорился съ тобою.

Николай Ивановичъ предложилъ Топорову пить кофе съ густыми сливками у Горецкой, которой кофейня съ незапамятныхъ временъ пользуется доброю славою.

— „Добре,“ промолвилъ Топоровъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ молчанія, онъ продолжалъ:

— Что, братъ, ни говори, а наши прадѣды были глупѣе насъ и не пили кофе съ такимъ комфортомъ, съ какимъ ихъ правнуки, какъ я надѣюсь, будутъ пить сейчасъ. Что говорить! цивилизація это плодъ многихъ разумовъ, выработанный многими вѣками. Девятнадцатый вѣкъ куда привлекательнѣе шестнадцатаго или тринадцатаго!

Послѣ кофе, Топоровъ просилъ Голубкова помочь найдти ему квартиру, потому что онъ только что пріѣхалъ и не былъ знакомъ съ городомъ. Онъ просилъ отыскать квартиру, какъ выразился, студенческую, чтобъ не нѣжить свое тѣло роскошью, не

обременять кошелька лишними расходами и сообразиться съ финансами.

Хотя Вильна изобилуетъ крохотными квартирками, но друзья довольно долго искали желаннаго. Голубкову очень хотѣлось помѣстить друга ближе къ себѣ, на Лукишкахъ, гдѣ воздухъ болѣе чистъ. Наконецъ, они нашли одну комнатку, съ неприхотливою мебелью, но съ окнами, обращенными въ садъ. Хозяйкою оказалась какая то неутѣшная вдова какого-то смотрителя провіантскаго запаснаго магазина; обремененная многочисленнымъ семействомъ, съ которымъ мѣстилась въ задней комнатѣ и съ претензіей на замужество.

Такъ какъ читателю прійдется быть въ квартирѣ Топорова и столкнуться съ его квартирною хозяйкою, то да позволено мнѣ будетъ теперь же познакомить его съ паней Трибуховой.

Пани Трибухова была родомъ изъ Царства Польскаго и до замужества была бѣдною паненкою 1), шляхетною 2) и со слабостію къ душкамъ военнымъ.

— Вуйсковы 3) умѣетъ кохаць 4) и за него можно смѣло выходить за мужъ, говорила она обыкновенно подругамъ, когда тѣ, для секретной бесѣды, уходили отъ зоркихъ глазъ мамашъ въ ея спальню.

Такъ и случилось съ нею. Въ томъ городкѣ, гдѣ она томилась дѣвствомъ и желаніемъ, „кохаць вуйсковэго,“ квартировалъ пѣхотный полкъ и нѣкій бравый ефрейторъ, по прозванію Трибуховъ, успѣлъ смертельно ранить томившуюся панну и вскорѣ затѣмъ она превратилась въ ефрейторшу Трибухову.

Долго кочевала Трибухова по разнымъ казармамъ Царства Польскаго и сѣверо-западнаго края, съ грудными дѣтьми, укоряя постоянно мужествомъ, шляхецкимъ происхожденіемъ; пока доблестный ефрейторъ не былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, а потомъ, за отличіе и ревностную службу, не была ему предложена кандидатура въ прапорщики. Доблестный унтеръ-офицеръ хотѣлъ довольствоваться кандидатурою и сто рублями годовой прибавки къ жалованью, потому что его сильно пугалъ тогдашній офицерскій экзаменъ: географія никакъ не подавалась его усиліямъ; но пани

1) Дѣвицею. 2) Благородною; изъ шляхты, отсюда и получило начало слово: шляхетный. 3) Военный. 4) Любить.

Трибухова до того стала надоедать ему своимъ шляхетствомъ, что кандидатъ, отслуживъ первоначально молебенъ передъ ротнымъ образомъ, скрѣпя сердце, схватился за изученіе географіи. Более всего его затрудняли константинопольскій и дарданельскій проливы, которые онъ никакъ не могъ запомнить. Но, вспомнивъ, какъ онъ, бывало, смѣло шелъ въ штыки противъ венгерцевъ, онъ и на этотъ разъ попробовалъ рискнуть потерять прапорщичьи эполеты и, потомъ, слушать весь вѣкъ о шляхетствѣ своей супруги—и, безъ точныхъ свѣденій о проливахъ, сталъ предъ суровое и торжественное лице экзаменаторовъ.

Экзаменъ былъ блистательный: бравый кандидатъ смѣло проплылъ чрезъ константинопольскій и дарданельскій проливы и благополучно присталъ у береговъ адріатическаго моря. Тутъ съ сіяющимъ отъ радости лицемъ, встрѣтила его пани Трибухова, въ шляпкѣ и кринолинѣ, и сію минуту наградила смѣлаго мореходца прапорщичьими эполетами, заблаговременно ею купленными.

По волѣ судебъ, прапорщикъ Трибуховъ выхлопоталъ себѣ мѣсто смотрителя второкласнаго запаснаго хлѣбнаго магазина. Мирно зажилъ онъ на этомъ мѣстечкѣ, сталъ ростить солидное брюшко и уже былъ представленъ въ поручики, какъ злой рокъ толкнулъ его ѣхать куда то на пріятельскую пирушку. Это было зимою; рѣки замерзли, но ледъ былъ не надеженъ. Подпившему смотрителю вздумалось возвращаться домой ближайшею дорогою, чрезъ рѣку. Долго ждала супруга своего благовѣрнаго, и только весною, рыбаки вытащили утопленника.

Пани Трибухова осталась неутѣшною подпоручицею, съ четырьмя дѣтьми, съ маленькими средствами къ жизни, потому что покойникъ заблаговремянно успѣлъ почти все прокутить. Но какъ покойникъ былъ уже представленъ въ поручики и со временемъ могъ надѣяться быть произведеннымъ, за усердную службу, въ штабсъ-капитаны и какъ этотъ чинъ неудобенъ для произношенія, то пани Трибухова стала титуловать себя капитановою,—по примѣру тѣхъ коллежскихъ регистраторшъ, которыя величаютъ себя паней совѣтниковой.

Горько приходилось жить ей на Лукишкахъ, въ двухъ комнатахъ съ кухнею; но капитанова не отчаявалась, твердо помня, что отчаяніе грѣхъ смертельный. Она сшила себѣ нѣсколько темныхъ платьевъ, приличныхъ вдовьему ея положенію и стала раз-

сыдать торговокъ евреекъ пріискивать ей мужа, покрайней мѣрѣ капитана, потому что она сама *капитанова*.

Въ такомъ положеніи были дѣла пани Трибуховой, когда у нея нанялъ квартиру со столомъ Топоровъ.

Жизнь Голубкова и Топорова оживилась. Они со школьной скамьи такъ привыкли другъ къ другу, что когда были порознь, то каждый изъ нихъ чувствовалъ, что ему чего то не достаетъ. Топоровъ, чуть не ежедневно, заходилъ къ Голубкову, послѣ обѣда, пить чай; потомъ друзья отправлялись куда либо гулять и, на возвратномъ пути, или Голубковъ заходилъ къ Топорову отдохнуть и раздѣлить съ нимъ неприхотливый ужинъ, состоявшій изъ куска говядины, которую имѣлъ въ привычкѣ Максимъ Максимовичъ оставлять отъ обѣда, или Топоровъ заходилъ къ Голубкову разсуждать о разныхъ разностяхъ. Разговоръ сначала начинался журналистикою, а потомъ переходилъ на болѣе житейскія темы. Николай Ивановичъ скоро увлекался и начиналъ строить воздушные замки, рисовать предъ другомъ картины своей будущности. Голубковъ былъ немного романтическаго характера, воспріимчивый и легко увлекавшійся встрѣчною идеей; Максимъ Максимовичъ старался быть холоднымъ, сдержаннымъ и смотрѣлъ на все, какъ онъ говорилъ, здраво. Понятно, что при такой противуположности характеровъ, они рѣдко въ чемъ соглашались и за облачныя паренія фантазіи Николая Ивановича встрѣчали саркастическую улыбку на лицѣ Максима Максимовича.

О. А. Б.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Освященіе Нѣсвижскаго бернардинскаго костела въ православную церковь.

Съ удовольствіемъ спѣшимъ подѣлиться пріятною вѣстью. 6-го и 7-го декабря совершилось освященіе двухъ православныхъ церквей въ заштатномъ городѣ Несвижѣ, Слуцкаго уѣзда, устроенныхъ въ послѣдніе три мѣсяца изъ

упраздненнаго въ 1864 году римско-католическаго бернардинскаго костела. На предстоящемъ торжествѣ, какъ слышно, участвовали и нѣкоторые изъ минскихъ служащихъ чиновниковъ.

Несвижъ до послѣдняго времени былъ гнѣздомъ католичества. Здѣсь было пять великолѣпныхъ каменныхъ костеловъ и ни одной православной церкви, такъ что православное богослуженіе отправлялось сначала въ грязномъ полуразрушенномъ зданіи городской Ратуши, а потомъ 10 лѣтъ въ тѣсной комнатѣ при воинскихъ казармахъ. А вѣдь когда-то и въ Несвижѣ существовали два древне-православныхъ храма. Одинъ каменный—во имя *св. Георгія*, а другой деревянный — во имя *Преображенія Господня*. Первый, основанный въ 1577 году княземъ Николаемъ Радзивилломъ, былъ обращенъ впослѣдствіи въ еврейскую синагогу, которая существуетъ и по нынѣ, сохраняя прежній наружный видъ и какъ-бы нарочно свидѣтельствуя тѣмъ о грустныхъ временахъ прошедшаго, когда бѣдный православный народъ въ борьбѣ съ сильнымъ панствомъ не могъ свободно защищать своихъ правъ, своей религіи, своихъ храмовъ... И сколько такимъ образомъ изчезло православныхъ церквей, слѣды которыхъ въ настоящее время отыскиваются не только въ костелахъ и синагогахъ, но даже въ помѣщичьихъ конюшняхъ и т. п. зданіяхъ. Другая церковь, Преображенская, незадолго до возсоединенія уніи, именно въ 1836 году, истреблена пожаромъ и съ тѣхъ поръ уже не возобновлялась, не смотря на постоянныя ходатайства о томъ въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ. Наконецъ въ минувшемъ августѣ мѣсяцѣ, главный начальникъ края *А. Л. Потаповъ*, въ бытность свою въ Несвижѣ обратилъ вниманіе на бѣдственное положеніе мѣстныхъ православныхъ прихожанъ, сиротѣвшихъ столько лѣтъ безъ храма, и предложилъ немедленно устроить тамъ православную церковь изъ упраздненнаго костела. Вслѣдствіе этаго тогдаже составленъ временный комитетъ и приступлено къ перестройкѣ, которая, благодаря особенному усердію комитета, теперь совершенно уже окончена. На устройство обѣихъ церквей, при готовыхъ иконостасахъ,

израсходовано около 2 тысячъ рублей, въ счетъ которыхъ 200 руб. 85 коп. пожертвованы чинами квартирующаго въ Несвижѣ 14 Гусарскаго Митавскаго полка и 67 руб. 65 к. мѣстными прихожанами, а остальныя деньги ассигнованы изъ казны. Иконостасъ же съ живописью — для главной Несвижской церкви перевезенъ изъ минскаго каѳедральнаго собора, а для другой теплой—перенесенъ изъ бывшей мѣстной временной церкви. Затѣмъ, на пріобрѣтеніе необходимой утвари для устроенныхъ храмовъ, землевладѣлецъ Слуцкаго уѣзда, Константинъ Ксаверіевичъ *Войниловичъ* пожертвовалъ 500 рублей. Кромѣ того, какъ намъ положительно извѣстно, въ настоящемъ дѣлѣ принимаетъ живое участіе извѣстный ревнитель здѣшнихъ православныхъ церквей, московскій почетный потомственный гражданинъ *И. И. Четвериковъ*.

(Мин. Губ. Вѣд.)

Проѣздъ сербскаго митрополита Михаила чрезъ Вильну.

По полученіи точнаго извѣстія о прибытіи его высокопреосвященства, сербскаго владыки, въ Вильну, онъ встрѣченъ былъ на бангофѣ желѣзной дороги, въ 4 часа пополудни, 4-го ноября, намѣстникомъ свято-духовскаго монастыря, а также ректоромъ литовской семинаріи архимандритомъ Евгеніемъ—сотоварищемъ его по академическому курсу,—и, сопровождаемый колокольнымъ звономъ, пожаловалъ въ приготовленные для его высокопреосвященства покои въ городскомъ архіепископскомъ домѣ. Здѣсь, по прибытіи, радушно съ братскою любовію, встрѣченъ былъ хозяиномъ—его высокопреосвященствомъ, архіепископомъ Макаріемъ, нарочно прибывшимъ для того изъ своего загороднаго дома; — при чемъ представлены были сербскому архипастырю—викарій литовской епархіи, епископъ Іосифъ, ректоръ семинаріи и члены духовной консисторіи, а вскорѣ послѣ того прибылъ принять благословеніе г. помощникъ главнаго начальника края, князь П. Р. Багратіонъ. За обѣденнымъ столомъ, даннымъ хозяиномъ дома, высоко-

преосвященнымъ Макаріемъ, участвовали владыка сербскій Михаилъ и его спутники—оо. архимандритъ Никифоръ—герцеговинскій герой и сербскій богословъ—атлетъ по тѣлосложенію, и игуменъ сербскій Іосифъ, а изъ мѣстныхъ преосвященный Іосифъ, архимандритъ Евгеній и протоіерей Викторъ Гомолицкій. Послѣ обѣда, по маломъ отдохновеніи, достопочтенный гость, въ сопровожденіи преосвященнаго епископа ковенскаго Іосифа, викарія литовскаго, сопутствуемый своими оо. архимандритомъ и игуменомъ, посѣтилъ виленскій музей и публичную библіотеку, какъ объ этомъ извѣщено въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», и здѣсь съ особымъ участіемъ разсматривалъ древнія рукописи и старопечатныя книги. Затѣмъ отдалъ визиты князю Багратіону, преосвященному епископу Іосифу и ректору семинаріи, архимандриту Евгенію. На другой день, 5-го ноября, его высокопреосвященство, въ сопровожденіи преосвященнаго епископа Іосифа, посѣтилъ свято-духовскій монастырь, гдѣ слушалъ раннюю литургію, совершаемую на тотъ разъ священно-инокомъ Павломъ, — извѣстнымъ «Прусскимъ», прибывшимъ по дѣламъ устройства единовѣрческихъ церквей, и приложился къ мощамъ св. виленскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстаѳія, а потомъ разсматривалъ утварь и ризницу, особенно бывшія въ употребленіи святителя и чудотворца Димитрія Ростовскаго, подвизавшагося здѣсь на пользу православія. Послѣ того посѣтилъ литовскую семинарію, гдѣ интересовался объ учебникахъ, изволилъ слушать отвѣты учениковъ, а въ библіотекѣ семинарской, по обозрѣніи богатства ея рукописей и старопечатныхъ книгъ, записалъ собственноручно свое имя въ книгу посѣтителей, чему послѣдовали и сопровождавшіе его высокопреосвященство оо. архимандритъ Никифоръ и игуменъ Іосифъ; вообще устройствомъ семинаріи и ея бытомъ сербскій архипастырь остался вполнѣ доволенъ, выражая, что они въ своей Сербіи едвали дождутся такихъ благоустроенныхъ учебныхъ заведеній на пользу св. церкви. Затѣмъ его высокопреосвященство, въ сопровожденіи того же викарія, преосвященнаго Іосифа, изволилъ посѣтить — каѳедральный соборъ, николаевскую и

пятницкую церкви, пречистенскій соборъ, женскій маріинскій монастырь и александровскую часовню, гдѣ, встрѣченный подобающимъ сану чиномъ, онъ любовался прекраснымъ возстановленіемъ и возобновленіемъ храмовъ, и хорошо знакомый съ исторіей западно-русской православной церкви, съ глубокою сердечною благодарностію возносился къ благодѣющему Богу за Всероссійскаго Православнаго Монарха. Въ 1-мъ часу сербскій владыка посѣтилъ литовскаго архипастыря, архіепископа Макарія, въ его загородномъ домѣ, гдѣ изволилъ кушать у привѣтливаго хозяина любвеобильный обѣдъ, вмѣстѣ и съ преосвященнымъ Іосифомъ, сопровождавшимъ высокопреосвященнѣйшаго Михаила. По возвратѣ изъ Тринополя—загороднято дома литовскаго архипастыря, сербскій святитель отправился въ 4-мъ часу пополудни на желѣзную дорогу, по пути въ Варшаву, сопровождаемый колокольнымъ звономъ, высшими духовными сановниками и нѣкоторыми изъ усердныхъ православныхъ особъ. Владыка Михаилъ, въ бытность у преосвященнаго Іосифа, предсѣдательствующаго въ совѣтѣ общества ревнителей православія, изволилъ съ глубочайшею благодарностію принять отъ этого общества ризу, два стихаря и два куска парчи для ризъ. Сверхъ того, онъ очень сожалѣлъ, что, по краткости времени, не могъ посѣтить виленскаго духовнаго—мужескаго училища и училища дѣвицъ духовнаго званія. Вообще, сербскій владыка, принятый съ благоуважительною любовію литовскимъ архипастыремъ и его паствою, выѣхалъ изъ Вильны съ чувствами отрады, утѣшенія и надеждъ.

(Вил. Вѣст.)

Празднованіе столѣтняго юбилея ордена св. Георгія.

Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ и „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано:

26-е ноября, первый день торжественнаго празднованія столѣтняго юбилея ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія, останется надолго въ памяти каждаго, имѣвшаго счастье при-

нимать въ немъ участіе. Значеніе самаго празднества, многочисленность представителей русской доблести и русской силы, собравшихся къ этому дню со всѣхъ концовъ Россіи, величіе и блескъ обстановки торжества вообще — производили такое впечатлѣніе, которое не можетъ изгладиться, которое передастся дѣтямъ и потомству участниковъ и, перейдя въ преданіе, послужитъ новымъ залогомъ дальнѣйшихъ подвиговъ русской арміи.

Торжество исполнено согласно высочайше утвержденному церемоніалу, уже извѣстному нашимъ читателямъ.

Предварительно съѣзда въ Зимній дворецъ георгіевскихъ кавалеровъ и особъ, въ 11 часовъ, были выстроены въ залахъ дворца, какъ назначено по церемоніалу, взводы георгіевскихъ кавалеровъ и депутацій отъ гвардіи и арміи, именно:

Въ Георгіевской залѣ встали взводы георгіевскихъ кавалеровъ отъ роты дворцовыхъ гренадеръ, отъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ частей; здѣсь же были поставлены георгіевскіе знамена и штандарты всѣхъ частей войскъ, а также георгіевскія трубы.

Въ Портретной галлереѣ—кавалеры изъ инвалидовъ, изъ нестроевыхъ и отставныхъ нижнихъ чиновъ.

Въ Гербовой и Фельдмаршальской залахъ—депутаціи отъ пѣхотныхъ и артиллерійскихъ частей; георгіевскія знамена стояли въ Гербовой залѣ, и

Въ Малой аванзалѣ—эскадроновъ депутаціи отъ кавалерійскихъ частей и георгіевскіе штандарты.

Войсками изволили командовать: всѣмъ парадомъ—Его Императорское Высочество главнокомандующій войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа; въ Гербовой залѣ—Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ Фельдмаршальской залѣ — Его Императорское Высочество князь Николай Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій; въ Малой аванзалѣ—Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

Кавалеры ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія и лица, имѣющія золотое оружіе, собрались въ Бѣлой залѣ.

Государь Императоръ, вступивъ въ Бѣлую залу, изволилъ обратиться къ присутствовавшимъ здѣсь кавалерамъ съ слѣдующими милостивыми словами:

„Поздравляю васъ, господа, съ столѣтнею годовщиною учрежденія Георгіевскаго Ордена.

„При этомъ Я увѣренъ, что каждый изъ васъ съ благодарностью вспомнитъ о великой Учредительницѣ нашего славнаго военнаго ордена, умѣвшей цѣнить службу престолу и отечеству, и достойныхъ достойно награждать.

„Не забудемъ также и прежнихъ георгіевскихъ кавалеровъ, которыхъ уже нѣтъ на этомъ свѣтѣ, и изъ которыхъ многіе положили жизнь свою за дорогое намъ отечество и во славу нашего оружія.

„Доблести прежнихъ поколѣній къ счастію съ ними не исчезли, а передались вполнѣ и нынѣшнему поколѣнію, какъ то свидѣтельствуютъ военныя отличія, которыя васъ украшаютъ. Вся армія наша и флотъ нашъ вами гордятся, вмѣстѣ со Мною.

„Я радъ, что Мнѣ суждено было праздновать эту знаменательную годовщину вмѣстѣ съ вами, и счастливъ, что могу лично благодарить васъ за вашу вѣрную, усердную и славную боевую службу, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Тѣхъ, которые получили за свои заслуги Георгіевскіе кресты, при Императорѣ Александрѣ Павловичѣ и при покойномъ Моемъ Родителѣ, благодарю Ихъ Именемъ, я не забуду никогда подвиговъ, награжденныхъ этимъ орденомъ уже при Мнѣ, какъ въ тяжкую годину защиты Севастополя, такъ и за кавказскую войну, и въ послѣднее время—въ Туркестанѣ.

„Сожалѣю, что не всѣ кавалеры могли съѣхаться къ сегодняшнему нашему военному, семейному празднику, начиная съ фельдмаршала князя Барятинскаго; но Я не забываю, что Я ему обязанъ покореніемъ Кавказа. Я радъ, что могу передъ вами всѣми благодарить брата Моего, Великаго Князя Михаила Николаевича, за окончательное умиротвореніе всего Кавказскаго края, и главнаго помощника того и другаго, графа Евдокимова. Благодарю также брата, Великаго Князя Константина Николаевича, при которомъ началось усмиреніе польскаго мятежа, и фельдмаршала графа Берга, за окончательное его укрощеніе.

„Не могу также не обратиться съ особымъ спасибо къ нашимъ морякамъ, которые послѣ Синопа доказали, подъ Севастополемъ, что они и на сушѣ такіе же молодцы, какъ и на морѣ.

„Повинуясь волѣ учредительницы Военнаго нашего Ордена, положительно ею выраженной, въ манифестѣ, по случаю его основанія, Я, какъ гроссмейстеръ ордена, возложилъ на Себя сегодня

1-ю степень сего ордена; но Мнѣ въ особенности дорогъ крестъ 4-й степени, который Я ношу, и день, въ который Я удостоился получить его, принадлежитъ къ счастливѣйшимъ воспоминаніямъ Моей жизни, и Я увѣренъ, что каждый изъ васъ сохраняетъ въ памяти своей то же чувство.

Еще разъ благодарю отъ души васъ всѣхъ за молодецкую вашу службу. Да сохранитъ васъ Богъ! — Дай Богъ, чтобъ не нужно намъ было вновь вступать въ бой; но если это намъ суждено, то Я увѣренъ, что армія и флотъ съумѣютъ по прежнему поддержать славу нашего оружія и честь русскаго имени."

Послѣ высокомилостивыхъ словъ Государя, единодушное „ура" осчастливленныхъ Ими кавалеровъ огласило залу.

Затѣмъ, Его Императорское Величество, обращаясь къ принцу прусскому Альберту, — кавалеру ордена св. Георгія 4-й степени, прибывшему въ С.-Петербургъ для участія въ настоящемъ торжествѣ, — изволилъ выразить, что Онъ избралъ этотъ великій день для препровожденія знаковъ ордена св. Георгія 1-й степени его величеству королю прусскому Вильгельму I, съ которымъ Его соединяютъ узы родства, личной дружбы и глубокаго уваженія, а также и то воспоминаніе, что его величество король прусскій получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени еще въ 1814 году *).

Послѣ того было открыто шествіе, какъ назначено по церемоніалу, черезъ Концертную и Николаевскую залы, по малому Аванъ-залу, Фельдмаршальской, Петровской и Гербовой заламъ, чрезъ Портретную галлерею въ Георгіевскую залу. При приближеніи первыхъ паръ процессіи къ дверямъ каждой залы, находившіяся въ ней войска брали „на караулъ"; при прохожденіи кавалеровъ музыка играла полковой маршъ, при появленіи Государя Императора — народный гимнъ, а во время шествія духовенства молитву.

Въ Георгіевской залѣ, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, Особъ Императорской Фамиліи и всѣхъ георгіевскихъ кавалеровъ, высокопреосвященнымъ митрополитомъ Исидоромъ, съ членами Святѣйшаго Сѵнода и придворнымъ духовенствомъ, совершено молебствіе святому Великомученику и Побѣдоносцу Геор-

*) Король прусскій, по времени пожалованія, старшій изъ иностранныхъ кавалеровъ ордена.

гію. Величіе и торжественность этого богослуженія глубоко врѣзывались въ душу. Когда провозглашаемы были многолѣтія Императорскому Дому, вѣчная память императрицѣ Екатеринѣ II, императорамъ Александру I и Николаю I, вѣчная память воинамъ на полѣ брани животъ свой положившимъ и многолѣтіе всероссійскому воинству,—теплая, искренняя молитва неслась къ престолу Всевышняго изъ груди тѣхъ, которые своею доблестію и кровію запечатлѣли любовь и преданность Государю и отечеству; въ головѣ каждаго изъ нихъ промелькнула мысль о славѣ, о прежнихъ опасностяхъ, о павшихъ товарищахъ, и не одна слеза показалась на рѣсницахъ; но это была слеза умиленія, горячей готовности на новые подвиги, на новую славу.

По окропленіи митрополитомъ святою водой Августѣйшихъ Особъ и георгіевскихъ знаменъ и штандартовъ, Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Высочества изволили пройти во внутреннiе покои прежнимъ порядкомъ.

Затѣмъ Его Императорское Величество возвратился въ Георгіевскую залу и присутствовалъ при отнесеніи знаменъ, послѣ чего взводы георгіевскихъ кавалеровъ были направлены Государемъ Императоромъ черезъ залы, гдѣ были расположены взводы депутацій, которыя при этомъ отдавали честь проходившимъ кавалерамъ.

Засимъ Его Величество изволилъ осчастливить Своимъ присутствіемъ обѣдъ, устроенный въ нижнихъ корридорахъ Зимняго дворца для нижнихъ чиновъ, имѣющихъ знаки отличія военнаго ордена.

Въ 8 часовъ вечера былъ данъ въ Большомъ театрѣ парадный спектакль. При проявленіи въ ложѣ Августѣйшаго Семейства, Ихъ Величества были встрѣчены единодушнымъ „ура“, послѣ котораго оркестръ исполнилъ народный гимнъ.

Во время антракта, Ихъ Величества съ членами Августѣйшей фамиліи изволили кушать чай въ особо устроенной гостиной, куда были приглашены нѣкоторые члены дипломатическаго корпуса. Кромѣ того, для присутствовавшихъ на спектаклѣ былъ приготовленъ въ залахъ театра буфетъ съ чаемъ и дессертомъ.

По окончаніи спектакля, состоявшаго изъ двухъ-актной оперы „Дочь Полка“, въ которой принимали участіе г-жа Аделина Патти и г. Кальцолари, и изъ 4-го дѣйствія балета „Лилія“,—

восторженное „ура" сопровождало выходъ Ихъ Величествъ изъ театра. Громадная масса народа, ожидавшая отъѣзда Государя Императора изъ театра, встрѣтила Его Величество тѣмъ же задушевнымъ, русскимъ привѣтомъ,—„ура", гремѣвшимъ по всѣмъ улицамъ, по которымъ изволили проѣзжать Ихъ Величества.

Большой театръ и весь путь до Зимняго дворца и всѣ главныя зданія на Адмиралтейской и Дворцовой площадяхъ были блистательно иллюминованы: среди изображеній орденскихъ знаковъ ясно горѣли вензеля Ихъ Величествъ.

И такъ парадъ въ честь кавалеровъ ордена св. Георгія, вышелъ вполнѣ торжественнымъ, несмотря на неблагопріятную, пасмурную и сырую погоду. Проходя по площади Адмиралтейства къ монументу Александра Благословеннаго, полки отдавали честь этимъ кавалерамъ. Всѣмъ парадомъ командовалъ Его Высочество главнокомандующій войсками петербургскаго военнаго округа. Великій Князь Владиміръ Александровичъ командовалъ лейбъ-гвардіи преображенскимъ полкомъ.

На товарищескомъ обѣдѣ, происходившемъ, 25-го ноября, въ залахъ николаевской инженерной академіи, однимъ изъ бывшихъ воспитанниковъ инженернаго училища, генераломъ Довелемъ, было сказано слово сотоварищамъ по воспитанію и службѣ.

27-го ноября, въ николаевской инженерной академіи былъ данъ балъ, заключившій собою рядъ торжествъ, бывшихъ по случаю пятидесятилѣтія академіи. Въѣздъ и внутренность двора инженернаго замка были великолѣпно иллюминованы. Надъ въѣздными воротами горѣлъ великолѣпный вензель Государя. Танцовальная зала была роскошно убрана цвѣтами, декорировавшими піедесталы портретовъ державныхъ особъ. На обоихъ концахъ залы возвышались изображенія императоровъ Александра I и Николая I, писанныя во весь ростъ. Подъ портретомъ Александра Благословеннаго большими буквами были написаны 1819 и 1855 годы, а подъ самымъ портретомъ слѣва необыкновенно свѣтлая лампа, на право же—электрическое освѣщеніе, которымъ освѣщался портретъ императора Николая, стоявшій на противоположномъ концѣ залы посрединѣ, справа отъ этого портрета стоялъ портретъ нынѣ царствующаго Государя, а напротивъ сего послѣдняго — поясной портретъ Наслѣдника Цесаревича. Далѣе, по сторонамъ, помѣ-

дались портреты Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей. Все это было искусно декорировано цвѣтами и огнями. Рядомъ съ большою танцовальною залою была другая, по меньше, и кромѣ того, три залы съ буфетами, изъ которыхъ двѣ были общія, а третья рядомъ съ роскошною дамскою уборною исключительно для дамъ. Столы буфетовъ ломились подъ тяжестію фруктовъ, конфектъ и напитковъ. Августѣйшій хозяинъ Великій Князь Николай Николаевичъ старшій, пріѣхалъ первый, и привезъ вѣсть, что Государь Императоръ осчастливитъ балъ Своимъ присутствіемъ. Хозяйками бала были: супруга генералъ-адъютанта Тотлебена и супруга начальника училища генералъ-маіора Тидебель. Его Высочество встрѣчалъ самъ августѣйшихъ гостей и представлялъ имъ хозяекъ. Прежде всѣхъ пожаловалъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, за нимъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ и, вслѣдъ за ними, Великіе Князья Владиміръ и Алексій Александровичи, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. Наконецъ, все притихло; инженеры побѣжали внизъ, и все бросилось встрѣчать Государя. Государь Императоръ, въ мундирѣ гвардейскаго саперного баталіона, вошелъ, сопровождаемый принцемъ Альбертомъ прусскимъ. Его Императорское Величество направился въ танцовальную залу, милостиво обращался ко многимъ съ ласковыми словами, прошелся по обѣимъ заламъ и остался до 12-ти часовъ. Танцы продолжались до 3 часовъ. Костюмы дамъ были ослѣпительны. Мазурку танцовали въ 70 паръ. Въ особой залѣ были выставлены рельефные планы Севастополя, кіевскихъ укрѣпленій и многихъ другихъ инженерныхъ сооруженій. Въ эту залу дамы ходили отдыхать и подышать свѣжимъ воздухомъ, такъ какъ въ танцовальныхъ залахъ становилось душно. Весь праздникъ носилъ самый теплый, простой и задушевный характеръ.

28-го и 29-го ноября, происходило представленіе особъ первыхъ четырехъ классовъ французскому послу, генералу Флери.

30-го ноября, произведенъ въ михайловскомъ манежѣ, въ Высочайшемъ Государя Императора присутствіи, въ часъ по полудни, разводъ съ церемоніею первому батальйону лейбъ-гвардіи преображенскаго полка.

Въ газетныхъ описаніяхъ перваго дня празднованія столѣтняго юбилея св. великомученика и побѣдоносца Георгія, 26-го ноября, сообщили нашимъ читателямъ, что Его Величество Государь Императоръ изволилъ избрать этотъ великій день для препровожденія знаковъ ордена св. Георгія 1-й степени Его Величеству королю Прусскому Вильгельму I.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величеству Государю Императору угодно было, въ тотъ же многознаменательный для нашей арміи день, препроводить Его Величеству Королю Прусскому телеграмму переводъ которой помѣщается здѣсь.

Переводъ съ телеграммы Государя Императора къ Его Величеству Королю Прусскому, 26-го ноября 1869 г.

Сердечно благодарю Васъ за дружеское Ваше письмо, переданное Мнѣ принцемъ Альбертомъ. Готовясь къ нашему военному торжеству, прошу Васъ, отъ имени всѣхъ кавалеровъ ордена св. Георгія, принять первую степень этого ордена, который Вамъ принадлежитъ по праву, и который Мы съ гордостью увидимъ на Вашей груди. Примите это какъ новое доказательство соединяющей Насъ дружбы, основанной на воспоминаніи о той великой эпохѣ, всегда для Насъ памятной, когда соединенныя Наши арміи сражались за общую для Насъ святую цѣль. При семъ я позволилъ Себѣ наградить тѣмъ же орденомъ четвертой степени Вашего флигель-адъютанта Вердера.

„*АЛЕКСАНДРЪ*."

На телеграмму эту получена была отъ Его Величества Короля Прусскаго отвѣтная телеграмма слѣдующаго содержанія:

Переводъ съ отвѣтной телеграммы Его Величества Короля Прусскаго Государю Императору, 26-го ноября 1869 г.

Глубоко тронутый, со слезами на глазахъ, благодарю Васъ за оказанную Мнѣ честь, которой Я не могъ ожидать. Но еще болѣе радуютъ Меня тѣ выраженія, въ которыхъ Вы извѣстили Меня. Дѣйствительно, Я вижу въ этихъ выраженіяхъ новое доказательство Вашей дружбы и памяти о великой эпохѣ, когда Наши соединенныя арміи сражались для одной святой цѣли. Во имя этой дружбы и эпохи воспоминаній беру на Себя смѣлость просить Васъ принять Мой орденъ „pour le mérite." Моя армія будетъ гор-

дinnesя—видя Васъ кавалеромъ этого ордена. Да сохранитъ Васъ Господь.

„Вильгельмъ."

На канунѣ предстоявшаго торжества ордена св. Георгія, 25-го ноября, Его Величество Государь Императоръ изволилъ получить отъ Его Величества Императора Австрійскаго телеграмму слѣдующаго содержанія:

Переводъ телеграммы Его Величества Императора Австрійскаго къ Государю Императору, 25-го ноября 1869 г.

Только по возвращеніи Моемъ въ Вѣну, Я получилъ извѣщеніе о предстоящемъ торжествѣ въ честь ордена св. Георгія; а потому, не имѣя возможности участвовать въ немъ такъ, какъ желалъ бы, хочу, покрайней мѣрѣ, заявить по этому случаю Мое живое сочувствіе и выразить, что Я сердечно раздѣляю тѣ чувства, которыя день этотъ долженъ пробуждать въ средѣ доблестной русской арміи. Я мысленно буду находиться среди кавалеровъ, украшенныхъ этимъ орденомъ, который Я всегда считаю за честь носить, и который служитъ Мнѣ драгоцѣннымъ воспоминаніемъ дружбы.

„Францъ-Іосифъ."

На эту телеграмму въ день торжественнаго праздника, 26-го ноября, Государь Императоръ изволилъ отвѣтить телеграммой слѣдующаго содержанія:

Переводъ съ отвѣтной телеграммы Государя Императора къ Его Величеству Императору Австрійскому 26-го ноября 1869 г.

Именемъ всѣхъ кавалеромъ ордена св. Георгія приношу Вамъ Мое поздравленіе съ днемъ столѣтней годовщины учрежденія этого ордена. Выраженія Вашей любезной телеграммы Меня глубоко тронули, также какъ и воспоминанія о незабвенной эпохѣ, со времени которой Нашъ военный орденъ имѣетъ честь считать Васъ въ числѣ своихъ кавалеровъ.

„АЛЕКСАНДРЪ."

Въ „Русск. Инвал." напечатаны подробности парада, бывшаго 27-го ноября, во второй день празднованія столѣтняго юбилея ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія. Парадъ этотъ, какъ пишетъ газета, происходилъ, въ Высочайшемъ присутствіи, всѣмъ войскамъ, въ С.-Петербургѣ и окрестностяхъ располож-

нія, съ торжественнымъ выносомъ георгіевскихъ знаменъ и штандартовъ изъ Зимняго дворца въ войскамъ. На парадѣ участвовало $46\frac{1}{2}$ баталіоновъ пѣхоты, $34\frac{1}{2}$ эскадрона кавалеріи и 92 орудія артиллеріи. Войска были построены: *пѣхота* — въ двѣ линіи на дворцовой и адмиралтейской площадяхъ фронтомъ къ адмиралтейству, правымъ флангомъ къ зданію штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа по-баталіонно въ двухъ взводныхъ колоннахъ справа; *кавалерія*—на Петровской площади въ полковыхъ эскадронныхъ колоннахъ справа; *артиллерія*—частію развернутымъ фронтомъ, а частію во взводныхъ колоннахъ была выстроена на лѣвомъ флангѣ обѣихъ линій пѣхоты по Вознесенскому проспекту и на площади противъ дворца Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны. Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ командовать всею пѣхотою, а Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ—л.-гв. преображенскимъ полкомъ. Къ $11\frac{1}{2}$ часамъ съѣхались въ Зимній дворецъ придворные чины и кавалеры, всѣ не находящіеся въ строю генералъ-адъютанты, свиты Его Величества генералъ-маіоры и флигель-адъютанты, а также кавалеры ордена св. Георгія, лица, имѣющія золотое оружіе, и военные и гражданскіе классные чины, имѣющіе знакъ отличія военнаго ордена. Георгіевскія знамена и штандарты были внесены въ портретную галлерею еще ранѣе и поставлены тамъ въ одну линію. Вправо отъ выхода изъ георгіевской залы (гдѣ были собраны находившіеся во дворцѣ георгіевскіе кавалеры и лица, имѣющія золотое оружіе); при знаменахъ находился взводъ георгіевскихъ кавалеровъ роты дворцовыхъ гренадеръ. На пути, по которому должны были слѣдовать знамена и штандарты, были расположены шпалерою: отъ дверей портретной галлереи и гербовой залы до малой аванзалы — дворцовые гренадеры, а отъ дверей малой аванзалы по большой лѣсницѣ и нижнему корридору до посольскаго подъѣзда — гг. офицеры и нижніе чины, назначенные для сего изъ резервныхъ эскадроновъ гвардейской кавалеріи и изъ депутацій варшавскаго гвардейскаго отряда и л.-гв. финскаго стрѣлковаго баталіона. По прибытіи Государя Императора въ портретную галерею послѣдовалъ выносъ знаменъ и штандартовъ чрезъ гербовую, петровскую и фельдмаршальскую залы, малый аванъ-залъ, по посольской лѣстницѣ, чрезъ большой дворъ двор-

ца и среднія ворота на александровскую площадь въ томъ порядкѣ, какой указанъ въ церемоніалѣ, именно: за Государемъ Императоромъ слѣдовали тѣ лица свиты Его Величества, которыя имѣютъ знаки отличія военнаго ордена, за ними георгіевскія знамена и штандарты, потомъ взводъ отъ роты дворцевыхъ гренадеръ изъ георгіевскихъ кавалеровъ и, наконецъ, неучаствовавшіе въ парадѣ кавалеры ордена св. Георгія, лица, имѣющія золотое оружіе и класные чины, имѣющіе знакъ отличія военнаго ордена. При прохожденіи процессіи по заламъ дворца, ей отдавали честь офицеры и нижніе чины, составлявшіе шпалеру; по появленіи же ея въ главныхъ воротахъ дворца, по общей командѣ Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, ей была отдана честь всѣми войсками одновременно. Георгіевскія знамена войскъ, находившихся въ строю, были отнесены къ своимъ частямъ; георгіевскія знамена войскъ, въ парадѣ неучаствовавшихъ, пристроились ко взводу георгіевскихъ кавалеровъ роты дворцовыхъ гренадеръ, который сталъ лѣвѣе монумента Императора Александра I, фронтомъ ко дворцу, участвовавшіе въ шествіи кавалеры ордена св. Георгія стали по другую сторону монумента. Вслѣдъ затѣмъ Государь Императоръ изволилъ произвести объѣздъ всѣхъ войскъ, бывшихъ въ строю. Стройная масса войскъ, занимавшихъ огромное пространство нѣсколькихъ соединенныхъ площадей, народъ, покрывавшій смежныя улицы и адмиралтейскій бульваръ, неумолкаемые крики „ура", сопровождавшіе Государя Императора, торжественные звуки музыки,—все это вмѣстѣ представляло картину по истинѣ величественную. По объѣздѣ войскъ Его Императорское Величество всталъ въ главѣ парада, отдалъ честь георгіевскимъ знаменамъ и, остановившись у александровской колонны, изволилъ пропустить войска церемоніальнымъ маршемъ. Послѣ прохожденія церемоніальнымъ маршемъ мимо Государя Императора, всѣ находившіеся въ строю генералы, штабъ и оберъ-офицеры, кавалеры ордена св. Георгія и имѣющіе знаки отличія военнаго ордена или золотое оружіе, собрались у Александровской колонны и встали вмѣстѣ съ кавалерами въ строю не участвовавшими. По окончаніи парада всѣ присутствовавшіе здѣсь кавалеры ордена св. Георгія были приглашены къ Высочайшему завтраку въ Зимнемъ дворцѣ. Во время завтрака первый тостъ изволилъ провозгласить Его Им-

ператорское Величество — за здравіе Георгіевскихъ кавалеровъ; вслѣдъ за этимъ тостомъ, старшій изъ присутствовавшихъ кавалеровъ, Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора.— Невозможно описать тотъ восторгъ, то выраженіе глубокаго чувства и радости, съ которыми былъ принятъ этотъ тостъ: дружное, сердечное русское „ура," переливаясь по залѣ, оглашало стѣны Зимняго дворца. Затѣмъ Его Величество провозгласилъ тостъ за здоровье Его Величества Короля Прусскаго—кавалера ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія 1-й степени. На этотъ тостъ Его Высочество Принцъ Альбертъ Прусскій отвѣчалъ тостомъ за здоровье гроссмейстера ордена—Его Императорскаго Величества Государя Императора,—новое восторженное, радостное „ура" сопровождало предложенный его высочествомъ тостъ. День настоящаго празднества,—27-го ноября,—совпадалъ съ днемъ полковаго праздника славнаго нижегородскаго полка, боевая служба котораго, украшенная длиннымъ рядомъ подвиговъ мужества и доблести въ лѣтописяхъ Кавказа, составляетъ блистательныя страницы и въ вѣковой исторіи ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія. Государь Императоръ, обращаясь къ лицамъ, носящимъ мундиръ нижегородскаго полка, изволилъ припомнить его доблести и провозгласилъ тостъ за здоровье храбраго полка.

Въ той же газетѣ читаемъ:

„28-го ноября, въ 5½ часовъ пополудни, всѣ георгіевскіе кавалеры и лица, имѣющія золотое оружіе, собрались въ залахъ Зимняго дворца.

„Великолѣпныя залы царскихъ чертоговъ, убранныя съ истинно царскою роскошью и блестяще освѣщонныя, вмѣстили въ себѣ 1,050 человѣкъ гостей, приглашенныхъ къ царскому пиршеству.

„Въ георгіевской залѣ, въ военной галлереѣ и въ залѣ гербовой были размѣщены роскошно сервированные обѣденные столы, великолѣпно установленные массою изящнаго серебра и хрусталя и залитые ослѣпительнымъ блескомъ свѣта.

„Въ георгіевской залѣ были приготовлены обѣденные столы для Ихъ Величествъ, для Особъ Августѣйшей Фамиліи и для старшихъ кавалеровъ ордена св. Георгія; въ военной галлереѣ и въ гербовой залѣ помѣщались столы, предназначенные для осталь-

ныхъ лицъ, приглашенныхъ на торжественное пиршество доблестной георгіевской семьи.

„Въ георгіевской залѣ, противъ входа изъ военной галлереи, помѣщенъ великолѣпно исполненный во весь ростъ портретъ Императрицы Екатерины Великой; портретъ этотъ перенесенъ изъ эрмитажа въ георгіевскую залу, по повелѣнію Государя Императора. У подножія изображенія Императрицы, на особомъ пьедесталѣ, находились самые знаки ордена св. Георгія 1-й степени, которые впервые возложила на себя Августѣйшая учредительница ордена, ровно за 100 лѣтъ назадъ до настоящаго торжества. На хорахъ георгіевской залы были помѣщены музыканты лейбъ-гвардіи преображенскаго полка и придворные пѣвчіе; въ самой же залѣ стоялъ хоръ музыки кавалергардскаго полка. Въ Гербовой залѣ находились хоры музыки: лейбъ-гвардіи и измайловскаго полковъ и пѣвчіе лейбъ-гвардіи преображенскаго полка.

„Въ 6 часовъ и 10 минутъ, раздавшіеся въ залѣ торжественные звуки народнаго гимна возвѣстили о выходѣ Государя Императора. Его Величество, слѣдуя вмѣстѣ съ Государынею Императрицею чрезъ Гербовую залу и Военную галлерею, изволилъ вступить въ георгіевскую залу. По приближеніи къ столу, Его Величество изволилъ предоставить честь сопровождать Государыню Императрицу къ предназначенному для Нея мѣсту, Его Высочеству Прусскому Принцу Альберту, а Самъ изволилъ занять мѣсто за столомъ, лицомъ къ портрету Великой учредительницы ордена св. Георгія.

„Во время торжественнаго пиршества, поражавшаго своимъ великолѣпіемъ и роскошью обстановки, хоры музыки лейбъ-гвардіи преображенскаго и кавалергардскаго полковъ, въ числѣ прочихъ музыкальныхъ пьесъ народнаго и военнаго характера, исполнили, вслѣдъ за народнымъ гимномъ, старорусскую пѣсню „Слава,“ увертюру и „Славься“ изъ оперы „Жизнь за Царя,“ торжественную пѣсню временъ екатерининскихъ: „Громъ побѣды раздавайся“ и марши: общій армейскій, измаильскій, бородинскій, кульмскій, парижскій, кавказскій и герзель-аульскій.

„Въ концѣ обѣда, Его Величество, поднявъ заздравный бокалъ, провозгласилъ тостъ за здоровье георгіевскихъ кавалеровъ, при чемъ въ краткой рѣчи изволилъ выразить, что Онъ повторяетъ Свое спасибо за молодецкую ихъ службу и увѣренъ, что

они и будущія поколѣнія нашихъ воиновъ, когда представится къ тому случай, ознаменуютъ себя новыми доблестными подвигами на славу Россіи!

Высокомилостивыя слова Государя Императора вызвали единодушное „ура," которое долго гремѣло, при звукахъ „Преображенскаго марша," сопровождаемое длиннымъ рядомъ выстрѣловъ со стѣнъ Петропавловской крѣпости.

„Вслѣдъ затѣмъ, Его Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ отъ имени всѣхъ георгіевскихъ кавалеровъ провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора. Громогласное „ура," послѣдовавшее за этимъ драгоцѣннымъ для всей Россіи тостомъ, казалось откликомъ не только присутствовавшихъ, но всей русской арміи, всего русскаго народа; звуки народнаго гимна, сопровождавшіе это задушевное выраженіе любви и преданности Монарху, были заглушены восторжественными криками, покрывавшими звуки хоровъ военной музыки, и, лишь когда смолкъ задушевный отзывъ на сердечный тостъ, мелодическіе мотивы народнаго гимна, какъ молитва всего народа за своего Царя-Освободителя, достойне заключили этотъ восторженный взрывъ чувства храбрѣйшихъ представителей нашей доблестной арміи.

„По окончаніи торжественнаго пиршества, Ихъ Величества изволили направиться въ бѣлую залу. Здѣсь Государю Императору угодно было вызвать кавалеровъ ордена св. Георгія старшихъ степеней и представить ихъ Государынѣ Императрицѣ, изволившей подробно разспрашивать о службѣ лицъ, осчастливленныхъ столь милостивымъ вниманіемъ.

„Затѣмъ, Ихъ Величества изволили удалиться во внутренніе покои, сопровождаемые криками „ура."

Съ высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, открыта въ управленіяхъ военнаго министерства и штабахъ военныхъ округовъ подписка въ пользу раненныхъ нижнихъ чиновъ, имѣющихъ знакъ отличія военнаго ордена. Собранныя по подпискѣ деньги будутъ предоставлены въ распоряженіе георгіевской думы, которая, по своему усмотрѣнію, употребитъ эту сумму на призрѣніе раненыхъ кавалеровъ, на пособіе ихъ семействамъ, на воспитаніе ихъ сиротъ, вообще на удовлетвореніе нуждамъ нижнихъ чиновъ.

(Спб. Пч.)

По поводу памятника Богдану Хмельницкому.

Недавно, со словъ столичныхъ газетъ, мы передали нашимъ читателямъ описаніе памятника Хмельницкому, составленнаго художникомъ Микѣшинымъ. Памятникъ предположено поставить въ Кіевѣ, на площади, переименованной въ честь великаго вождя украинскаго народа. Это—первое торжественное признаніе заслугъ общественнаго дѣятеля Украины.. Замѣчательно, что еще 20 лѣтъ тому назадъ, слово „Украйна" не существовало въ русскомъ лексиконѣ и лучшіе сыны ея не проникали въ печать. Не смотря на то, что съ момента возстанія Хмельницкаго начинается поворотная точка въ исторіи государственнаго объединенія Россіи, еще недавно учащаяся молодежь наставлялась къ тому, чтобы видѣть въ быстромъ возрастаніи политическаго могущества Россіи со временъ Алексія Михайловича—своего рода deus ex machina. Между тѣмъ, именно изъ ближайшаго знакомства съ исторіею южной Россіи, она могла вынести твердое убѣжденіе въ существованіи той могущественной, неразрывной связи, которая, во имя племеннаго сродства, соединила въ одно органическое цѣлое семидесятимилліонное населеніе Россіи.

Не смотря на то, что обстоятельства временно разъединили было сѣверную и южную Русь, ихъ всегда соединяла православная вѣра, вполнѣ удовлетворявшая демократическому характеру ихъ политическаго роста. Община, получившая широкое развитіе на югѣ Россіи — вслѣдствіе постоянныхъ пограничныхъ усобицъ, породила изъ себя явленіе, не виданное въ западной Европѣ, именно козачество; но та-же община, при другихъ обстоятельствахъ, не уничтожая сама себя, признала надъ собою единоличную власть владѣтельнаго князя на сѣверѣ. „Согришыть князь—урижъ ему шію; согрішыть козакъ—и ему тежъ учиныты: ото буде правда," говорилъ Хмельницкій польскимъ посламъ въ Переяславѣ, и въ этихъ немногихъ словахъ выразилъ всю историческую жизнь Украины. Но то, чего недоставало Украйнѣ, изъ-за чего она вытерпѣла кровавыя испытанія въ XVI и XVII столѣтіяхъ, подъ польскимъ господствомъ, именно: голоса верховнаго судіи, который-бы произносилъ судъ и расправу, каралъ нарушителей общественнаго порядка и миловалъ достойныхъ милости,—то само собою развилось на сѣ-

верѣ Россія въ лицѣ велико-княжеской власти. Этой власти, умиротворяющей и вносящей всюду порядокъ — долго не было на Украинѣ. Аристократическая Польша, принявшая и аристократическую религію, въ видѣ католицизма, открыто признающаго іерархію властей, іерархію обязанностей, даже іерархію грѣховъ и добродѣтелей, не приходилась понутру малорусскому народу, который не признавалъ никакой іерархіи и который готовъ былъ съ нею бороться до послѣдней капли крови. Въ моменты самыхъ блестящихъ побѣдъ, самаго крайняго истощенія рѣчи посполитой, никогда козачество, съ Хмельницкимъ во главѣ, не отказывалось отъ признанія королевской власти, но ожесточенно отказывалось признавать власть различныхъ дуковъ и князей, „королевенятъ," какъ характерно называли ихъ въ свое время козаки. Между тѣмъ именно на подчиненіе власти этихъ-то „королевенятъ" и обрекла ихъ исторія, въ лицѣ олигархіи рѣчи посполитой, на очень продолжительное время. Въ результатѣ оказался длинный рядъ кровавыхъ протестовъ, которые съ особенною силою поднялись во время уніи, достигли крайняго ожесточенія послѣ смерти Сагайдачнаго, и, наконецъ, разрѣшились присягою Хмельницкаго на подданство русскому царю. Какъ важно было это послѣднее событіе и вмѣстѣ какъ сознательно шелъ на него великій избранникъ Украины, это ясно видно изъ его словъ, сказанныхъ имъ плѣннымъ полякамъ въ Чигиринѣ, среди приготовленій къ выѣзду въ Переяславль для присяги:

„Теперь, господа поляки, мнѣ кажется, что мы уже на вѣкъ разлучаемся, такъ что вы не будете наши, а мы ваши; *этой потери вы себѣ никогда не можете вознаградить*, да и мы никогда уже не покажемъ склонности къ вознагражденію. Не наша вина, а ваша, а потому жалуйтесь на самихъ себя за то, что вы добровольно, по вашему неблагоразумію и легкомыслію, потеряли."

Такимъ образомъ, государственный бытъ Польши былъ единственною причиною, по которой она не могла удержать за собою Украйну и которая вынудила послѣднюю прибѣгнуть подъ покровительство православнаго христіанскаго царя восточнаго, „одного, какъ говорилъ Хмельницкій съ нами греческаго благочестія, одного исповѣданія; мы съ православіемъ великой Руси едино тѣло церкви, имѣющее главою Іисуса Христа."

Но заслуга Хмельницкаго не только въ томъ, что онъ способ-

ствовалъ соединенію двухъ разъединенныхъ обстоятельствами отраслей русскаго народа; его заслуга еще и въ томъ, что онъ указалъ границы, въ которыхъ должно произойти это соединеніе. До сихъ поръ еще идетъ странный споръ о томъ, гдѣ граница малорусскаго племени, гдѣ та черта, въ предѣлахъ которой развивались славянскія племена, указанныя преподобнымъ Несторомъ. Хмельницкій, еще за 200 лѣтъ тому назадъ, рѣшилъ этотъ вопросъ на основаніи собственнаго опыта: „поможетъ мнѣ вся чернь по Люблинъ и по Краковъ, говорилъ онъ польскимъ комиссарамъ. За-границу войною не пойду; на турокъ и татаръ сабли не подниму; будетъ съ меня Украйны, Подоліи, Волыни; довольно достатку въ княжествѣ нашемъ *по Холмъ, по Львовъ и Галичъ.*" Такъ понималъ свои границы народъ, не знавшій лжеученій и лжемудрствованій польскихъ патріотовъ, образчикомъ которыхъ служатъ господа, въ родѣ пана Духинскаго.

Въ первыя минуты возстанія, Хмельницкій не помышлялъ объ осуществленіи широкой программы полнаго объединенія Украины съ великимъ княжествомъ Московскимъ,—но, вступивъ однажды на путь, по которому увлекли его народныя симпатіи, онъ ужъ не видѣлъ за собою возможности отступленія. Съ одной стороны стояли „невѣрные" турки и татары; съ другой—польская олигархія, не поступавшаяся ни малѣйшею частью своихъ правъ въ пользу государственной крѣпости рѣчи; съ третьей—единовѣрный и единоплеменный русскій народъ. Выборъ былъ не труденъ: „волимъ на подданство русскому царю", единодушно кричалъ народъ въ Переяславлѣ. И этой воли не поколебали самыя тяжелыя испытанія, которыя выпали на долю Украины, послѣ торжественной присяги 1654 года. Личное честолюбіе, выразившееся стремленіемъ къ военному деспотизму, успѣвало на время подавлять народныя симпатіи и совращать народъ на ложные пути: свободный голосъ рады былъ насильственно подорванъ; но и въ самыя трудныя минуты, когда честолюбивый и даровитый Петръ Дорошенко измышлялъ всѣ средства къ отторженію Украины отъ сѣверной Россіи, готовый отдаться въ подданство Турціи, Польши, кому угодно, лишь-бы не московской Руси,—въ глубинѣ Украины, въ демократической Сѣчи, служившей всегда смѣлымъ и неуклоннымъ представителемъ народныхъ стремленій и симпатій, отважный Иванъ Сѣрко съ достоинствомъ и силою отстаивалъ права единовѣрнаго русскаго царя.

Сѣчь парализировала всѣ измѣнническія поползновенія украинскихъ гетмановъ, склонявшихся, изъ видовъ честолюбія, на сторону Польши. Шляхетскія привиллегіи, господство внутри и полузависимость извнѣ—увлекали представителей козачества, получившихъ въ руки свои власть надъ Украиною; но за то самая Украина, можно сказать, временно переселилась въ Сѣчь, и оттуда повела неустанную борьбу съ элементами, которые были рѣшительно подорваны еще первымъ всенароднымъ протестомъ Хмельницкаго. Послѣ Хмельницкаго, эти враждебные элементы могли еще существовать въ видѣ болѣзненнаго нароста, — но смерть ихъ была ужъ рѣшена общею присягою Украины въ 1654 году. Въ такомъ именно смыслѣ дѣйствовала Сѣчь во всю эпоху междоусобицъ, ознаменовавшихъ вторую половину XVII столѣтія: она постоянно тяготѣла къ сѣверу и отстояла дѣло полнаго объединенія Россіи.

Такимъ образомъ Хмельницкій былъ полнѣйшимъ выраженіемъ малорусской идеи и энергическимъ поборникомъ русскаго единства въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ обиталъ православно русскій народъ. Исполнивъ свою миссію, онъ перетянулъ на сторону Россіи преобладаніе на востокѣ и открылъ ей широкую дорогу развитія, въ качествѣ европейской державы. Такія заслуги слишкомъ достаточны для того, чтобы увѣковѣчить его имя.

(Одес. Вѣст.)

Нѣсколько свѣдѣній о домашнемъ бытѣ крестьянъ сѣверо-западныхъ губерній.

Крестьянскія избы состоятъ изъ одной жилой комнаты и сѣней, которыя перегораживаются обыкновенно загородкой для кладовой. Въ сѣнахъ ставится вода и нужныя домашнія орудія. Изба складывается изъ круглыхъ бревенъ и вяжется въ обыкновенные углы, въ квадратъ; пространствомъ бываетъ отъ 9—10 аршинъ; потолокъ строится изъ досокъ, составляющихъ кривую линію; въ нѣкоторыхъ избахъ крыша покрывается драницами, но большею частію соломою. Въ сѣняхъ и избѣ двери бываютъ изъ досокъ, часто на желѣзныхъ завѣсахъ и крючьяхъ, съ желѣзною скобкою и двумя пробоями. Въ серединѣ избы печь изъ кирпича и сбита изъ глины; въ углу варятъ кушанье (варивная) съ устроенною доскою, выдавшеюся впередъ и съ накрышкою, „капту-

решъ" (у нѣкоторыхъ хозяевъ этой роскоши не бываетъ). Во многихъ избахъ по большей части печки бываютъ съ трубами, но встрѣчается довольно много хозяевъ, которые говорятъ, что при трубахъ „будзе холодно." Оконъ въ хатѣ обыкновенно бываетъ 3 или 4, по 1/2 аршина и 3/4 аршина длины. Окна маленькія, черезъ нихъ сквозитъ часто вѣтеръ, стекла мелкія, изнутри засовываются деревянными заслонками. По серединѣ избы стоитъ столъ; по бокамъ около двухъ стѣнъ—двѣ лавки. При третьей стѣнѣ пристроивается доска, въ аршинъ отъ полу, шириною аршина въ полтора, называемая *поломъ*, въ концѣ котораго *запечекъ*, въ родѣ скамейки при печкѣ, гдѣ зимой сидятъ и спятъ. Надъ этимъ поломъ устроиваютъ другой выше, въ небольшомъ разстояніи отъ потолока—палати (палатки), гдѣ зимой спятъ и грѣются. Въ углу икона. Въ прежнія времена трудно было крестьянамъ пріобрѣтать православныя иконы; большею частію они покупали на ярмаркахъ (кермашахъ), или отъ проѣзжающихъ торгашей римско-католическіе образки. Но въ настоящее время очень часто видишь въ хатѣ образа въ православномъ стилѣ. Много помогаетъ въ этомъ устройство при дирекціяхъ народныхъ училищъ продажныхъ складовъ. Кромѣ того, стоитъ одна или другая кровать, на которыхъ сѣнникъ и подушки набиты большею частію сѣномъ. Покрываются онѣ собственнаго издѣлія полотняными покрывалами, сотканными въ 4 нитки. Лѣтомъ кровать завѣшиваютъ пологомъ (услономъ) отъ комаровъ и мухъ. Кромѣ жилой избы есть *варивенекъ*, аршинъ 6—7 въ квадратѣ, съ печкою на вариво; тутъ сохраняются кислая капуста, бураки и т. п. Насупротивъ избы строятся *свирня*, амбарчики, изъ кругляковъ, связанныхъ въ углы. Въ иныхъ мѣстахъ покрываются драницами, а въ другихъ соломою. Дверцы у нихъ бываютъ изъ досокъ съ заваломъ. Полъ изъ досокъ. Этихъ амбарчиковъ или клѣтей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ строится столько, сколько семействъ живетъ въ избѣ или избахъ. Въ нихъ ставятъ деревянную посуду на хлѣбъ, и *кублы* съ одеждою, свиное сало, соленую говядину и т. п.

Кублами называются деревянные большіе цилиндры, съ ушками по бокамъ, сквозь которыя просовываютъ палку и на концѣ прицѣпливаютъ замокъ.

Скотный дворъ застроивается хлѣвами для помѣщенія скота.

Посуда состоитъ вообще изъ чугунныхъ горшковъ, ножей, вилокъ, глиняныхъ мисокъ и деревянныхъ ложекъ.

Одежду крестьяне носятъ простую. Лапти изъ лыка съ оборами; у достаточныхъ бываютъ и сапоги. Штаны лѣтомъ холстинные, зимой суконные. Рубашка также изъ холста, длинная, ниже колѣнъ; крестьяне носятъ ее по верхъ, подпоясываютъ ремнемъ, на которомъ виситъ огниво и ножикъ. Платье бываетъ праздничное и будничное. Въ праздники мужчины надѣваютъ, у кого есть, сапоги, къ рубашкѣ привязываютъ красную, узкую ленточку и надѣваютъ новую свитку. Сермяга, изъ самодѣльнаго толстаго сукна, имѣется съ усами или клиньями въ бокахъ—*клубаль*. У мужчинъ воротникъ узкій складной, а у женщинъ стоячій, съ синею, изъ суконныхъ шнурковъ, обшивкою. Зимою носятъ сѣрмяги, подобитыя овчинами. У женщинъ рубашки длиннѣе мужскихъ, на ногахъ лапти, или черевики, юбка изъ бѣлаго толстаго сукна, или черная суконная, и цвѣтной корсетъ — родъ затянутой кофточки. Поверху фартухъ изъ холста. На это надѣваютъ свитку, зимою—кожухъ. На голову дѣвушки повязываютъ бѣлую „хустку" (платокъ) съ концами, завязанными назадъ. Косу заплетаютъ. Женщины замужнія голову повязываютъ вмѣсто *хустки* наметкою бѣлаго, тонкаго холста и, завязавъ голову, концы выпускаютъ назадъ внизъ. Въ праздники дѣвушки въ косы вплетаютъ 2 или 3 цвѣтныя *остужки* (ленты), на голову надѣваютъ бѣлую или цвѣтную хустку, новый корсетъ цвѣтной, бѣлую или цвѣтную юбку, бѣлый фартухъ. На шеѣ носятъ *пацiорки* (бусы) и ленты. Лѣтомъ ходятъ безъ свитки. На ногахъ черевики и чулки. Женщины одѣваются также но только на головѣ наметка, косы не распускаютъ и лентъ не вплетаютъ.

Дома за работой носятъ всѣ крестьяне короткую одежду; лѣтомъ одѣваются въ бѣлое дома.

Ежедневную *пищу* составляютъ ржаной хлѣбъ, часто, въ голодные годы, смѣшанный съ мякиною, борщъ изъ кислой капусты или изъ бураковъ, рѣдко-когда съ мясомъ или саломъ, холодникъ, крупникъ, затирка, кашица, горохъ, бобы, картофель съ солью, грибы, молоко.

Въ скоромные дни, кто побогаче, приправляютъ пищу саломъ, а въ постные конопляннымъ молокомъ. Въ праздники варятъ или жарятъ поросятъ, свинину, курицъ, гусей, дѣлаютъ яичницу, или на молокѣ или салѣ *грибокъ* (рус. драчена). Бываетъ рыба, раки; купленного мясо рѣдко употребляютъ. Варятъ кашу

и блины. Вообще сѣверо-западные крестьяне употребляютъ обыкновенно очень бѣдную пищу; развѣ только въ большіе праздники, или въ другіе торжественные для нихъ случаи.

Земледѣльческія орудія состоятъ изъ ножа, топора, сохи и бороны, „воза" (телѣги), саней. Дышло сохи выбирается прямое изъ сосны, ели, а иногда изъ березы. Для этого годное дерево выкапывается съ корнями, лишніе корни отсѣкаются, а оставляютъ только два, которые образуютъ два, немного поднятые кверху, рога; отчего народъ и называетъ его *рогачомъ*. Приблизительная длина его, начиная отъ самыхъ роговъ, 3½ аршина. Около рогъ въ дышлѣ продалбливается долотомъ продолговатая наклонная дира, въ которую всаживается плаха или соха около 5 вершковъ ширины, на которую набиваются два желѣзныхъ или чугунныхъ сошника, „нарогъ." Одинъ рѣжетъ наклонно вглубь, другой съ правой стороны отваливаетъ глыбу.

Подъ плаху или соху подкладывается подсошникъ. Съ помощію этого подсошника плаха привязывается къ дышлу веревкою. На правый рогъ дышла вдѣлывается *мулица*, тонкая палка, которая другимъ загнутымъ своимъ концемъ прикрѣпляется въ просверленной на боку дышла дырочкѣ.

Для большей крѣпости, чтобы плаха не шаталась, веревка нѣсколько разъ перекручивается прямою палочкою, одинъ конецъ которой опирается о дышло въ томъ мѣстѣ, гдѣ мулица. На лѣвый конецъ или рогъ плахи прикрѣпляется чугунная или желѣзная палица, которая нижнимъ концемъ опирается въ нарогъ, а верхнимъ въ веревку. Лѣвая сторона палицы заостривается, чтобы лучше отрѣзывала глыбу, *скибу*, земли. Къ правому концу, или рогу плахи прикрѣпляется узкій деревянный *пришалокъ*, способствующій къ оборачиванію отрѣзанной палицею земли; верхнимъ концемъ своимъ онъ привязывается къ верхнему же концу подсошника.

Ярмо обыкновенно употребляется на пару воловъ. Принадлежности ярма слѣдующія: *Ига*—длиною около 3 арш.; по обоимъ концамъ иги дырочки, въ которыя вбиваются вогнутыя дужки снизу, *кужабаки*, сдѣланныя изъ искривленныхъ деревьевъ. Кужабаки всовываются въ игу, и имѣютъ также на своихъ концахъ дырочки, въ которыя свободно вковываются *занозки*. Иногда вмѣсто кужабакъ употребляютъ *лучки*, изогнутые дугообразно изъ ло-

лоденькаго дуба, и при этомъ для впряженія воловъ въ ярмо лучки напередъ кладутся имъ подъ шеи, а потомъ концами своими просовываются сквозь обѣ дырочки, высверленныя для этого по обоимъ концамъ иги, а для того, чтобы лучки эти держались, концы ихъ, на верхней сторонѣ иги, перевязываются веревочками. Это неудобно потому, что для впряженія воловъ въ ярмо, нужно лучки всякій разъ вынимать изъ иги. Дышло, *дышель*, сохи привязываютъ къ срединѣ сохи призомою, сдѣланной изъ пеньковой веревки, или изъ крученнаго молодаго дуба—*артай*. Впрягши такимъ образомъ воловъ въ соху, ее переваливаютъ бокомъ и кладутъ на *волоки*, на которыхъ волокутъ ее до того мѣста, гдѣ нужно пахать.

Волоки—это двѣ прямыя палки, каждая длиною въ $1\frac{1}{2}$ аршина. Онѣ связываются въ одномъ концѣ веревкою, на одну палку ставится рогачъ, а на другую плаха, и такимъ образомъ волы тянутъ соху по дорогѣ или полю до мѣста работы.

Борона употребляется одноконная. Въ ней находится 25 дубовыхъ зубьевъ, расположенныхъ въ 5 рядовъ, каждый по 5 зубьевъ.

Зубья эти спереди поменьше, а сзади повыше и шире. Зубья укрѣпляются между двумя деревянными прутьями, связанными съ помощію *скрутней* или *оборанокъ*, сдѣланныхъ изъ крученныхъ дубцовъ. На одну борону надо 15 прутьевъ и 50 скрутней или оборанокъ. Хотя такая борона легка и дешева, однакожъ она не такъ удобна для хорошаго обработыванія поля. Ежели земля хорошо не упрѣла, то она оставляетъ не раздернутыми, цѣлыми глыбы земли, что удобнѣе возможно бы сдѣлать желѣзными зубьями, которыя у крестьянъ не въ употребленіи.

Въ западной Россіи употребляется еще *плужокъ*, служащій единственно къ воздѣлыванію картофеля. Въ плужкѣ одинъ только сошникъ, и лѣтомъ, пока картофель разцвѣтетъ, онъ нѣсколько разъ *плугуется*, или обгоняется въ длину и поперегъ. Этимъ очищаются негодныя травы, разрыхляется земля, уменьшается трудъ, потому что не нужно полоть, и картофель растетъ лучше. Когда въ первый разъ прогоняютъ борозды подъ садку картофеля, если земля неслишкомъ рыхла, то въ плужокъ впрягаютъ пару лошадей, а послѣ уже достаточно и одной лошади.

Впрочемъ, плужокъ употребляется не вездѣ; а гдѣ садятъ картофель подъ-соху въ гряды, тамъ онъ не нуженъ.

Возъ (простая телѣга) на четырехъ колесахъ, оси деревянныя, колеса также деревянныя, въ настоящее время у нѣкоторыхъ крестьянъ оковыванныя. Передъ воза ниже зада, устройство дешевое и простое, но въ обдѣлкѣ нѣтъ того удобства, какое въ русскихъ телѣгахъ.

Сани изъ двухъ полозьевъ съ кривыми головками, или загнутыя изъ простого дерева, также устройства самаго бѣднаго и простого.

Оглобли и *дуга* безъ всякаго украшенія, сдѣланы изъ согнутой черемухи, или березы.

Косы употребляются повсюду короче, напримѣръ, волынскихъ или употребляемыхъ на Жмуди.

Грабли, *вилы*, *серпъ*, *цѣпъ*, *топоръ*, *скобля*, *стругъ*, *свидеръ* (чѣмъ сверлятъ), *свидерокъ*, *долото*, *ножницы* для стрижки овецъ, *сѣкачъ* для варива, *рыдлевка* (желѣзная лопатка), *терлица* для льну, *ступа*, *жорна* (ручной жерновъ), *ведра*, *крыжки*, *начулки* (маленькія корытца), *цебры* (ушаты), *кросна* (на чемъ ткутъ), *прасница* для пряденія и *веревки*—вотъ всѣ почти главныя орудія хозяйскаго быта западныхъ крестьянъ.

Такъ какъ въ сѣверо-западной Россіи вся торговля заключается въ рукахъ евреевъ, то крестьянамъ остается только небольшая часть въ свозѣ въ ближайшій городъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ, дровъ и т. п. Главное ихъ занятіе состоитъ въ хлѣбопашествѣ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ крестьяне заработываютъ деньги на подати, деготь, соль, желѣзо, на земледѣльческія орудія трудами на сплавочныхъ рѣкахъ Днѣпрѣ, Нѣманѣ, Бугѣ и другихъ. Они или ходятъ на *вицины* (барки), или сплавляютъ лѣсъ. Нѣкоторые занимаются гонкою смолы, дегтя, плетеніемъ лаптей, шитьемъ сапогъ (Брестъ-Литовскій). Другіе занимаются кузнечествомъ, слесарствомъ, столярничествомъ (Орша), и т. п.

Крестьяне, по природнымъ способностямъ, способны ко всему благородному, но, при небольшомъ еще развитіи нравственныхъ и умственныхъ силъ, мало пока выражаютъ эти благородныя стремленія. Умственныя способности большей части крестьянъ обращаются часто въ угоду своихъ страстей: въ хитрость и покрытіе своихъ мелкихъ проступковъ. Сѣверо-западный крестьянинъ довольно хитеръ, недовѣрчивъ, способенъ на мелкое воровство; за обиду готовъ отомстить обидою или дракою. Нравственный элементъ

выражается въ пословицахъ, составляющихъ, какъ и для всякаго простого народа, кодексъ ихъ нравственности, въ родѣ такихъ: „Люби жану, якъ душу, но траси якъ грушу." „Не купіу бацько шапки,—нехай уши мерзнуть." Не бици кума,—не пици пива." У крестьянъ хитрость составляетъ умъ; они не скажутъ—такой-то умный, но *хиціоръ*. О другомъ рѣдко скажутъ что-нибудь худое, но зато, когда поссорятся между собою, тогда уже раскроютъ всю подноготную.

При всѣхъ этихъ недостаткахъ они имѣютъ очень много и благородныхъ задатковъ. Сѣверо-западный крестьянинъ гостепріимен и очень религіозенъ. Часто жертвуетъ своею жизнію для спасенія погибающаго. Мужъ любитъ свою жену, дѣтей; жена отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Вообще въ сѣверо-западномъ крестьянинѣ много найдется хорошихъ сторонъ, и эти достойныя качества все болѣе и болѣе развиваются. Много помогаютъ этому народныя школы. Съ распространеніемъ грамотности, значительно улучшилась самая нравственность народа: уменьшилось пьянство, начали прекращаться семейные раздоры и проистекавшіе оттуда безпрестанные дѣлежи имущества; трудолюбіе, честность, уваженіе къ закону, преданность Царю и отечеству, эти основныя начала общественной и гражданской жизни, въ настоящее время яснѣе понимаются и характернѣе выражаются въ средѣ простолюдиновъ. Многіе изъ крестьянъ, окончившихъ ученіе въ народныхъ школахъ, находясь уже на мѣстахъ хозяевъ или хозяйскихъ помощниковъ, а не рѣдко и на постахъ должностныхъ лицъ волости (старшинъ, сельскихъ старостъ и т. п.), весьма благотворно вліяютъ на народъ, убѣждая его въ пользѣ ученія и примѣромъ собственной своей жизни, рѣзко отличающейся отъ жизни неграмотныхъ крестьянъ, и приличнымъ наставленіемъ при частныхъ свиданіяхъ и на волостныхъ сходахъ. Предпочтеніе, оказываемое молодыми крестьянами грамотнымъ дѣвицамъ предъ неграмотными, при выборѣ себѣ невѣсты, также не безслѣдно проходитъ между женскимъ поломъ крестьянскихъ населеній, заставляя родителей, преимущественно же матерей, болѣе озаботиться объ обученіи своихъ дѣтей—дѣвочекъ и охотнѣе посылать ихъ въ училище. Богъ дастъ, это вліяніе народнаго образованія окажетъ еще болѣе успѣховъ, и тогда нашъ сѣверо-западный крестьянинъ раздаетъ свою

загадку: „маю душу, цѣло, а не магу хадзіци, маю много перьи, а не магу летаци“ (спящій человѣкъ).

М. Дмитріевъ.
(Вил. Вѣст.)

Славяне въ Австріи.

Въ Европѣ существуетъ особый родъ государствъ, которыя самодѣятельно не участвуютъ въ событіяхъ, которыя страшатся всякаго новаго оборота въ политикѣ, и которыя между тѣмъ всегда бываютъ центрами, около которыхъ вращается общеевропейская политика. Такого рода государства можно назвать «пассивными». Между ними на первомъ планѣ стоятъ Порта, Папская область и *Австрія.* Мы остановимся въ настоящей статьѣ на послѣднемъ государствѣ. Причины, побуждающія насъ остановиться на немъ слѣдующія. Во первыхъ, назначеніе новыхъ посланниковъ въ Вѣну и Петербургъ, и потомъ постоянно повторяющіеся въ иностранныхъ газетахъ слухи о состоявшемся будто бы *сближеніи между Австріею и Россіею.*

Что такое современная Австрія? Правда ли то, что она есть только географическое понятіе, и если это въ извѣстной степени справедливо, то нужно ли брать ее въ разсчетъ при избраніи того или другаго политическаго направленія? Можетъ ли Австрія при рѣшеніи, напримѣръ, восточнаго вопроса явиться активнымъ и рѣшающимъ членомъ европейскаго ареопага? Что въ Австріи тверже и сильнѣе— пробудившееся ли самосознаніе ея разнообразныхъ національностей, или общее австрійское самосознаніе? Наконецъ, полезно ли вообще сближеніе наше съ этою державою?—Вотъ вопросы, на которые мы намѣрены дать отвѣты.

Доказано и сознано, что Австрія—естественный врагъ и Россіи, и Пруссіи. Но въ политикѣ, особенно въ обстоятельствахъ крутыхъ и запутанныхъ, нерѣдко элементы, по существу своему враждебные, мирятся между собою. Вотъ почему въ теченіе долгаго времени вся Европа думала, что безъ Австріи система равновѣсія государствъ не можетъ держаться: такъ думали даже тѣ, которые были прямыми, естественными врагами Австріи, и потому

они считали долгомъ своимъ не только терпѣть существованіе имперіи габсбурговъ, но дѣятельно поддерживать ее. И въ силу такого убѣжденія Австрія, по своему составу походившая на тюрьму, въ которой содержались посаженныя въ нее исторіею и политикою разноплеменныя народности, имѣла, однако же, значительное вліяніе на европейскую политику,—она всегда стояла за самый строгій консерватисмъ и противодѣйствовала всяческимъ нововведеніямъ. Но послѣ ударовъ, нанесенныхъ ей при Сольферино и при Садовой, по той мѣрѣ какъ поднимался принципъ національностей, звѣзда Австріи падала все ниже и ниже. Австрію создалъ мусульманскій фанатисмъ, какъ противодѣйствіе его разливу по Европѣ: разныя народности австрійскія казались чѣмъ то цѣльнымъ и крѣпкимъ до тѣхъ поръ, пока онѣ видѣли необходимость тѣснаго соединенія съ короною габсбурговъ для дружнаго отпора туркамъ. Эта первоначальная основа Австріи теперь не существуетъ, и духовная связь между ея народностями слабѣетъ съ каждымъ днемъ. Нѣмецкій элементъ, стоявшій прежде во главѣ Австріи, утратилъ свою соединяющую силу для государствъ, вошедшихъ въ составъ ея. Между тѣмъ послѣ 1848 года, когда Россія спасла въ Австріи господство вѣнскихъ нѣмцевъ, народности австрійской имперіи почувствовали свою силу, и національное чувство, вѣра въ свою будущность сдѣлались для нихъ догматами, своего рода религіею. Притѣсненія вѣнскихъ централистовъ только еще быстрѣе развивали въ народностяхъ чувство и сознаніе своей особности.

Для Австріи оставалась единственная будущность—федеративное устройство: федерацію ей рекомендовали люди умные и желавшіе ей добра—Елачичъ, Палацкій и Белькреди. Австрія отказалась, и началось ея постепенное внѣшнее и внутреннее разложеніе. Она потеряла Ломбардію и Венецію, а послѣ Садовой она утратила самое дорогое—вѣру въ собственную будущность. Она думала спасти себя соглашеніемъ съ мадярами, но чрезъ это перестала существовать въ качествѣ имперіи: мы слышимъ теперь имена Цислейтаніи и Транслейтаніи, Венгріи, имена чеховъ, словенцевъ, тирольцевъ, вмѣсто бывшей единой Австріи. Австрію можно еще, пожалуй, искать въ ея единой *арміи*: но армія эта, потерявшая самоуваженіе къ себѣ, уже неспособна къ тому одушевленію и націо-

нальному восторгу, которыми обусловливаются блистательныя побѣды. Австрійское *духовенство* перестало послѣ Садовой вѣрить въ способность габсбурговъ быть щитомъ и мечемъ католицизма: оно вездѣ становится національнымъ— въ Чехіи чешскимъ, въ Галиціи польскимъ или русскимъ, потому что только при этомъ оно разсчитываетъ на уваженіе своей паствы, проникнутой національнымъ духомъ. *Аристократія* колеблется между преданностію престолу и между демократическимъ направленіемъ вѣка; она не прочь отъ неповиновенія императору и между тѣмъ страшится всецѣло присоединяться къ народу.

Въ массѣ *народа* никто не вѣритъ въ будущность Австріи, и это опасное невѣріе распространилось и въ средѣ австрійской *бюрократіи*, такъ что отъ послѣдняго писца до цислейтанскаго министра каждый убѣжденъ въ критическомъ положеніи знаменитой нѣкогда священной имперіи. О скорости распаденія имперіи толкуютъ вездѣ—въ деревенской корчмѣ и въ салонахъ аристократовъ; все это очень хорошо знаютъ повѣренные иностранныхъ дворовъ въ Вѣнѣ. Сословія самыя высшія, самая аристократическая аристократія вѣнскаго двора имѣли много случаевъ видѣть, какъ ея апостолическій представитель,—императоръ Францъ-Іосифъ покорно выслушиваетъ притязанія мадяръ, и до какой степени униженія онъ доведенъ ими въ самое короткое время. Онъ долженъ былъ даже забыть то обстоятельство, что въ послѣднюю войну съ пруссаками венгерскіе полки сражались весьма и весьма немужественно, что они раньше, подъ предводительствомъ Клапки, сражались болѣе мужественно противъ него самого, что предсѣдатель нынѣшняго венгерскаго министерства приговоренъ былъ имъ къ висѣлицѣ,—онъ принужденъ былъ назначить изъ своихъ коронныхъ имуществъ пенсіи и подарки тѣмъ самымъ гонведамъ, которые въ 1848—49 годахъ такъ горячо вели борьбу противъ него. Унизительной уступчивости Франца-Іосифа вѣнская аристократія не видитъ конца, и конца не будетъ, если «австрійскій императоръ» не захочетъ стать въ печальную необходимость объявить войну себѣ самому, какъ «королю Венгріи.»

Между тѣмъ австрійскіе славяне инстинктивно опасаются всего,—они видятъ, какъ подъ нихъ ведутся и въ Цис-и въ Транс-лейтаніи мины. Чехи, словенцы, галичане, ру-

мыны, словаки и сербо-хорваты, проливавшіе самоотверженно свою кровь въ недавнихъ сраженіяхъ, въ которыхъ мадяры отличались добровольными отдачами себя въ плѣнъ, опасаются онѣмеченія и омадяренія. Неблагодарность габсбурговъ глубоко огорчила ихъ: это чувство горечи въ вѣрныхъ доселѣ габсбургамъ народахъ гораздо опаснѣе для Австріи, чѣмъ пергаменты тысячелѣтней мадярской конституціи. Притязанія на возстановленіе короны св. Вячеслава, Звонимира и т. д., купленныя цѣною крови, сдѣлались заповѣдями для чеховъ, словенцевъ: кто возобновилъ корону св. Стефана, тому трудно отказать въ томъ же и остальнымъ народностямъ...

Кто-то сказалъ, что въ имперіи габсбурговъ мадяры—это рыцари (юнкера) національностей, что чехи—это буржуазія и интеллигенція, а хорваты, сербы, словаки, румыны и другіе—это представители національнаго пролетаріата. Но неужели венгры, эти современные янычары габсбургскаго дома, долго еще съ своими четырьмя милліонами будутъ преобладать надъ остальными двадцатью шестью милліонами австрійскихъ подданыхъ?

Вѣнскіе правители, своею близорукою и вѣроломною политикою относительно славянъ, довели имперію до того, что ея многоопытный канцлеръ, графъ Бейстъ, желая спасти что нибудь отъ бывшей великой державы, долженъ теперь съ своими имперскими областями вступать въ договоры и соглашенія, какъ съ иностранными землями. Министры цислейтанскіе утратили всякое довѣріе, и областные сеймы отказываются отъ посольства своихъ членовъ въ вѣнскій рейхсратъ: затрудненія громадны. Графъ Бейстъ, если онъ не рѣшится окончательно перемѣнить своей политики и принять федеративный принципъ графа Белькреди, то своими мелочными уступками чехамъ и галичанамъ, только будетъ раздражать ихъ аппетитъ. Успокоить ихъ—онъ не успокоитъ, пока не дастъ столько, сколько получили мадяры. Но если онъ сдѣлаетъ это, тогда изъ Австріи образуются соединенные штаты, при своей самостоятельности не могущіе быть энергическими дѣятелями при рѣшеніи важныхъ политическихъ вопросовъ, хотя способные къ самостоятельному и національному развитію.

Если же вѣнское правительство, желая сохранить внѣшнее политическое значеніе Австро-Венгріи, не рѣшится на

такія уступки, то двухсоставная имперія потерпитъ крушеніе при первомъ же столкновеніи въ Европѣ. Остатки этого корабля разбросаются по сосѣднимъ берегамъ. Россія, Пруссія, Италія, Сербія, Румынія—сосѣди опасные для Австріи, если послѣдняя не удовлетворитъ своихъ народностей въ ихъ требованіяхъ: славяне тогда потянутъ къ славянамъ, румыны къ румынамъ, нѣмцы къ нѣмцамъ, италіянцы къ италіянцамъ. Останутся на нѣсколько времени на мѣстѣ крушенія одни только мадяры, которые тоже должны будутъ спасаться въ какой-нибудь федераціи, чтобы не погибнуть. У Австріи остается, впрочемъ, еще одинъ способъ спасенія,—это: если бы Франція, Россія и Пруссія, какъ представители трехъ главныхъ племенъ въ Европѣ, согласились взять на себя полицейскій надзоръ за спокойствіемъ внутри самой Австріи и за повиновеніемъ ей со стороны соплеменныхъ имъ народностей, подобно тому, какъ теперь подобный полицейскій надзоръ существуетъ надъ подданными падишаха.

Слухи о сближеніи Австріи съ Россіею и Пруссіею даютъ знать, что Австрія рѣшилась избрать послѣднее средство къ своему спасенію. Она все еще хочетъ внутри себя соединять то, что Богъ раздѣлилъ, и раздѣлять то, что Богъ соединилъ, и, чтобы обезпечить себѣ въ этомъ направленіи свободу дѣйствій, она начинаетъ старую игру въ дружбу съ своими сѣверными сосѣдями. Она разсчитываетъ, что мы пособимъ и поддержимъ ее въ ея реакціонерной внутренней политикѣ, отступимся, даже въ случаѣ нужды усмиримъ силою чеховъ и галицкихъ русскихъ, или, по крайней мѣрѣ, посовѣтуемъ имъ примириться съ цислейтанскимъ правительствомъ, наконецъ, что мы обуздаемъ требовательность мадяръ. Но какой разсчетъ у насъ на Австрію?!

Вопросъ въ томъ, нужно ли Россіи торопиться сближеніемъ съ государствомъ, которое десять лѣтъ назадъ французы сравнили съ «трупомъ?» Сближеніе съ Франціею насъ усилило бы въ десять разъ, дружба съ разлагающеюся, больною Австріею въ пять разъ насъ ослабитъ и отниметъ у насъ свободу дѣйствій. Принятіе Ротшильдомъ Миреса въ свои компаніоны уменьшило бы только кредитъ перваго. Мы рѣшительно не способны раздѣлять того мнѣнія, что дружескія отношенія между Петербургомъ и Вѣною могутъ болѣе принести пользы австрій-

скимъ славянамъ, чѣмъ всякія пособія частныхъ обществъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ австрійскихъ славянъ уже начинаютъ обращаться лицемъ къ западу« («Голосъ» № 270). Мы не можемъ также «назначенія посланниковъ въ Петербургъ и Вѣну, свидѣтельствующаго о нѣкоторомъ сближеніи между Австріею и Россіею, привѣтствовать съ искреннимъ сочувствіемъ» (тамъ-же). Поименованная петербургская газета, съ нѣкоторыхъ поръ весьма недовольная чехами, имѣетъ, конечно, побужденія привѣтствовать подобное сближеніе, потому что оно было бы въ нѣкоторомъ родѣ *мщеніемъ* чехамъ со стороны Россіи за то, что послѣднимъ начала выражать сочувствіе французская печать или, говоря неточнымъ языкомъ этой газеты, за то, что нѣкоторые изъ австрійскихъ славянъ начинаютъ обращаться лицемъ къ западу». Сближеніе Россіи съ Австріею—политика самая искусственная, безцѣльная, безполезная: *чѣмъ это сближеніе будетъ искреннѣе съ нашей стороны, тѣмъ оно будетъ вреднѣе и для нашихъ національныхъ, и для общеславянскихъ интерессовъ.*

(Веч. Газ.)

Драгоцѣнное пожертвованіе виленскому православному Свято-Духовскому братству.

Его высокопревосходительство, г. главный начальникъ края, генералъ-адъютантъ Александръ Львовичъ Потаповъ препроводилъ къ его высокопреосвященству Макарію, архіепископу литовскому и виленскому, почетному предсѣдателю свято - духовскаго братства, икону св. Димитрія, ростовскаго чудотворца, при письмѣ слѣдующаго содержанія:

«Ваше высокопреосвященство, милостивый архипастырь! Въ семействѣ моемъ съ давнихъ временъ хранятся икона св. Димитрія Ростовскаго въ серебряной ризѣ и собственноручное письмо святителя, отъ 20 октября 1709 года, къ прадѣду моему, по матери, Михаилу Григорьевичу Громольскому, перешедшія ко мнѣ, какъ правнуку, по прямому наслѣдству; а какъ я не имѣю дѣтей, то и считаю болѣе всего соотвѣтственнымъ принести эти драгоцѣнныя для меня святыни по воспоминанію о великомъ ревнителѣ православія во вновь возрожденное Свято-Ду-

ховское братство, нѣкогда прославленное сподвижничествомъ св. Димитрія Ростовскаго, съ тѣмъ, чтобы икона, составляя принадлежность братства, была поставлена въ св. храмѣ Свято-Духовскаго монастыря, своды котораго, два столѣтія тому назадъ, оглашались вдохновенными рѣчами святителя, возбуждавшими мужество въ православныхъ. Препровождая означенныя святыни къ вашему высокопреосвященству и поручая себя архипастырскимъ молитвамъ Вашимъ» и проч.

Высокопреосвященнѣйшимъ Макаріемъ св. икона, вмѣстѣ съ письмомъ Святителя, 20-го минувшаго октября, передана въ совѣтъ Свято-Духовскаго братства для ея зачисленія, согласно назначенію жертвователя, въ собственность братства и для поставленія въ Свято-Духовскомъ монастырскомъ храмѣ.

Образъ Святителя Димитрія писанъ масляными красками на доскѣ въ $6^1/_2$ вершковъ вышины и $5^1/_2$ ширины, какъ видно изъ надписи на ризѣ, вскорѣ по обрѣтеніи мощей Святителя, совершившемся въ 1752 году. Св. Димитрій изображенъ въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, съ благословляющею правою рукою, лѣвая рука положена на столъ, на которомъ находится изображеніе сочиненныхъ имъ книгъ. Икона одѣта въ серебряную ризу чеканной работы, вѣсомъ въ 1 фунтъ и 6 золотниковъ. На правой сторонѣ ризы, ниже средины, находится четыреугольное отверстіе, въ которомъ хранится сложенное собственноручное письмо св. угодника и которое закрывается вызолоченною пластинкою на петляхъ; на пластинкѣ чеканная надпись: «письмо собственноручное новоявленнаго святителя и чудотворца Димитрія, митрополита ростовскаго». Письмо это слѣдующаго содержанія:

«Его милости пану Михаилу Григорьевичу

Божіе благословеніе.

Во знаменіе моего благодарствія за книжицу отъ милости твоей дарствованную мнѣ, послахъ труда нашего худоумнаго часть первую, яже противу раскольниковъ. Благоволи милость твоя малое сіе отъ насъ приняти, и егда случится лишнее время, читай вмѣсто рекреаціи.

Милости твоей всего добра желающъ смиренный

архіерей Димитрій».

8-bris 20. An. 1709.

По удостовѣренію лицъ, видѣвшихъ собственную руку

писанныя сочиненія Святителя, и это письмо писано действительно его собственною рукою. Замечательно, что это письмо писано за 8 дней до блаженной кончины угодника Божія, последовавшей, как известно, 28-го октября 1709 года.

Свято-Духовское братство, некогда прославленное сподвижничеством святителя Димитрія, принявъ св. образъ его съ достодолжнымъ благоговѣніемъ, какъ новое подкрѣпленіе въ своемъ служеніи пользамъ православной церкви въ краѣ, въ собраніи своего совѣта постановило: «устроить для св. иконы приличный кіотъ, съ надписаніемъ объ именитомъ жертвователѣ, и, внести ее въ Св.-Духовскій монастырскій храмъ по чиноположенію церковному, поставить въ немъ при братскихъ иконѣ и хоругви на видномъ мѣстѣ, а его высокопреосвященство почетнаго предсѣдателя своего, просить почтительнѣйше извѣстить о томъ его высокопревосходительство Александра Львовича, съ выраженіемъ ему искренней признательности за знаменательный даръ его».

Высокопреосвященнѣйшій Макарій о полученіи св. иконы и означенномъ постановленіи совѣта братства увѣдомилъ жертвователя слѣдующимъ письмомъ, отъ 3-го сего ноября:

«Ваше высокопревосходительство, милостивый государь, Александръ Львовичъ! Препровожденную ко мнѣ вашимъ высокопревосходительствомъ, при письмѣ отъ 18 прошлаго іюня, наслѣдственную вашу святыню, икону святителя и чудотворца Димитрія Ростовскаго, въ серебрянной ризѣ, вмѣстѣ съ собственноручнымъ письмомъ святителя къ покойному прадѣду вашему, я имѣлъ утѣшеніе получить и 20 минувшаго октября передать въ совѣтъ Свято-Духовскаго братства для ея зачисленія, согласно вашему назначенію, въ собственность братства и для поставленія въ Св. Духовской монастырской церкви.

Братство, нѣкогда прославленное сподвижничествомъ святителя Димитрія, принявъ св. образъ его съ достодолжнымъ благоговѣніемъ, какъ новое подкрѣпленіе въ своемъ служеніи пользамъ православной церкви въ краѣ, въ собраніи своего совѣта постановило: устроить для св. иконы приличный кіотъ, съ надписаніемъ объ именитомъ жертвователѣ, и, внести ее въ храмъ Божій по чиноположенію церковному, поставить въ немъ при братскихъ

церкви и хоругвяхъ на видномъ мѣстѣ, а меня, какъ почетнаго своего предсѣдателя, просило почтительнѣйше извѣстить о томъ ваше высокопревосходительство съ выраженіемъ вамъ, милостивый государь, искренней признательности за знаменательный даръ вашъ.

Увѣдомляя объ этомъ ваше высокопревосходительство и призывая на васъ и дѣла ваши благословеніе Божіе, и проч.

(Вил. Вѣст.)

Открытіе варшавскаго университета.

Заимствуемъ изъ «Голоса» нѣкоторыя объ открытіи 12-го октября варшавскаго университета подробности. Открытіе произошло при огромномъ стеченіи публики; конференцъ-зала была наполнена огромной массой ея. Самая конференцъ-зала нѣсколько измѣнилась и на этотъ разъ украсилась: прежде, за каѳедрой красовалась картина, изображавшая открытіе варшавскаго университета былыхъ временъ Александромъ I, который былъ представленъ тутъ вручающимъ одному изъ польскихъ вельможъ патентъ на званіе канцлера новаго университета, а теперь картину перенесли въ музей, а мѣсто ея занялъ портретъ во весь ростъ августѣйшаго виновника новаго высшаго умственнаго движенія въ здѣшнемъ краѣ—Императора Александра II. 12-го октября, портретъ былъ весьма красиво обставленъ высокими зелеными растеніями. По одну сторону каѳедры были поставлены кресла для почетнѣйшихъ посѣтителей; по другой сторонѣ ея помѣщались исключительно профессора. Остальную часть залы наполняла публика. Въ часъ пополудни прибыли графъ намѣстникъ, и высокопреосвященный Іоанникій, архіепископъ варшавскій и новогеоргіевскій. Хоръ пѣвчихъ пропѣлъ «Царю небесный», и затѣмъ началось самое торжество открытія университета. Въ началѣ, г. попечителемъ варшавскаго учебнаго округа, сенаторомъ тайнымъ совѣтникомъ Ѳ. Ѳ. Витте, были прочитаны Высочайше утвержденныя, въ 8 день іюня сего 1869 года, повелѣнія объ учрежденіи императорскаго варшавскаго университета, указъ по сему правительствующему сенату, и дополнительныя распоряженія правительства о нѣкоторыхъ изъятіяхъ изъ общихъ правилъ устава университета, по предмету замѣщенія

профессорскихъ каѳедръ. Затѣмъ прочтено было распоряженіе г. министра народнаго просвѣщенія о назначеніи на должность ректора варшавскаго университета, статскаго совѣтника П. А. Лавровскаго 2-го, и объявленъ личный составъ университета, изъ коего между прочимъ видно, что весь онъ состоитъ изъ профессоровъ бывшей главной школы, за исключеніемъ одного, назначеннаго уже изъ Россіи на должность доцента ботаники, г. Фишера фонъ-Вальдгейма. За оффиціальною частью изложенія попечителя слѣдовала часть неоффиціальная. Ѳ. Ѳ. Витте обратился сначала къ ректору, въ опытныя руки котораго онъ «передалъ новое учрежденіе», потомъ къ профессорамъ, которымъ напомнилъ ихъ высокую задачу и которыхъ пригласилъ дѣйствовать съ своимъ новымъ начальникомъ единодушно. Рѣчь попечителя была, видимо, глубоко прочувствована, и въ отвѣтъ на эти слова всѣ профессора встали и поклонились. Попечителя смѣнилъ на каѳедрѣ новый ректоръ. Рѣчь его продолжалась около сорока минутъ. Первая часть ея была посвящена уясненію значенія университетовъ въ дѣлѣ просвѣщенія и различія ихъ отъ другихъ учебныхъ заведеній. Во второй части онъ коснулся тѣхъ условій, при какихъ можетъ процвѣтать университетская наука и чего она требуетъ отъ воздѣлывателей ея. «Только, сказалъ онъ, въ чистомъ, безпримѣсномъ ея видѣ признаю я залогъ великихъ успѣховъ университета, и только при такомъ условіи считаю послѣдній неисчерпаемымъ источникомъ истиннаго свѣта для цѣлой здѣшней страны... Наука, святая наука, ты не подчиняешься мелкимъ человѣческимъ страстямъ, не поддаешься и крупнымъ явленіямъ вражды между народами; любовно обнимаешь ты въ себѣ и собою всѣхъ и все; для тебя нѣтъ предѣловъ ни во времени, ни въ пространствѣ; каждый предметъ и каждое явленіе имѣетъ для тебя смыслъ объекта, въ которомъ ищешь ты одной правды; самое заблужденіе для тебя лишь временное, возникшее изъ тѣхъ же порывовъ къ истинѣ! И неужели мы, давшіе внутренній обѣтъ служить этой наукѣ, унизимъ, осквернимъ ее примѣсью житейской страсти? Нѣтъ, благодарю судьбу, что я встрѣчу тѣмъ большую поддержку въ строгомъ сохраненіи чистоты ея, чѣмъ образованнѣе понятія моихъ сослуживцевъ, чѣмъ ближе къ сердцу большинства ихъ заботливость о благѣ своихъ единоземцевъ

и чѣмъ обязательнѣе благодарность передъ виновникомъ важнаго учрежденія нашего, столь милостиво облегчившимъ пользованіе средствами высшаго образованія». Третья часть рѣчи состояла въ дани признательности тѣмъ, которые своими трудами и заботливостью содѣйствовали появленію на свѣтъ варшавскаго университета; эти слова благодарности относились къ попечителю округа, министру народнаго просвѣщенія и графу намѣстнику. «Но съ какимъ чувствомъ—заключилъ ректоръ съ видимо глубокимъ волненіемъ—отнесемся мы къ тому, кто вложилъ живую душу въ новопостроенное зданіе, кто зажегъ въ немъ свѣтильникъ истины, кто отворилъ въ немъ настежъ двери и даровалъ свободный доступъ каждому,—освѣщать умъ и согрѣвать сердце на столько, на сколько оно можетъ вмѣстить въ себѣ? Одно только и возможно: чувство безграничной преданности и пламенная молитва къ Всевышнему; да продлитъ онъ дни августѣйшаго Императора Александра Николаевича, обожаемаго нашего Царя-освободителя и просвѣтителя, до той поры, когда и отдаленные наши преемники получатъ завидную возможность выразить эту преданность въ безукоризненномъ выполненіи его благихъ и мудрыхъ предначертаній».

Какъ бы въ отвѣтъ на эти слова, хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ грянулъ «Боже, Царя храни!», по окончаніи котораго ректоръ громогласно прочелъ актъ объ открытіи университета, заготовленный на большомъ листѣ и предназначенный для подписанія его присутствующими. Первыми подписались намѣстникъ и архіепископъ; затѣмъ начала подписываться публика. Въ это же время, по просьбѣ всей университетской коллегіи, были отправлены, за подписью попечителя и ректора, двѣ телеграммы къ министру народнаго просвѣщенія; въ первой извѣщалось о совершившемся открытіи университета и высказывалась благодарность графу за его заботливость и труды въ этомъ дѣлѣ; во второй—университетъ просилъ графа повергнуть къ стопамъ Государя выраженіе безконечной благодарности и преданности.

(Сов. Лист.)

Памяти святыхъ первоучителей славянъ Кирилла и Мееодія.

Русскіе, поляки, сербы, болгаре, чехи и др., принадлежатъ къ одному племени — славянскому. Славяне, какъ извѣстно изъ лѣтописей, занимали разныя мѣстности нынѣшней Россіи. Въ IX вѣкѣ, мы встрѣчаемъ ихъ въ исторіи народомъ осѣдлымъ, но чуждымъ гражданскаго устройства.

Въ томъ же вѣкѣ, наставниками славянъ избраны были два брата Константинъ (въ монашествѣ Кириллъ) и Мееодій, уроженцы города Солуня или Өессалоникъ. Происходя отъ знатнаго рода, и получивъ обширное современное образованіе, оба они съ раннихъ лѣтъ отказались отъ ожидавшаго ихъ блестящаго поприща, и вступили въ монашество.

Радостно приступили они къ проповѣданію славянамъ евангелія.

Исполняя свой подвигъ, они встрѣтили множество препятствій, подвергались многимъ опасностямъ; но все это не уменьшало, а увеличивало ихъ самоотверженную ревность.

До прибытія въ славянскія земли Кирилла и Мееодія, хотя и проповѣдывалась вѣра Христова, но не укоренялась, потому что для сѣянія слова Божія употребляемъ былъ чуждый народу языкъ латинскій. Это привело св. Константина къ изобрѣтенію славянскихъ буквъ, принятыхъ въ нашихъ церковныхъ книгахъ. Послѣ того переведены имъ на славянскій языкъ евангеліе и другія священныя книги.

Мудрые святители къ устному проповѣданію присоединили письменное. „Безъ этого проповѣдывать," говоритъ св. Константинъ, „все равно, что писать на водѣ."

Перейдя изъ Болгаріи въ Моравію, святые братья начали вводить и здѣсь богослуженіе на славянскомъ языкѣ. При изумительной успѣшности дѣйствій духовнаго оружія, нѣмцы вознегодовали на прибывшихъ наставниковъ, благовѣствующихъ съ силою многою.

Упорно защищалось непонятно укоренившееся тогда на Западѣ мнѣніе, что христіанское богослуженіе можетъ быть исполняемо только на одномъ изъ трехъ языковъ, вошедшихъ въ надпись на крестѣ Іисусовомъ, т. е. на еврейскомъ, греческомъ или латинскомъ.

Мудро опровергалъ св. Константинъ три язычниковъ. Пре-

играясь съ ними, указывалъ на мѣста изъ ветхаго и новаго завѣта и заключилъ реченіемъ царя-псалмопѣвца: „хвалите Господа вси языцы. Всякое дыханіе да хвалитъ Господа.“

По навѣтамъ нѣмецкихъ духовныхъ лицъ, славянскіе апостолы были вызваны къ папѣ Николаю. Они отправились съ обрѣтенными ими останками римскаго пастыря св. Климента.

Когда они проходили чрезъ землю князя Коцела, онъ далъ для обученія 20 юношей, за что испрошено ими освобожденіе 1000 плѣнныхъ славянъ.

И вотъ совершилось шествіе облагословенныхъ въ Римъ.

За городомъ встрѣтилъ ихъ преемникъ скончавшагося папы Николая, Адріанъ, съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ, со множествомъ собравшихся на встрѣчу входившимъ съ честными мощами. Поданное св. Константиномъ евангеліе папа положилъ на алтарь храма, а порицавшихъ отправленіе богослуженія на другомъ языкѣ, кромѣ вошедшихъ въ надпись на крестѣ, утвержденную Пилатомъ, назвалъ *пилатниками*.

Непрестанные труды великаго подвига, разстроили его здоровье, ослабили немощное тѣло. Въ Римѣ, на 50 день по пострижении въ схиму, на 42 году отъ рожденія, 14 февраля 869 года, св. Кириллъ почилъ отъ трудовъ своихъ.

Предъ отшествіемъ въ небесныя селенія, св. Кириллъ, „прозрѣвая духомъ судьбу славянъ, со всѣхъ сторонъ окруженныхъ хищными волками, воздѣваетъ праведныя руки свои къ небу, и слезно умоляетъ Господа, чтобы Онъ сохранилъ это вѣрное свое стадо, избавилъ его отъ безбожныя злобы, отъ всякаго многорѣчиваго и хульнаго еретическаго языка,—погубилъ трехъязычную ересь, возрастилъ церковь свою, всѣхъ призвалъ къ единодушію и единомыслію въ вѣрѣ, вдохнулъ во всѣхъ слово своего ученія“ 1)....

Брату своему и товарищу въ подвигѣ завѣщалъ продолжать благое дѣланіе „не моги ради горы (Олимпа, любимаго Меѳодіемъ) оставить ученія нашего: здѣсь больше можно спастись“ 2).

По распоряженію папы, „ко гробу почившаго угодника Божія, должны были предстать всѣ, и греки, бывшіе тогда въ Римѣ, и римляне, пѣть погребальныя пѣсни со свѣчами, и проводить его

---

1) Св. равн. Кир. и Меѳ.—изд. слѣпца Ширяева.
2) Кр. Кал. на 1868 г.

[illegible] вѣчнаго покоя, съ полною торжественностію, [illegible] преподали самаго папу“ 1).

Честные останки погребены во храмѣ св. Климента. Гробъ, поставленный здѣсь за 1000 лѣтъ, сокрылся подъ развалинами храма. Въ недавнее время приступлено къ его возстановленію.

Возведенный въ санъ епископа, Меѳодій отправился къ славянамъ. Нѣмцы, продолжая преслѣдовать распространяющуюся славянскую церковь, призвали его чрезъ своихъ епископовъ къ суду короля,—задержали, отослали въ Швабію, гдѣ онъ и пробылъ въ заключеніи два съ половиною года. Лишители свободы св. Меѳодія преданы отъ папы клятвѣ,—а неправедно заключенный, по просьбѣ жителей, посвященъ въ санъ архіепископа Моравіи.

Со стороны нѣмцевъ не прекращались преслѣдованія ревнителя вѣры Христовой, употреблялись новыя обвиненія и извѣты. Но истина побѣждала вымыслы.

Молитвенныя бдѣнія, неутомимое служеніе на распространеніе православія, скорби разстроили здоровье праведника. Силы его угасали, и 6 апрѣля 875 г., во вторникъ страстной седмицы, онъ скончался. Съ великимъ плачемъ паствы, съ умиленнымъ воспѣваніемъ священнослужителями погребальныхъ пѣсней на греческомъ, латинскомъ и славянскомъ языкахъ, онъ погребенъ въ алтарѣ соборнаго храма города Велеграда (нынѣ Градишты).

Русская церковь празднуетъ въ одно и тоже число, 11 мая, и память святыхъ Кирилла и Меѳодія, и обновленіе Царьграда. Празднество приняло особенную торжественность, съ тысячелѣтія изобрѣтенія славянской азбуки, съ 1863 года.

14 сего февраля исполнилась тысяча лѣтъ со дня кончины положившаго основаніе просвѣщенію славянъ, св. равноапостольнаго Кирилла.

„Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, подражайте вѣрѣ ихъ,“ завѣщалъ намъ первоверховный апостолъ, самъ призванный къ благовѣстію истины.

Подвигомъ добрымъ подвизавшіеся, положившіе души своя за „христіанское на родномъ нашемъ языкѣ просвѣщеніе,“ святые равноапостольные Кирилле и Меѳодіе! Удостоенные за высокіе, безпримѣрные подвиги на распространеніе немерцающаго свѣта люб-

1) Св. равн. Кир. и Меѳ.—изд. слѣпца Ширяева.

[illegible] и нынѣ предстоятъ предъ престоломъ Божіимъ, молите Подателя всѣхъ благъ, да ниспошлетъ Онъ всѣмъ намъ ревность въ упроченіи трудовъ нашихъ, одушевленныхъ ожиданіемъ того счастливаго времени, когда „будетъ едино стадо и единъ пастырь.“

Александръ Наставинъ.

(Совр. Лист.)

По поводу послѣднихъ рецензій на „Вооруженныя силы Россіи.“

Статья Ростислава Фадѣева.

Полагая, что меня нельзя заподозрить въ недостаткѣ патріотизма, считаю себя въ правѣ сказать свое мнѣніе о польскомъ рубежѣ, на сколько оно касается общаго положенія дѣлъ.

Съ обрусеніемъ западныхъ губерній, привислянскій край, т. е. польское племя въ его законныхъ предѣлахъ, не можетъ составлять для насъ никакого внутренняго вопроса. Польское племя въ его законныхъ предѣлахъ и въ общемъ составѣ славянскаго міра можетъ устоять въ своей національности только при тѣснѣйшей связи съ Россіею. Ему одинъ выборъ: быть младшимъ братомъ русскаго народа или нѣмецкою провинціею. Оно и теперь уже нечто иное, какъ послѣдній объѣдокъ нѣмецкаго пиршества, поглотившаго родственныя ему населенія и части собственнаго его тѣла отъ Саалы до Вислы. Можетъ ли узкая полоса земли, сжатая между Россіею и Германіею, устоять въ видѣ государства, располагающаго полною свободою дѣйствій,—что составляетъ теперь принадлежность только великихъ державъ? До какой степени ни считать поляковъ мечтателями, невозможно, противно логикѣ, чтобы многіе изъ нихъ, особенно умнѣйшіе, не видѣли неизбѣжности выбора между племенною самостоятельностію и гибелію. Объ эмиграціи нечего говорить: она стала народомъ кочевыхъ авантюристовъ, для которыхъ смута на Вислѣ, какъ и всякая другая,—развлеченіе; но осѣдлые поляки, даже фанатики, поймутъ свое положеніе, какъ только увидятъ $^{3}/_{5}$ имѣній Минской или Волынской губерніи въ русскихъ рукахъ. Теперь полякъ, какъ человѣкъ своей національности, естественно дорожащій ею, находится, дѣйствительно, въ безвыходномъ положеніи. Его можно не допустить до бунта, но нельзя отвратить отъ ежеминутной мысли о бунтѣ.

разочаровались въ Наполеонѣ III-мъ, онъ продолжаетъ надѣяться на львовскій сеймъ, на барона Бейста, на Венгрію; покуда человѣкъ живетъ, долженъ же онъ на что нибудь надѣяться. До сихъ поръ существованіе русской партіи между поляками было невозможно, для такой партіи не оказывалось опредѣленной цѣли. Поляки считали болѣе удобнымъ и желательнымъ возстановить старо-польское государство на счетъ Россіи, чѣмъ польскую національность въ ея ограниченныхъ предѣлахъ съ помощію Россіи. Создать такую партію — значитъ взять польскій вопросъ изъ австрійскихъ въ русскія руки, свалить главную нашу опасность на голову врага. Что надо сдѣлать для этого? Полагаю: ничего особеннаго,—настойчиво, но безъ насилія продолжать обрусеніе западныхъ губерній, не жалѣя для того никакихъ жертвъ; считать поляковъ славянскимъ народомъ, имѣющимъ въ глазахъ Россіи такое же право на существованіе и на русскую помогу въ будущемъ для возсоединенія растерзанныхъ, но еще живыхъ его членовъ, какъ и всякой другой славянскій народъ; поставивъ такую цѣль передъ ними, отличать искреннихъ ея сторонниковъ отъ неискреннихъ, безъ чего нельзя управлять даже своимъ народомъ, не только чужимъ. Такая задача неодолима для Россіи, не сознающей своего историческаго значенія и дѣйствительнаго смысла лежащихъ передъ нею камней преткновенія, и, надо думать, не особенно трудна для сознающей. Поляки не идутъ по зову чеховъ въ австрійскій панславизмъ, чтобы не потерять поддержки правительства, въ которомъ покуда вся ихъ надежда. Другое дѣло голосъ Россіи. Если на зовъ русскаго правительства, приглашающаго поляковъ занять законное ихъ мѣсто въ славянской семьѣ, не откликнется скоро сильная партія, значитъ всѣ законы логики и вѣроятности перевернулись недавно вверхъ дномъ на бѣломъ свѣтѣ.

Кромѣ раздраженія, посѣяннаго вѣковыми событіями между поляками и русскими, польскій вопросъ, какъ племенной, ничѣмъ не отличается отъ другихъ мѣстныхъ славянскихъ вопросовъ. Всѣ славяне находятся приблизительно въ такомъ же положеніи, какъ поляки; всѣмъ имъ предстоитъ, какъ и полякамъ, выборъ между двумя исходами: сжаться около Россіи для сохраненія своей народной личности или пожертвовать ею, дать обезличить себя. Обширная спорная полоса между предѣлами чисто русскаго и чисто

нѣмецкаго племени, но большей части обезпеченная уже политически послѣднимъ, будетъ совсѣмъ онѣмечена до послѣдней души,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, если каждую изъ отличныхъ ея клѣтокъ предоставить собственнымъ силамъ. Какъ только закончится объединеніе Германіи, то славянамъ по обѣимъ сторонамъ Савы не останется уже никакой надежды. Пруссія дѣйствуетъ не такъ, какъ Австрія. Когда Фридрихъ Великій узналъ, что сельское населеніе Померании говоритъ еще по славянски, онъ приказалъ „*положить конецъ этому сраму*;" къ концу его парствованія „срама" уже не было. Многіе западные публицисты приглашаютъ славянъ „покориться своей участи добровольно, сгинуть безъ слѣда; значитъ, говорятъ они, непреклонная исторія не выдѣлила вамъ особаго угла, противъ законовъ природы в исторіи нечего спорить;" такъ и случится, если славяне будутъ отбиваться врознь. Чешское племя, со всѣхъ сторонъ обложенное нѣмцами, исчезнетъ первое; за нимъ придетъ скорый чередъ и другимъ. Если бы Россія не возникла вдругъ на рубежѣ Европы, о славянахъ не было бы уже и помина; оживленіе славянскаго духа въ нашемъ столѣтіи не имѣло бы повода. Что начато Россіею безсознательно, то ею же одною можетъ быть кончено сознательно. Не только славяне не могутъ избѣжать своей участи—народнаго обезличенія, иначе какъ схватившись за русскую руку, но, даже водворившись сами какимъ нибудь чудомъ, они не могли бы сохранить независимость иначе, какъ опираясь на Россію. Какая международная самостоятельность, разсчитанная на собственныя силы, возможна разрозненнымъ славянскимъ клочкамъ, стиснутымъ между нѣмцами и мадярами, при подавляющей массѣ и высшей культурѣ первыхъ, при сильной политической организаціи вторыхъ? Въ наше время, когда Европа подѣлилась на нѣсколько огромныхъ массъ, когда лишь тотъ имѣетъ право на отдѣльное существованіе, кто выставляетъ полъ-милліона солдатъ, когда даже старыя государства, какъ Голландія и Швейцарія, начинаютъ бояться за свое будущее, что значитъ международный щебень, каковы чехи, хорваты и другіе?—Когда, въ добавокъ, этотъ щебень не признается, презирается могучими сосѣдями, оскорбляетъ ихъ, становится внезапно поперегъ ихъ исторіи, надеждъ и интересовъ. Славянъ много—отъ Саксоніи до Архипелага; масса ихъ, дѣйствующая за одно, сильна и могла бы выдержать напоръ Германіи. Но въ чемъ

найдетъ эта масса общую связь? Въ союзѣ? Славянская страна прорѣзана въ нѣсколькихъ направленіяхъ полосами чуждыхъ и враждебныхъ ей племенъ, до сихъ поръ владычествующихъ; отдѣльныя части славянщины не могутъ безъ посторонной помощи подать руку другъ другу. Кромѣ того, на какомъ же языкѣ будетъ говорить этотъ племенной союзъ? Увѣряютъ, что на пражскомъ сеймѣ 1848 года славяне разныхъ нарѣчій разговаривали между собою по нѣмецки. Въ этомъ отношеніи, какъ во всемъ прочемъ, имъ нужно объединеніе; сами по себѣ они его никакъ не достигнутъ. Не примутъ же болгары по собственному выбору чешскій языкъ, или чехи сербскій—за общій политическій. Кромѣ того, нѣкоторымъ славянскимъ племенамъ, какъ болгарамъ, вендамъ, словакамъ, доведеннымъ до положенія нисшаго класса населенія на своей же землѣ, надобно еще сложиться въ народъ, что требуетъ времени, въ продолженіе котораго они не могутъ прожить безъ опеки. Славянъ много, они умны, храбры, жаждутъ съ возрастающимъ нетерпѣніемъ національной жизни; но ни добиться, ни удержать ее сами собою не могутъ. Славянскій міръ—это космическое облако, могущее стать сложившимся міромъ только при объединяющемъ центрѣ тяготѣнія.... 1).

(Биржс. Вѣд.)

Польская газета о русскомъ языкѣ.

Изучать русскій языкъ, сдѣлать его органомъ литературнымъ, органомъ умственнаго и нравственнаго единенія—есть общее стремленіе всѣхъ славянскихъ національностей, преимущественно чеховъ. Исключеніе составляютъ поляки. Преподаваніе почти всѣхъ предметовъ на рус-

---

1) Не продолжаемъ далѣе выдержки изъ превосходной статьи г. Фадѣва потому только, что дальнѣйшее развитіе его мысли слабое имѣетъ приложеніе къ задачѣ нашего изданія. Статью же назвали мы *превосходною* не для комплимента, а потому, что она указываетъ, настоящее мѣсто, значеніе и назначеніе Россіи въ кругу разрозненныхъ членовъ славянской семьи, что въ ней съ поразительною правдой, свѣтомъ и полнотою уясненъ характеръ международныхъ отношеній къ славянамъ запада и начертана та именно программа дѣйствій, безъ выполненія которой никто и ничто не спасетъ славянъ отъ обезличенья, поглощенія ихъ сосѣдями, отъ исчезновенія. *Ред.*

своемъ языкѣ въ недавно открытомъ варшавскомъ университетѣ составляетъ предметъ полный антипатіи для поляковъ. «Виданное ли дѣло, читаемъ въ «Польскомъ Варшавскомъ Дневникѣ», чтобы поляки слушали лекціи на русскомъ языкѣ? Возможно ли было въ прежнее время хотя подумать о томъ, чтобы намъ довелось слушать курсы на чужомъ нарѣчіи? Правда, ѣздили прежде, и теперь ѣздятъ, за границу,—напр. во Францію, Италію, Германію, для слушанія тамъ лекцій на иностранномъ языкѣ, но вѣдь то, изволите видѣть, совсѣмъ другое дѣло, то вѣдь языки: французскій, италіянскій, нѣмецкій и т. п., а совсѣмъ иное дѣло—какой то тамъ языкъ общеславянскій? Что пользы въ томъ, что университетскіе воспитанники будутъ имѣть какія то тамъ привиллегіи? Мы потеряли особность, утратили польскій языкъ, а этого намъ никто не вознаградитъ.» Странное дѣло, какъ будто бы пріобрѣтеніе образованія, при посредствѣ русскаго языка, исключаетъ или подрываетъ польскій языкъ, какъ славянское нарѣчіе! Тотъ и другой могутъ оставаться автономичными какъ въ разговорѣ, такъ и въ области литературной. Но нѣтъ, здѣсь говоритъ просто давнишняя, не имѣющая никакихъ серьёзныхъ основаній, ненависть поляка ко всему русскому,—ненависть, не желающая воспользоваться предлагаемыми со стороны именно Россіи способами образованія.

Въ «Кельнской Газетѣ» пишутъ: «Хотя срокъ картельной конвенціи съ Россіею миновалъ 18 сентября (1 октября) нынѣшняго года, но польскіе эмигранты въ Пруссіи получатъ въ слѣдующемъ году новыя свидѣтельства на жительство или отсрочку старыхъ. Мѣстныя власти обязаны немедленно сообщать окружному ландрату о тѣхъ эмигрантахъ, у которыхъ не окажется подобныхъ свидѣтельствъ на жительство.»

(Вечер. Газ.)

Католическая іерархія.

По словамъ „Современныхъ Извѣстій“, корреспондентъ французской газеты «Patrie» („Отечество“) передаетъ подробности р. католической іерархіи, не лишенныя важности въ виду ожидаемаго собора. „Католическая іерархія, во главѣ которой стоитъ папа, состоитъ изъ кардиналовъ, патріарховъ, архіепископовъ и

споминора. По штату кардиналовъ должно быть семьдесятъ, но эта цифра рѣдко достигается. Въ настоящую минуту, напримѣръ, священная коллегія состоитъ изъ пятидесяти девяти членовъ, считая въ этомъ числѣ двѣ кардинальскія шапки, которыхъ обладатели неизвѣстны. Такъ что въ сущности кардиналовъ только пятьдесятъ семь. Самому престарѣлому изъ этихъ высокихъ особъ 89 лѣтъ; онъ испанецъ. Самому молодому—42 года—это французъ, принцъ Лукіанъ Бонапарте.

„Въ числѣ кардиналовъ четыремъ болѣе 80 лѣтъ, 13—болѣе 70, 25—болѣе 60, 10—болѣе 50 и 5—болѣе 40 лѣтъ. Кардиналу Антонелли, государственному секретарю 64 года. Онъ и кардиналъ Бонапарте получили шапку очень рано—около 40 лѣтъ.

„Ватиканскій дворъ, не принявшій упраздненія епископствъ во время объединенія Италіи, продолжаетъ считать болѣе 1,100 епископскихъ престоловъ или епархій въ католическомъ мірѣ. Но въ дѣйствительности число епархій не достигаетъ даже 1,000, что видно даже изъ оффиціальныхъ документовъ римской куріи, которые указываютъ на слѣдующія цифры: патріаршихъ престоловъ съ резиденціями—747; престоловъ *in partibus (въ странахъ невѣрныхъ)*—234; и того—981. Изъ этихъ 981 прелатовъ, 281 по всей вѣроятности не явятся на соборъ по той или другой причинѣ, а 700 остальныхъ будутъ на немъ присутствовать. Эти 700 прелатовъ явятся каждый въ сопровожденіи одного или двухъ богослововъ и не менѣе одного священника въ качествѣ секретаря. Многіе архіепископы пріѣдутъ съ цѣлой свитой, такъ что можно среднимъ числомъ положить, каждый прелатъ явится въ сопровожденіи трехъ духовныхъ особъ. Три проводника, да епископъ, это—четыре; помноживъ 700 на 4, получимъ 2,800 духовныхъ лицъ. Къ этому числу надо прибавить аббатовъ, носящихъ митру, генераловъ религіозныхъ орденовъ, богослововъ, приглашенныхъ святымъ отцемъ, и мы получимъ въ итогѣ болѣе 3,000 представителей клира, которые примутъ участіе въ торжественномъ собраніи.

„Здѣсь не считаются тѣ, которыхъ привлечетъ любопытство или интересъ; а ихъ тоже будетъ не мало. Вообще, можно сказать, что вѣчный городъ, имѣющій около 215,000 жителей, въ числѣ которыхъ считаютъ около 15,000 лицъ духовныхъ, уже

даль въ стѣнахъ своихъ, имѣющій земли 25,000 душами себѣ."

(Совр. Лист.)

Еще о мнимо-вселенскомъ римскомъ соборѣ.

Читателямъ нашимъ, конечно, уже извѣстно, что 8 декабря настоящаго года папа далъ въ Римѣ великолѣпное «зрѣлище», которое разъигривается дружно, спокойно, и непремѣнно окончится такъ, какъ оканчивались старинныя комедіи, т. е. бракомъ (соединеніемъ церквей). Мы говоримъ, конечно, о настоящемъ quasi вселенскомъ соборѣ, въ кругу вопросовъ котораго играетъ немаловажную роль вопросъ о *братскомъ соединеніи всѣхъ христіанъ подъ верховнымъ властительствомъ намѣстника Петрова*. Но, заранѣе увѣренные въ полной неуспѣшности этой ловушки по отношенію къ православнымъ и протестантамъ (кто же въ самомъ дѣлѣ захочетъ подставить свою шею подъ тяжелое ярмо папскаго рабства?), ярые католики уже теперь осыпаютъ безсильною бранью тѣхъ и другихъ и угрожаютъ имъ страшною папскою анаѳемою, если только они до окончанія собора не поспѣшать присоединиться къ *любвеобильной матери, римской церкви!* Ревностные католики очень серіозно думаютъ объ этомъ соборѣ, благодѣтельными послѣдствіями котораго будутъ, по ихъ мнѣнію, «возстановленіе европейской нравственности и цивилизаціи и даже спасеніе всего міра». Но есть очень много и такихъ католиковъ, которые съ боязнію взираютъ на этотъ соборъ, на которомъ религіозный фанатизмъ снова облечется въ тогу добродѣтели, и антихристіанскія проклятія на братьевъ, внушенныя властолюбивыми разсчетами, представятся массѣ католицизма, какъ изреченія Св. Духа. А слѣдствіемъ этого будетъ взаимное отчужденіе націй, семействъ, отдѣльныхъ лицъ, и «не возвышеніе», а упадокъ цивилизаціи, науки и жизни. Подобными свѣтлыми мыслями въ особенности отличается одна изъ безчисленнаго множества появившихся въ послѣднее время католическихъ брошюръ, трактующихъ о предстоящемъ соборѣ. Авторъ ея требуетъ, на основаніи каноническихъ правилъ, чтобы на этотъ соборъ допущены были представители отъ всѣхъ

христіанъ, и чтобы здѣсь господствовалъ *духъ свободы* въ рѣшеніи разныхъ вопросовъ, чего папа никогда не допуститъ, по очень понятной всѣмъ причинѣ. Предвидя послѣднее, авторъ-католикъ обращается съ восторженными словами къ германскимъ епископамъ и усиленно проситъ ихъ «поднять знамя христіанской свободы и любви на соборѣ». Въ интересахъ соединенія христіанства, этотъ же авторъ и многіе другіе желаютъ, чтобы «папа отрекся отъ свѣтской власти и отъ всякаго вмѣшательства въ свѣтскія дѣла, чтобы онъ *отмѣнилъ безбрачіе латинскаго духовенства*, отозвавшееся, по свидѣтельству исторіи, вредными послѣдствіями въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ». Но св. отецъ скорѣе откажется отъ соединенія подъ его духовнымъ скипетромъ всѣхъ христіанъ (если бы это случилось), чѣмъ согласится на такія тяжелыя для него жертвы. «Итакъ, къ дѣлу друзья христіанства, восклицаетъ въ заключеніе авторъ брошюры, обращаясь къ членамъ своей церкви,— примитесь за возстановленіе святилища, разрушеннаго раздоромъ. Если же вы и на этотъ разъ не сдѣлаете ничего, то соединеніе рано или поздно произойдетъ, и помимо васъ, по волѣ народовъ, и тогда исполнится на васъ слово Господне: «вы соль земли, а когда соль испортится, то она годна только на то, чтобы выбросить ее вонъ, на попраніе людямъ».

(Веч. Газ.)

Еще о римскомъ соборѣ.

Характеръ настоящаго мнимо-вселенскаго собора выясняется все болѣе и болѣе: это просто конгрегація епископовъ и прелатовъ, которые раболѣпно утвердятъ то, что имъ предложатъ; по крайней мѣрѣ, къ тому устремляются всѣ усилія какъ римской куріи, такъ и самаго папы. Недавно въ одномъ католическомъ 1) журналѣ (Avenir Catholique) было заявлено, что соборъ, какъ соборъ, долженъ бы, кажется, пользоваться нѣкоторою свободою преній; такъ водилось-де на прежде бывшихъ собо-

---

1] Какъ это трудно убѣждаются въ самой очевидной истинѣ самые разумные люди!... *Ред. В. З. Р.*

рахъ; на которыхъ епископы своею практическою опытностью и научнымъ образованіемъ оказывали существенное содѣйствіе въ рѣшеніи важныхъ вопросовъ церкви; поэтому, если Пій IX желаетъ, чтобы его соборъ былъ истиннымъ соборомъ, то долженъ признать за епископами право излагать свои мнѣнія. Требованіе основательное и справедливое: но не такъ смотритъ на него римская курія. Въ органѣ своемъ «Civitta» она даетъ понять всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что епископы собираются на настоящую сессію вовсе не за тѣмъ, чтобы разсуждать, вести пренія, давать и пускать свои мнѣнія на голоса, а для того, чтобы признать и утвердить рѣшенія уже заранѣе подготовленныя римскимъ первосвященникомъ, во имя своей непогрѣшимости. «Что есть папа, вопрошаетъ папскій органъ, предъ лицомъ епископовъ и прелатовъ, созванныхъ на соборъ? Какъ преемникъ св. Петра, онъ есть краеугольный камень церкви, обладатель ключами царствія Божія, пастырь всего стада Христова. По постановленію ліонскаго собора (1274 года) онъ есть первостоятель вселенской церкви; по признанію собора флорентійскаго (1430 г.), онъ есть глава, отецъ, вождь всего христіанскаго міра. Таковы отношенія, существующія между папой и церковію, какъ въ отдѣльныхъ ея частяхъ, такъ и въ цѣломъ, то есть, во вселенскомъ соборѣ. Эти отношенія указываютъ намъ, съ одной стороны, верховную власть, съ другой—полную подчиненность; первою обладаетъ папа, а вторая принадлежитъ собранію епископовъ. Такимъ образомъ ясно, что предсѣдательство святаго отца даетъ ему права высшей власти: предлагать предметы для соборнаго обсужденія, указывать и рѣшать вопросы и принуждать къ повиновенію непокорныхъ. Папа не только указываетъ выраженія рѣшеній, но и присоединяетъ къ этому положительное запрещеніе представлять какое либо возраженіе или хоть сколько нибудь измѣнять постановленныя рѣшенія».

Не знаемъ, много ли найдется между съѣзжающимися со всѣхъ концовъ міра католическаго епископами такихъ послушливыхъ исполнителей велѣній намѣстника св. Петра: но Пій IX чувствуетъ, что ему придется выдержать опасную борьбу, и потому онъ очень осторожно относится къ тѣмъ странамъ, въ которыхъ замѣчаетъ какое либо броженіе, неблагопріятное его планамъ. Пуще всѣхъ его-

[illegible] римскую курію патеръ Гіацинтъ. Въ Римѣ [illegible] не ожидали такого скандала. Привыкнувъ къ слѣпому и страдательному послушанію своихъ клиентовъ, папа не могъ не быть пораженнымъ поступкомъ Гіацинта, который можетъ имѣть неисчислимыя послѣдствія, благодаря авторитету, какимъ пользуется во Франціи этотъ бойкій и талантливый проповѣдникъ. Сначала данъ былъ изъ-подъ-руки приказъ всѣмъ органамъ ультрамонтанства предать осужденію мятежнаго монаха и его поступокъ, а потомъ высшее начальство ордена босыхъ кармелитовъ, декретомъ отъ 6 октября, лишило патера Гіацинта всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, и, сверхъ того, за отступничество отлучило его отъ церкви и подвергло всѣмъ другимъ взысканіямъ и наказаніямъ, опредѣляемымъ общими правилами и уставомъ ордена за отступничество. А между тѣмъ примѣръ патера Гіацинта, уже переселившагося въ Америку, не остается безъ подражанія. Недавно въ Пештѣ, на конгрессѣ католиковъ, въ которомъ принимаетъ участіе и министръ Францъ-Деакъ, всѣхъ присутствовавшихъ епископовъ поразилъ своею сильною рѣчью противъ іезуитства и ультрамонтантства священникъ Мартинъ Кути. «Скоро, сказалъ онъ между прочимъ, совершатся событія, которыя рѣшатъ—должна ли погибнуть католическая церковь за этой недостойной партіей, которая противорѣчитъ духу чистаго Евангелія, которая ведетъ борьбу противъ свободы и науки, противъ истины и свѣта, и противъ современнаго состоянія государствъ». Такая смѣлая выходка, естественно, не могла не встрѣтить возраженія со стороны другихъ членовъ конгресса: но уже довольно того, что подобнаго рода протестаціи становятся возможными, о чемъ прежде нельзя было и подумать. А тутъ, на бѣду церкви, внѣ которой не полагается спасенія, стало усиливаться движеніе въ церкви англиканской, склоняющейся къ соединенію съ церковію восточной; а тамъ, на востокѣ, армяне входятъ въ союзъ съ православными греками, къ вящшему огорченію пропагандиста папизма, монсиньора Скаккапьетра.

А между тѣмъ въ Римѣ все съѣзжаются, да съѣзжаются разные монсиньоры изъ in partibus infidelium. Кстати, считаемъ не лишнимъ объяснить это, часто встрѣчающееся, выраженіе для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые не совсѣмъ знакомы съ обычаями папскаго пре-

стола и устройствомъ римской iерархiи. Даже забавно, что какъ только открывается новая страна, и названiе ея появляется въ географическомъ словарѣ, Римъ тотчасъ же дѣлаетъ распоряженiе—къ какой католической епархiи ей принадлежать, или просто организуетъ въ ней новую отдѣльную епархiю. Такое мечтательное раздѣленiе территорiи вполнѣ зависитъ отъ папы, и онъ преспокойно распоряжается судьбами этихъ вновь открытыхъ земель, хоть, можетъ быть, пройдутъ вѣка, прежде чѣмъ жители этихъ земель узнаютъ не только о томъ, что для нихъ уже есть епископъ, но даже о томъ, существуетъ ли на свѣтѣ папа. Впрочемъ, въ Ватиканѣ мало заботятся о дѣйствительномъ обладанiи; тамъ имѣется въ виду только показать, что папа имѣетъ право распоряжаться всѣмъ на свѣтѣ. Конечно, есть епископы, на столько свѣдущiе въ географiи, что знаютъ, гдѣ находится ихъ епархiя; но бываютъ и такiе, которымъ неизвѣстно въ какой части свѣта отыскивать ее. Но какое до этого дѣло! Онъ епископъ, онъ присутствуетъ съ митрой на головѣ въ папской капеллѣ; а папа очень доволенъ, что его окружаютъ епископы всего мiра. Ostenduntur res, говорилъ когда-то Тацитъ, non possidentur! Области, въ которыхъ папству не удалось еще установить свою церковную организацiю, и называются in partibus infidelium, то есть, въ странахъ невѣрныхъ, или сокращенно—in partibus.

Иностранцы уже стеклись въ Римъ, и еще ничего не видя, а ужъ дороговизна страшная, особенно на квартиры. На счетъ отмѣны карнавала римляне нѣсколько успокоиваются, утѣшая себя тѣмъ, что уличныя сатурналiи будутъ замѣнены религiозными процессiями, и для итальянца это все равно; лишь бы было на что поглазѣть и за чѣмъ побѣгать.

(*Христ. Чт.*)

Размышленiя по поводу римскаго собора.

8-го декабря 1869 года предложено всему мiру зрѣлище, какого онъ не видалъ въ продолженiи уже болѣе трехъ-сотъ лѣтъ. Мы съ намѣренiемъ сказали „зрѣлище," потому что изъ настоящаго римскаго собора едва-ли выйдетъ что нибудь больше зрѣлища. Для всѣхъ разсудительныхъ, для всѣхъ серьезныхъ и

покорныхъ христіанъ зрѣлище это будетъ трагедіей. И если папы думаютъ, что пьеса, которую они ставятъ, окончится такъ, какъ оканчивается комедія,—браками, и что міръ съ всего времени повѣритъ, будто самъ Духъ Святый сочетался съ папою и будто папы со Святымъ Духомъ составляютъ одно, — на самомъ дѣлѣ христіанство почерпнетъ, можетъ быть, изъ этого зрѣлища совершенно противоположное убѣжденіе, именно, что Духъ Святый совершенно удалился отъ римской церкви.

Если Римъ разсчитываетъ на исторію догматовъ, фабрикованныхъ имъ на средневѣковыхъ соборахъ и особенно на соборѣ тридентинскомъ, то онъ слишкомъ много предполагаетъ въ своихъ вѣрующихъ. Эти соборы предписывали ученіе и издавали законы, во многомъ противорѣчащіе не только священному Писанію и истинному христіанству, но и простому здравому человѣческому разсудку. Что другое можно сказать о 4-мъ латеранскомъ соборѣ, бывшемъ въ 1215 году, при папѣ Иннокентіи III, который (соборъ) *несомнѣнно* вѣритъ, что римская церковь, по опредѣленію самаго Господа, есть матерь и наставница *всѣхъ* вѣрующихъ 1). Между тѣмъ всякій, кажется, знаетъ, что уже существовали тысячи вѣрующихъ прежде, чѣмъ римская церковь только была основана. Такимъ образомъ совершенно невозможно, чтобы римская церковь была имъ матерію и наставницею, потому что мать, по самой природѣ вещей, должна быть старше и слѣдовательно должна существовать прежде своихъ дѣтей. И какая нужна была самонадѣянность, чтобы такое безсмысленное ученіе основывать на самомъ словѣ Божіемъ! А между тѣмъ римскіе католики признаютъ этотъ догматъ и вѣрятъ въ него до настоящаго дня. Онъ находится во всѣхъ катихизисахъ, во всѣхъ учебникахъ римско-католической религіи, во всѣхъ молитвенникахъ и книгахъ для назиданія; онъ проповѣдуется въ церквахъ съ каѳедръ и преподается въ школахъ. Всѣ римскіе католики въ одинъ голосъ кричатъ: „Римская церковь есть мать и наставница всѣхъ вѣрующихъ, по опредѣленію Господню.“ И не ужели то, что единодушно исповѣдуютъ эти тысячи и милліоны голосовъ, есть ложь? Конечно ложь. Христіанство—религія ума и чувства, но ни умъ, ни чув-

---

1) Romana Ecclesia disponente Domino cunctorum fidelium mater est et magistra.

сию ничего не хочетъ о такомъ небесномъ дѣятелѣ. Христосъ единъ есть Отецъ и Учитель всѣхъ вѣрующихъ и если папа со всею римскою церковію не слушаетъ этого Учителя, то они не члены тѣла Христова.

До какой степени, по истеченіи дальнѣйшихъ трехъ столѣтій, дошло извращеніе христіанства, всего яснѣе показываетъ намъ булла „Pastor aeternus,“ обнародованная папою Львомъ X на пятомъ р.-католическомъ вселенскомъ латеранскомъ соборѣ, 19 декабря 1515 г. Тутъ даже и не римская церковь является матерію и наставницею всѣхъ вѣрующихъ, а просто папа. „Не только изъ свидѣтельства священнаго Писанія, изъ изреченій святыхъ отцевъ и другихъ римскихъ епископовъ и нашихъ предшественниковъ, изъ опредѣленій священныхъ каноновъ, но и изъ вѣроисповѣданія самихъ этихъ соборовъ совершенно очевидно, что римскій епископъ наличнаго даннаго времени, какъ имѣющій авторитетъ выше всѣхъ соборовъ, одинъ имѣетъ полное право и власть назначать соборы, переносить и распускать ихъ“ (Solum romanum pontificem, pro tempore existentem, tamquam auctoritatem super omnia concilia habentem, tam conciliorum indicendorum, transferendorum ac dissolvendorum plenum jus ac potestatem habere, nec dum ex sacrae scripturae testimonio, dictis sanctorum patrum ac aliorum romanorum pontificum, etiam praedecessorum nostrorum, sacrorumque canonum decretis, sed propria etiam eorundem conciliorum confessione manifeste constat).

Можно-ли себѣ представить злоупотребленіе священнымъ Писаніемъ болѣе грубое, чѣмъ какое содержится въ этомъ опредѣленіи римскаго собора, объявленнаго вселенскимъ? Гдѣ во всей библіи можно найти хоть слабый слѣдъ того, что римскій епископъ, и только онъ одинъ, стоитъ выше соборовъ и имѣетъ право созывать ихъ, переносить и распускать? Священному писанію извѣстенъ только одинъ соборъ — іерусалимскій. Но на немъ предсѣдательствовалъ и имѣлъ наибольшее вліяніе не Петръ, который пожалуй до этого еще и въ Римѣ не былъ, а Іаковъ братъ Іисуса Христа. И не смотря на все это весь католическій міръ скоро подчинился этому произвольному папскому опредѣленію и повѣрилъ, что въ священномъ Писаніи должно находиться ученіе о превосходствѣ папской власти надъ соборною, хотя обыкновенный человѣческій глазъ и не въ состояніи видѣть этого. Впрочемъ, папское самодержавіе

гораздо болѣе острымъ зрѣніемъ и скорѣе сверхъестественнымъ свѣтомъ Духа Святаго, вслѣдствіе чего папа и можетъ увѣрять, что даже „совершенно ясно" (manifeste) усматриваетъ то, что сокрыто отъ слабаго зрѣнія всѣхъ другихъ! Въ состояніи этого высокаго просвѣтленія папѣ Льву X-му превращаются въ библіи, подобно какой нибудь fata morgana, цѣлые соборы созванные, перенесенные и распущенные имъ самимъ и его предшественниками. Но вѣдь къ такимъ чудесамъ не привыкать стать было въ тѣ времена; каждая простая монахиня могла совершать ихъ въ своихъ видѣніяхъ; отчего же не могъ совершать ихъ и папа.

Уже не трехъ столѣтій, а только трехъ десятилѣтій достаточно было, чтобы вывести все зданіе римскаго католицизма, послѣ того, какъ весь нужный матеріалъ былъ собранъ впродолженіе варварскихъ средневѣковыхъ временъ кропотливымъ трудомъ схоластиковъ, сподручниковъ папскихъ. Попытка къ этому и была сдѣлана въ Тридентѣ. Каждый камень, котораго нельзя было пригнать, немедленно отбрасывался. Такая судьба постигла цѣлые народы и націи, особенно востокъ и Россію, а также большую часть Германіи. Болѣе четырехъ сотъ проклятій сопровождало отсѣченіе ихъ отъ зданія единой спасающей церкви (?). Появилась громадная пропасть, какъ между бѣднымъ Лазаремъ и богачемъ, и уже болѣе 300 лѣтъ отдѣляетъ римскихъ католиковъ отъ всего христіанскаго міра. Отъ времени до времени, какъ муэдзинъ съ вершины минарета, папа съ высоты своего дворца издаетъ слово увѣщанія, правда, до сихъ поръ безуспѣшно, всѣмъ блуднымъ своимъ сынамъ возвратиться въ нѣдра церкви. Но къ своему ужасу онъ видитъ, что въ его собственномъ домѣ становится болѣе и болѣе неспокойно, и что партія, которая съ каждымъ днемъ становится все могущественнѣе, замышляетъ свергнуть его самаго съ престола. Поэтому онъ намѣренъ, подобно Эолу, съ ужаснымъ „Quos ego!" броситься въ бурныя волны, конечно, рискуя при этомъ погубить свой корабль въ морской пучинѣ.

Этимъ страшнымъ „Quos ego" разгнѣванный вицебогъ изъ Латерана вздумалъ, 8-го декабря 1869 года, запугать непокорныхъ дѣтей своей семьи, а особенно всѣ милліоны еретиковъ и схизматиковъ, которые уже давно отказались повиноваться ему. Чтобы этому акту придать особенную торжественность, а своимъ словамъ

больше вѣса, кромѣ окружилъ себя блестящимъ собраніемъ вѣрныхъ своихъ. И всякій, кто только можетъ громко кричать, кто только владѣетъ широкимъ горломъ, имѣетъ право голоса на этомъ собраніи. Его принимаютъ съ радостію, какъ бы сомнительны ни были его прочія способности. Вѣдь дѣло единственно въ томъ, чтобы, какъ можно большимъ числомъ прелатскихъ голосовъ прокричать папу непогрѣшимымъ и чтобы за тѣмъ воззваніе ко всѣмъ погибшимъ овцамъ о возвращеніи имѣло тѣмъ большее дѣйствіе. По извѣщенію газетъ, дворецъ, въ которомъ будутъ происходить эти маневры, построенъ vis-à vis съ Ватиканомъ и папа цѣлый день стоитъ у окна и радуется успѣхамъ постройки, потому что тутъ каждая новая балка, каждый новый камень, даже всякій гвоздь и всякая песчинка служатъ высокой цѣли—способствовать объявленію непогрѣшимости папы. Какое сладостное ощущеніе долженъ испытывать 76-лѣтній старецъ, когда онъ, пробудившись отъ сна и взглянувъ въ окно, говоритъ про себя, или своему секретарю: „Ebbene, questo è l'edificio, chi mi dichiará darbo breve infallibile!“

Это мы предпослали какъ введеніе, а теперь займемся болѣе точнымъ изслѣдованіемъ самого дѣла на соборѣ.

На этотъ соборъ католики возлагаютъ очень большія надежды, выраженіемъ которыхъ служитъ цѣлый рядъ епископскихъ брошюръ, уже появившихся въ Италіи, Франціи, Англіи и Германіи. Тотъ же радостный говоръ о самыхъ прекрасныхъ надеждахъ слышался на всѣхъ ультрамонтанскихъ собраніяхъ. Отголоскомъ увѣренности въ побѣдѣ служила вся ультрамонтанская пресса. На послѣднемъ собраніи „католическаго Verein'а Германіи,“ бывшемъ въ сентябрѣ 1868 года въ Бамбергѣ, городской священникъ Ибахъ фонъ-Линбургъ объявилъ, „что этотъ соборъ есть послѣдній якорь спасенія для вѣры и для европейской нравственности.“ Задача этаго собора состоитъ въ томъ, чтобы „слѣдовать по тому пути, на который съ такою славою вступилъ силлабусъ 8-го декабря 1864 года.“ Эти слова сопровождались бурными криками bravo почтеннаго собранія (Журналъ собран. стр. 110). А другой ораторъ, Hülskampen., изъ Мюнстера, редакторъ одного изъ самыхъ распространенныхъ богословско-литературныхъ журналовъ, увѣрялъ, что, въ скоромъ времени, когда вселенскій соборъ будетъ приближаться къ концу, весь міръ усли-

мить: non possumus. «И это non possumus дѣйствительно спасетъ міръ; или иначе его уже ничего не можетъ спасти». Этому излiянiю тоже отвѣчали живыми криками bravo. — «Быстрыми шагами приближается къ окончанію эта великая эпоха 8-го декабря 1869 года», замѣтилъ недавно французскій Monde (№ 128, 12 мая). — Нѣтъ недостатка и въ такихъ лицахъ, которыя протестантамъ и востоку совѣтуютъ лучше возвратиться къ любвеобильной матери — римской инквизиціи, всегда простирающей, подобно молоху, свои руки къ обреченнымъ на жертву дѣтямъ, чѣмъ подпасть новому проклятію и тѣмъ во всякомъ случаѣ еще болѣе затруднить свое возвращеніе. „Къ чему еще раздѣленіе церквей? спрашиваетъ президентъ Бонифаціева Verein'а въ Германіи, епископъ Мартинъ Падерборнскій. Къ чему еще отдѣленіе отъ апостольской церкви?" „Почему не возвратиться къ ней?" Спрашиваетъ въ другомъ сочиненіи (стр. 18) прелатъ Волинскій. „Всѣ противники истины, думаетъ французскій Monde (№ 140, 25 мая 1869 г.), боятся собора, предвидя анаѳему, которая неизгладимо заклеймитъ ихъ безбожныя ученія."

И дѣйствительно, кто не побоится такого собранія! Всѣ сдѣланныя приготовленія къ нему показываютъ, что дѣло будетъ состоять въ насиліяхъ, а не въ основательномъ изслѣдованіи, которое выслушало бы всѣ объясненія противниковъ и дало бы имъ свободно и откровенно высказаться. Массы католицизма всѣхъ странъ, въ болѣе новое время, послѣ тридентинскаго собора и великихъ религіозныхъ войнъ, успѣли нѣсколько поохладиться въ своемъ рвеніи; въ протестантахъ и восточныхъ христіанахъ, которые прокляты, какъ еретики и схизматики, онѣ начинаютъ видѣть хорошихъ сосѣдей и искреннихъ христіанъ. Теперь пора имъ напомнить, что это съ ихъ стороны грубое заблужденіе, что осужденный папою никогда не можетъ быть хорошимъ христіаниномъ, съ которымъ можно было бы католикамъ заключать истинную дружбу, что, напротивъ, есть зараженное ядомъ существо, котораго по возможности надобно бѣгать. На самомъ дѣлѣ, отъ новаго возбужденія этаго фанатизма, государства и отдѣльные граждане опасаются ужасныхъ послѣдствій для націй, народовъ, семействъ и личностей, и — съ основательною боязнію ожидали собора, на которомъ религіозный фанатизмъ снова облегся въ одежду добродѣтели и антихристіанскія проклятія на братьевъ, внушенныя

властолюбивыми интересами, представлены на манеръ католицизма, какъ изрѣченія Святаго Духа. Каждый патріотъ, каждый сторонникъ порядка и спокойствія, наконецъ всякій, кто знаетъ о бѣдствіяхъ большихъ и малыхъ религіозныхъ войнъ, не можетъ по всей справедливости быть другомъ этого собора! Правда, познанія и добродѣтели собравшихся отцевъ не очень опасны. Но за то опасны ихъ невѣжественное высокомѣріе, властолюбивое фарисейство, слѣпое объявленіе еретиками тѣхъ, на которыхъ никогда не смотрѣли безъ предъубѣжденія и не хотѣли поближе узнать. Объ этомъ невѣжествѣ, объ этомъ фарисействѣ и объ этомъ ослѣпленіи наилучшимъ образомъ свидѣтельствуютъ уже вышедшія въ свѣтъ брошюры католическихъ епископовъ и прелатовъ.

Для всякаго, достаточно знакомаго съ церковною исторіею на самомъ дѣлѣ не можетъ быть ничего возмутительнѣе и противнѣе, какъ лицемѣрно благочестивый, фальшиво нѣжный, повидимому совершенно отеческій тонъ этихъ жалкихъ произведеній: нѣтъ въ нихъ и слѣда сколько-нибудь глубокаго историческаго изслѣдованія, или искренней скорби о безчисленныхъ соблазнахъ, причиненныхъ братьямъ христіанамъ собственными, домашними злоупотребленіями. Совершенно напротивъ,—дерзкое отрицаніе ихъ или прикрытіе съ помощію лжи, столь же ложное убѣжденіе въ мнимыхъ добродѣтеляхъ и преимуществахъ своей партіи, и въ столь же мнимыхъ недугахъ и недостаткахъ у ихъ противниковъ:—вотъ содержаніе этихъ литературныхъ издѣлій! Нигдѣ нѣтъ полнаго признанія чуждаго добра: оно или заподозрѣвается, или унижается. За то вездѣ хвастливое восхваленіе своего, хотя далеко несовершеннаго. Униженные предъ папою до презрѣнія, лишенные своихъ правъ, которыхъ они не хотѣли отдать законнымъ владѣтелямъ ихъ, государямъ своимъ, а между тѣмъ не въ силахъ были и удержать ихъ за собою, католическіе епископы и прелаты старались убѣдить своихъ чадъ покориться тому же игу папства и потому преставляли папу, какъ источникъ всякаго совѣта и всякой истины, всего добраго, справедливаго и прекраснаго, внѣ общенія съ которымъ (папою) только зло, беззаконіе, безобразіе, тьма и ложь. Вотъ короттенькая характеристика всей современной епископской литтературы, особенно брошюръ о настоящемъ соборѣ!

Правда, явилось уже нѣсколько сочиненій, гораздо лучшихъ,

объ этомъ предметѣ, хотя также католическихъ авторовъ, но гораздо лучшихъ и съ совершенно инымъ направленіемъ. Но онѣ писаны не епископами и почти всѣ, тотчасъ по своемъ появленіи, попали въ index, или ожидаютъ этого; между тѣмъ какъ самыя жалкія издѣлія епископовъ усерднѣйшимъ образомъ рекомендуются вѣрующимъ. Недавно появилось сочиненіе подъ заглавіемъ *„Предстоящій вселенскій соборъ и истинныя потребности церкви. Слово ко всѣмъ истиннымъ христіанамъ духовнымъ и свѣтскимъ. Іена 1369“* 1). Оно принадлежитъ одному католическому духовному лицу, которое, къ сожалѣнію, не могло назвать себя по имени. Это показываетъ, что нѣтъ недостатка и въ католикахъ, которые очень хорошо сознаютъ потребности своей церкви, но не всегда могутъ говорить изъ-за своихъ епископовъ. Это сочиненіе заслуживаетъ, чтобы его перевели на всѣ языки, и мы думаемъ оказать почтеннымъ читателямъ небольшую услугу, помѣстивши здѣсь нѣкоторыя извлеченія изъ него.

„Среди измѣнчиваго теченія всемірной исторіи,“ говоритъ ученый католикъ (стр. II) „прошла церковь свои разнообразные фазисы. А теперь развѣ она достигла уже совершенства и законченности? Нѣтъ, церковь теперь дальше отъ этой цѣли, чѣмъ когда-либо. Если же, то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ, какой-нибудь благочестивый христіанинъ, въ простотѣ вѣры, или какой-нибудь властелинъ въ іерархіи, въ самодовольномъ чувствѣ собственнаго достоинства и славы, видитъ состояніе церкви въ розовомъ свѣтѣ, то можно только сожалѣть о близорукости и слѣпотѣ того и другаго.“ Этотъ римскій католикъ очевидно далекъ отъ того, чтобы свою церковь считать идеаломъ совершенства и святости, къ которой должны примкнуть всѣ люди, подъ опасеніемъ лишиться спасенія души. Онъ хочетъ, чтобы въ настоящемъ соборѣ приняли участіе особенно христіанскіе государи, въ лицѣ своихъ представителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы и всѣ образованные міряне, совершенно какъ въ первые вѣка христіанства, были допущены къ заявленію своихъ желаній и потребностей, потому что на истинно вселенскомъ христіанскомъ соборѣ должны имѣть своихъ представителей также и *всѣ* христіане. Но всего

1) Das nächste allgemeine Concil und die wahren Bedürtnisse der Kirche. Ein Wort an alle wahren Christen geistlichen und weltlichen Standes. Wenigen-lere 1869.

нужно, чтобы соборъ былъ независимъ и чтобы впередъ никакая отдѣльная нація, напримѣръ, романская, не управляла другими, какъ на тридентинскомъ, который, съ самаго начала своего и до окончанія былъ лишь орудіемъ папской власти, и на которомъ не могъ быть даже допущенъ къ обсужденію ни одинъ вопросъ, пока онъ не былъ предложенъ папскими легатами, или пока о немъ предварительно не были взяты инструкціи изъ Рима. Какая тутъ была возможна реформа, когда единственнымъ судіею на соборѣ была именно та сторона, которая всего болѣе нуждалась въ реформѣ. Поэтому авторъ всѣмъ членамъ настоящаго собора внушаетъ: „здѣсь долженъ господствовать духъ свободы и братской любви. Гдѣ есть властолюбіе съ одной стороны и рабское настроеніе съ другой, тамъ нѣтъ Духа Божія; безбоязненно и мужественно оградить эту свободу преимущественно составляетъ вашу задачу, епископы Германіи и Америки! Не дозволяйте связать свободу рѣчи вашей, не допустите, чтобы римскіе монахи и богословы предлагали собору „brevi manu,“ только для подписи, совершенно готовые, односторонно редактированные декреты, безъ возможности изслѣдованій и разсужденій, какъ будто бы вся задача собора состояла только въ томъ, чтобы одобрять принятыя рѣшенія, а не въ томъ, чтобы принимать ихъ!“ Нѣтъ, продолжаетъ благонамѣренный католикъ, на васъ, германскіе мужи—ревнители церкви, наша надежда, наше упованіе! На настоящемъ соборѣ вы высоко поднимете знамя христіанской свободы и любви, чтобы потомъ не сказать вмѣстѣ съ пророкомъ: „Горе мнѣ, что я молчалъ; я человѣкъ съ устами оскверненными.“

Что же будетъ? Дадутъ ли дѣйствительно католическіе епископы свидѣтельство такого христіанскаго, благороднаго мужества? Навѣрное нѣтъ. Да они и не могутъ этого; для нихъ, признающихъ въ папѣ верховнаго намѣстника Христова, было бы оскорбленіемъ благоговѣнія къ нему, воспротивиться его желаніямъ и требованіямъ. На этомъ пунктѣ должна, со стороны католиковъ, потерпѣть крушеніе всякая серьезная реформа. Нѣтъ никакой возможности соглашенія и прочихъ церквей съ католицизмомъ, пока существуетъ этотъ догматъ. Главенство папы есть бездонная бочка данаидъ и ни одинъ католическій богословъ не можетъ съ точностью указать, какъ далеко простирается этотъ авторитетъ папы. Нѣкоторые, правда, различаютъ между существенными и

вещественными правами, но никто не может точно определить, что относится къ той и что къ другой категоріи. И именно въ настоящее время католическое епископство такъ порабощено папствомъ, какъ никогда не было: оно совершенно отказалось отъ своихъ правъ. Касательно отношенія епископовъ къ папѣ, выставляется такое ученіе, по которому всѣ некатолическіе епископы уже не могутъ считаться дѣйствительными епископами. Право папы утверждать епископовъ, явившееся только въ 13-мъ вѣкѣ, расширено на столько, что сама епископская власть представляется истекающею только отъ папскаго авторитета. Это ученіе, прямо противорѣчащее всей христіанской древности, совершенно открыто преподается во всѣхъ учебникахъ догматики и каноническаго права. Чего-же, при такомъ положеніи дѣла, ожидать отъ собора? А между тѣмъ, папа осмѣлился пригласить на него даже епископовъ восточной церкви! Но они навѣрное не будутъ на столько рабо-лѣпны, чтобы отказаться отъ своихъ святѣйшихъ правъ и пренебречь своими обязанностями въ угоду папскому властолюбію 1).

Число всѣхъ членовъ католической іерархіи въ настоящее время простирается по „annuario pontificio" до 981 прелата. Въ томъ числѣ 12 патріарховъ, 138 архіепископовъ, 728 епископовъ и болѣе 100 епископовъ in partibus. Если считать по націямъ, то тутъ 384 итальянца (изъ нихъ 40 кардиналовъ), потомъ 90 французовъ, 68 испанцевъ, 22 португальца, 77 южно-американцевъ, 52 сѣвероамериканца, 65 нѣмцевъ (изъ нихъ 45 австрійцевъ, 11 нидерландцевъ), 48 ирландцевъ и англичанъ, 20 въ Турціи и Греціи и еще нѣсколько армянъ, маронитовъ, сирійцевъ, русскихъ 2), поляковъ. Какъ видите, большинство состоитъ изъ итальянцовъ, на которыхъ римская курія можетъ расчитывать безусловно. Тотъ же характеръ имѣлъ уже тридентинскій соборъ. Тамъ было 187 итальянскихъ членовъ, а другихъ всѣхъ вмѣстѣ только 93! Да и въ этомъ числѣ было большинство романцевъ, именно: 34 испанца и португальца, и 26 французовъ. Таковъ образомъ тридентинскій соборъ, произнесшій отлученіе на весь восточный и протестантскій міръ, былъ не

1) Читателю Хр. Чт. памятны, конечно, отвѣты восточныхъ іерарховъ на адресованное къ нимъ приглашеніе изъ Рима.

2) Подъ русскими авторъ разумѣетъ, вѣроятно, уніатскихъ епископовъ изъ славянъ.

самомъ дѣлѣ только римскимъ конфессіональнымъ соборомъ. Того же характера, конечно, и настоящій вселенскій соборъ. Если бы хотѣли опредѣлять число членовъ по числу христіанскаго населенія, то 70 милліоновъ русскихъ должны бы имѣть 70 представителей, 40 милліоновъ германскихъ и англійскихъ протестантовъ — 40, 20 милліоновъ германскихъ и австрійскихъ католиковъ — 20, 35 милліоновъ французовъ — 35, 20 милліоновъ испанцевъ и португальцевъ — 20 представителей, и т. д. Но Римъ думаетъ совсѣмъ не объ этомъ, а только о возможномъ увеличеніи числа епископовъ, непосредственно преданныхъ его интересамъ, и о томъ, какъ бы удалить и по возможности сдѣлать безвредными всѣхъ остальныхъ. Уже на тридентинскомъ соборѣ, въ противорѣчіе съ прочими вселенскими соборами, не дозволило имѣть представителей тѣмъ изъ епископовъ Франціи и Германіи, которые не могли явиться лично; были рады, напротивъ, что большинство галликанцевъ и недовольныхъ германцевъ осталось въ сторонѣ.

Относительно предметовъ разсужденія на соборѣ, въ интересахъ соединенія христіанства, нѣкоторыми католиками, а особенно авторомъ упомянутаго сочиненія, дѣлаются самыя разумныя предложенія. Именно желаютъ, чтобы папа отрекся отъ свѣтской власти и отъ всякаго вмѣшательства въ свѣтскія дѣла, чтобы онъ отказался отъ права утверждать епископовъ въ ихъ должностяхъ, отъ дарованія разрѣшеній во всѣхъ тѣхъ вопросахъ и пунктахъ, въ которыхъ мѣстные епископы могутъ сдѣлать это гораздо лучше, какъ болѣе знакомые съ обстоятельствами или же имѣющіе больше возможности узнать ихъ, нежели римская курія. Потомъ требуютъ отмѣны безбрачія духовенства, отозвавшагося, по свидѣтельству исторіи, вредными послѣдствіями въ политическомъ и нравственномъ отношеніи; при всей великой пользѣ, какую оказало уже, въ продолженіи многихъ столѣтій, монашество въ дѣлѣ распространенія христіанства, наукъ, исполненія христіанской добродѣтели любви къ ближнимъ, распространеніе безбрачія на все духовенство, какъ это видимъ въ римской церкви и только въ ней одной, приноситъ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы. Всѣ безпристрастные католики находятъ также, что необходимо поднять научное развитіе клира, причемъ имѣютъ въ виду не столько развитіе отдѣльныхъ наукъ, сколько возбужденіе новаго духа — духа справедливости и любви ко всѣмъ прочимъ христіанамъ, и

ослабленіе духа ненависти и фарисейскаго самодовольства. „И такъ, къ дѣлу, друзья христіанства,— восклицаетъ католикъ, обращаясь къ членамъ своей церкви, — принимайтесь за работу! Вы, члены собора, вы, епископы и священники, примитесь за трудъ возстановленія святилища, разрушеннаго раздоромъ! Если вы и на этотъ разъ не сдѣлаете этого, то соединеніе произойдетъ и помимо васъ. Минуя папу и епископовъ, народы, раньше или позже, сами сдѣлаютъ, правда по своему, то дѣло, которое вы оставили въ пренебреженіи по лѣности, заслуживающей всякихъ проклятій. Не тогда исполнится слово Господне: „Вы соль земли; а когда соль испортится, то она годна только на то, чтобы выбросить ее вонъ на попраніе людямъ.“

Такая серьезная рѣчь слышится изъ устъ католика! Не утѣшительный ли это знакъ того, что духъ истины и справедливости еще не вымеръ и въ этой церкви? Но отъ собора чего можно ожидать? Будетъ ли онъ дѣйствовать въ такомъ же духѣ Христовомъ, въ духѣ покаянія и смиренія, въ духѣ любви къ братьямъ и сознанія собственныхъ немощей? Или же онъ будетъ думать только о томъ, какъ бы снова укрѣпить и возстановить падающія заставы и полуразвалившіяся стѣны, воздвигнутыя тридентинскимъ соборомъ, и какъ бы, если можно, возвести ихъ еще выше и толще. По всему, что только сдѣлано относительно приготовленій къ собору, и по фарисейскому тону пригласительныхъ посланій къ востоку и протестантамъ, надо къ прискорбію, ожидать послѣдняго. Но Духъ Святый, Котораго Христосъ—Господь поставилъ единою верховною главою Своей церкви, знаетъ, какъ обратить къ лучшему и это зло и это извращеніе. Всѣ истинно христіанскія сердца отрекутся отъ папства и соединятся съ тѣми, которые, не заявляя притязаній на непогрѣшимость и святость, исповѣдуютъ съ апостоломъ Павломъ: „я еще не достигъ, но стремлюсь.“ Только въ такомъ исповѣданіи собственной недостаточности и погрѣшимости, въ такомъ сознаніи необходимости постояннаго очищенія и обновленія заключается залогъ благословенія и преуспѣянія; между тѣмъ какъ всякая горделивая мечта о своей непогрѣшимости и святости влечетъ за собою проклятіе безплодія и разложенія.

А. П.

„Берлинская министерская провинціальная газета“ говоритъ о нынѣ-вселенскомъ римскомъ соборѣ слѣдующее: „Ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ опасаться за государство съ точки зрѣнія конституціи и законодательства, а также относительно политическаго и патріотическаго самосознанія нашего города. Но мудрость римской куріи должна прежде всего подумать о томъ, чтобъ отклонить соборъ отъ пути, который можетъ привести къ опаснымъ событіямъ. Голоса благоразумныхъ католиковъ, кажется, обратили уже на себя вниманіе въ Римѣ, и совѣты нѣмецкихъ, а также и другихъ епископовъ, вѣроятно, сильно повліяютъ на соборъ. Пусть же исполнится увѣренность епископовъ, что соборъ только обнародуетъ ученія, вполнѣ согласныя съ принципами справедливости, съ правами государства и ихъ правителей, съ законною свободою и благоденствіемъ народовъ.“

— Вселенскій соборъ, созванный Піемъ IX въ Римѣ, уже породилъ два анти-собора. Вотъ что пишутъ объ этомъ изъ Лондона, отъ 26 ноября, въ „Кельнскую газету:“ — Сегодня открылся въ Неаполѣ анти-соборъ людей свободно мыслящихъ, а въ Лондонѣ анти-соборъ протестантовъ; послѣдній, конечно, скоро разойдется точно также, какъ онъ случайно собрался. Между его членами всего болѣе представителей шотландскаго духовенства; ихъ первоначальной цѣлью было молить Бога о распространеніи Евангелія въ Испаніи, Португаліи и Италіи, а теперь они присоединяютъ къ этому молитву, чтобы Богъ просвѣтилъ собравшихся въ Римѣ пастырей католической церкви, просвѣтилъ, конечно, не въ духѣ Дюпанлу или Деллингера, но въ духѣ Куминга. Этотъ шотландско-пресвитеріанскій докторъ богословія прочтетъ сегодня, двѣ проповѣди, въ которыхъ онъ хочетъ нравственно уничтожить папство, послѣ того, какъ папа не дозволилъ ему доказать справедливость своихъ ученій передъ собранными въ Римѣ отцами католической церкви и произнести къ нимъ проповѣдь, съ цѣлью обратить ихъ на путь истины.

Въ подкрѣпленіе своихъ проповѣдей этотъ возвѣститель скораго свѣтопреставленія — которое, къ его огорченію, уже нѣсколько разъ не сбывалось — издалъ новое сочиненіе, которое изображаетъ „паденіе Вавилона, какъ оно раскрыто въ исторіи и въ пророчествахъ Евангелія,“ т. е. гибель католической церкви.

— Вопреки увѣреніямъ нѣкоторыхъ газетъ, будто бы Пій IX намѣренъ отказаться отъ провозглашенія непогрѣшимости папъ догматомъ католической вѣры, римскій корреспондентъ газеты „Times“ пишетъ слѣдующее:

Кардиналъ Боннэозъ, архіепископъ руанскій, приверженецъ галликанской церкви, отправился вскорѣ по прибытіи своемъ въ Римъ, къ папѣ, чтобы повергнуть къ стопамъ его святѣйшества свою преданность, и папа, въ продолженіи разговора, спросилъ его: „Что говорятъ во Франціи о соборѣ?“ — „Надѣются, отвѣтилъ кардиналъ, что труды его послужатъ къ благу вѣрующихъ.“

— Разскажите намъ какія нибудь частности, продолжалъ папа.

— Во Франціи питаютъ надежду, что дѣло собора будетъ дѣломъ примиренія.

— Скажите намъ что нибудь по подробнѣе, возразилъ папа. Я желаю знать, что говорятъ о нашей непогрѣшимости?

— Святой отецъ, отвѣтилъ кардиналъ Боннюзъ, такъ какъ вы спрашиваете такъ опредѣлительно, то я долженъ сказать вамъ, что всѣ надѣются, что она не будетъ провозглашена догматомъ.

Папа, помолчавъ немного, произнесъ съ сильнымъ волненіемъ:

„Ваше преосвященство всегда составляли намъ оппозицію. Я припоминаю, что при одномъ прежнемъ случаѣ вы возставали противъ возведенія въ догматъ ученія о непорочномъ зачатіи, но, благодареніе Богу, мы желали этого, и оно случилось. Мы хотимъ также, чтобы непогрѣшимость папы была объявлена догматомъ, а это совершится при помощи вліянія собора 1869 года.

Кардиналъ пробовалъ было возражать, но тщетно, и вскорѣ удалился сильно взволнованный.

— На улицахъ Рима никого не видно, кромѣ духовенства и солдатъ. Отнять у Рима солдатъ — значитъ обратить свѣтскую власть папы въ воспоминаніе. Настоящій видъ Рима производитъ на иностранца крайне тяжелое впечатлѣніе. За шесть станцій до Рима у путешественниковъ отбираютъ паспорты; полиція никого не впускаетъ и не выпускаетъ, и путешественникъ уже въ вагонѣ фактически становится плѣнникомъ римской полиціи. Всю Италію можно проѣхать безъ паспорта, въ Римѣ же каждый шагъ пріѣз-

жаго извѣстенъ полиціи. Изъ разговора, происходившаго между папою и французскимъ архіепископомъ Дюпанлу, видно, что намѣреніе папы возвести свою непогрѣшимость въ догматъ осталось непоколебимымъ, или что, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ онъ не обнаружилъ ни малѣйшаго желанія оставить эту мысль. Много говорятъ также и о *проклятіяхъ:* будутъ проклинать Италію за то, что ея народъ воспользовался своими неотъемлемыми правами и соединилъ съ Италіею область, которою папы нѣкогда завладѣли; будутъ проклинать все, въ чемъ выразился прогрессъ, а по идеи католическихъ фанатиковъ и обскурантовъ; соборъ возстанетъ противъ всего цивилизованнаго міра и проклянетъ его.

— Про папу разсказываютъ въ Римѣ слѣдующій анекдотъ: — Пій IX, который въ послѣднее время часто лично осматривалъ ходъ техническихъ работъ въ залѣ собора, какъ-то недавно, явившись туда, подозвалъ къ себѣ главнаго архитектора и сказалъ ему: „Я желалъ бы убѣдиться, какова акустика въ этомъ помѣщеніи. Потрудитесь взойти на ту трибуну. Я буду говорить, а вы мнѣ должны сказать, ясно ли вы разслышали мою рѣчь. Сказано, сдѣлано. Архитекторъ подобострастно взбирается на трибуну, а папа бормочетъ, въ разстояніи шаговъ сорока, нѣсколько словъ. Когда архитекторъ сошелъ съ трибуны и почтительно приблизился къ его святѣйшеству, папа спросилъ его: „Ну, синьоръ, разслышали ли вы что нибудь изъ моей рѣчи?“ Смѣшавшійся архитекторъ отвѣчалъ: „говоря откровенно, святѣйшій отецъ, ни единаго слова.“ Пій IX милостиво улыбнулся, и съ свойственной ему тонкой ироніей замѣтилъ, къ безпредѣльному изумленію архитектора: „Ничего, такъ будетъ ладно. Любопытнымъ, которые будутъ сидѣть тамъ наверху, на трибунѣ не нужно знать всего, что мы здѣсь внизу рѣшимъ. Я совершенно доволенъ этой акустикой.

(Совр. Лист.)

Открытіе въ Римѣ мнимо-вселенскаго собора.

8 декабря сего года суждено можетъ быть занять важное мѣсто въ исторіи католицизма: въ вѣчномъ городѣ происходило торжественное открытіе засѣданій такъ-называемаго „вселенскаго,“

въ сущности же — римско-католическаго собора, созваннаго папою Піемъ IX.

Мы уже имѣли случай указать на значеніе этого собранія пастырей католической церкви. Мы высказали мнѣніе, что нынѣшній соборъ, вмѣсто того, чтобъ уничтожить расколъ въ христіанскомъ мірѣ, какъ мечталъ добродушный и наивный Пій IX, можетъ, напротивъ, повести къ новому расколу въ самой католической церкви. Мотивы и элементы подобнаго раскола давно стали обозначаться, и мы обращали вниманіе читателей на нѣкоторые изъ нихъ.

Такъ нѣмецкіе епископы, собравшись въ Фульдѣ, составили заявленіе, въ которомъ они прямо говорятъ, что церковь не должна уживаться съ нею. Читатели помнятъ, вѣроятно, энергическій протестъ патера Гіацинта, и менѣе блестящій, но тоже довольно знаменательный, протестъ французскаго епископа Марè, противъ чрезмѣрныхъ притязаній ультрамонтанской партіи, противъ явнаго ея намѣренія стѣснить нравственную свободу членовъ собора.

Съ-тѣхъ-поръ, къ этимъ голосамъ присоединилось еще нѣсколько голосовъ, и притомъ еще болѣе вѣскихъ: чешское духовенство высказывается противъ провозглашенія на соборѣ догмата о непогрѣшимости папы; протесты противъ того опаснаго для католицизма направленія, которое желаютъ придать занятіямъ собора іезуиты, слышатся также въ окружныхъ посланіяхъ самыхъ вліятельныхъ французскихъ архіепископовъ: парижскаго — Дарбуа и орлеанскаго — Дюпанлу. Особенно любопытно заявленіе послѣдняго, который въ рѣшительную минуту направилъ свои удары на ту самую ультрамонтанскую партію, въ пользу которой самъ ратовалъ до настоящаго времени. Онъ обращаетъ вниманіе на опасенія, возбуждаемыя ея притязаніями въ различныхъ правительствахъ; напоминаетъ, что католическая церковь уже пришла въ столкновеніе съ свѣтскою властью въ значительнѣйшихъ католическихъ державахъ Европы — въ Австріи, Италіи, Испаніи, что подобныя же столкновенія легко могутъ возникнуть и съ самой могущественной покровительницей папской власти — съ Франціей. Предостерегая отъ высокомѣрныхъ притязаній, отъ нетерпимости, вообще отъ длиннаго ряда промаховъ, которые уже повели къ отпаденію многихъ народовъ и государствъ отъ римско-католической церкви,

онъ совѣтуетъ не потерять всего. Вмѣстѣ съ другими епископами, онъ убѣждаетъ коноводовъ ультрамонтанской партіи не раздражать католическихъ правительствъ провозглашеніемъ непогрѣшимости папы въ церковныхъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Архіепископъ Дюпанлу находитъ провозглашеніе этого догмата не меньшей мѣрѣ несвоевременнымъ, въ виду массы накопившагося почти во всѣхъ католическихъ государствахъ горючаго матеріала, который угрожаетъ охватить всеобщимъ пожаромъ зданіе католической церкви, провозглашеніе означеннаго догмата могло бы по его мнѣнію, оказаться весьма опасною искрой.

И однако, не смотря на всѣ эти предостереженія, исходящія даже отъ такихъ преданныхъ сыновъ католической церкви, какъ орлеанскій архіепископъ, газета „Civiltà Cattolica", органъ господствующей въ Римѣ и совершенно овладѣвшей папой іезуитской партіи, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Пій IX потребуетъ отъ епископовъ, собравшихся въ настоящее время въ Римѣ, провозглашенія догмата о непогрѣшимости папы. Увлеченный гибельными совѣтами ультрамонтановъ, папа, повидимому, самъ не сознаетъ, какую опасную дилемму онъ ставитъ этимъ своимъ требованіемъ. Одно изъ двухъ: или предложеніе это не будетъ принято, и папскому авторитету будетъ такимъ образомъ нанесенъ сильный ударъ въ глазахъ всѣхъ вѣрующихъ католиковъ, или же оно будетъ принято, и тогда католической церкви угрожаетъ еще большая опасность,— опасность новаго раскола въ средѣ ея, отпаденія многихъ, преданныхъ доселѣ, сыновъ ея.

Провозглашеніе догмата о непогрѣшимости папы имѣетъ гораздо обширнѣйшее значеніе для католическихъ государствъ, нежели вообще полагаютъ. Оно должно отозваться не только въ церковной сферѣ, но почти во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Въ государственной общественной и семейной жизни, въ наукѣ, литературѣ и искусствѣ—всюду можно найдти точки соприкосновенія съ „интересами католической церкви", съ ея дѣйствительными или мнимыми правами. Изъ всякаго свѣтскаго вопроса папѣ всегда легко сдѣлать вопросъ церковный, и рѣшить его сообразно съ догматомъ о своей непогрѣшимости. Духовныя лица должны будутъ, въ такомъ случаѣ, слѣпо исполнять подобныя рѣшенія, а всякому вѣрующему католику ежедневно придется на-

подвергнуться опасности — или поступить вопреки одному изъ основныхъ догматовъ своей религіи, или же объявить войну всему, что его окружаетъ—государству, обществу, наукѣ, цивилизаціи... Уже и въ прежнее время римская церковь провозгласила, что присяга, принесенная во вредъ церкви, необязательна для вѣрующаго католика; папы неоднократно пользовались этимъ правомъ въ своихъ личныхъ интересахъ, даже не имѣя за собою догмата о непогрѣшимости. Весьма естественно, что „непогрѣшимые“ папы будутъ поступать еще безцеремоннѣе съ свѣтскою властью, со всѣми стремленіями и симпатіями общества. Вотъ гдѣ кроется величайшая опасность для католической церкви.

Понятно, что ни народы, ни правительства не захотятъ подчиниться безапелляціонному приговору этого самозваннаго судьи. Понятно, что если въ XV и XVI вѣкахъ притязанія папъ, не прикрытыхъ авторитетомъ „непогрѣшимости“, повели къ отпаденію отъ римской церкви покрайней-мѣрѣ одной трети сыновъ ея, то въ XIX вѣкѣ правительства и общества не захотятъ отдать всѣ свои учрежденія, всю свою цивилизацію, все, что имъ дорого, на произволъ какого-нибудь мистика, фанатика или честолюбца, опирающагося на свою „непогрѣшимость“.

Вотъ почему мы считали себя въ правѣ сказать, что провозглашеніе соборомъ догмата о папской непогрѣшимости можетъ оказаться для папской власти и католической церкви еще болѣе опаснымъ, чѣмъ отказъ собора провозгласить такой догматъ.

(Спб. Пч.)

До сихъ поръ мы встрѣтили въ иностранныхъ газетахъ очень мало отзывовъ о римскомъ соборѣ и его дѣйствіяхъ. Приводимъ замѣчательнѣйшія о немъ извѣстія. Газета „Monde“ сообщила правила по которымъ должны быть ведены пренія вселенскаго собора. „Что насъ болѣе всего поразило въ этихъ правилахъ, замѣчаетъ газета „Nord“ это формальности, которыми окружается здѣсь право инициативы. Предложенія членовъ совѣта должны быть изложены письменно и подвергнуты разсмотрѣнію особой конгрегаціи, состоящей изъ кардиналовъ и отцевъ собора, избранныхъ самимъ папою. Они должны имѣть въ виду общее благо всего христіанства, а не выгоды того, или другаго епископства. Они должны сопровождаться объясненіемъ ихъ полезности и современ-

-ковъ. Они не должны содержать въ себѣ ничего противнаго постановленіямъ, преданіямъ церкви и ея вѣчнымъ истинамъ. Конгрегація, получивъ предложеніе, должна подвергнуть его тщательному разсмотрѣнію и предать папѣ вмѣстѣ съ своими заключеніями за или противъ принятія предложенія для того, чтобы глава церкви послѣ зрѣлаго размышленія рѣшилъ, должно ли оно быть допущено къ обсужденію собора. Этотъ арсеналъ формальностей почти совершенно уничтожаетъ право иниціативы. Предложенія должны быть одобрены папою и коммиссіями, учрежденными имъ же, прежде, чѣмъ явиться передъ собраніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всякое предложеніе, несогласное съ тенденціями преобладающей партіи, будетъ остановлено на полъ-дорогѣ и не дойдетъ по назначенію."

Газета „Times" слѣдитъ въ мельчайшихъ подробностяхъ за всѣми событіями въ Римѣ и дѣлаетъ изъ нихъ свои выводы. Слова, произнесенныя папою въ сикстинской капеллѣ въ присутствіи всѣхъ прелатовъ, какъ введеніе къ догмату о непогрѣшимости, слова, въ которыхъ онъ называетъ соборъ „гигантскимъ предпріятіемъ съ цѣлію найдти средство противъ столькихъ золъ, омрачающихъ современное христіанское и гражданское общество," сопровождаются въ газетѣ „Times" комментаріями на счетъ притязаній „римскаго владыки и намѣстника Господа на землѣ." „Окажутся ли аргументы папы достаточно сильными, спрашиваетъ газета „Times" съ горькою ироніею, чтобы заставить монсиньора Дюпанлу отказаться отъ своихъ галликанскихъ замысловъ, а кардинала князя Шварценберга смѣнить профессора Деллингера, работающаго у него? Подвигнутъ ли они еретиковъ и раскольниковъ примириться съ Римомъ, если имъ будетъ обѣщана за отреченіе отъ всякаго сопротивленія, за преклоненіе передъ папскою непогрѣшимостію, за принятіе ученій, противныхъ разуму и возмущающихъ человѣческую гордость, сладкая надежда увидѣть когда нибудь Францію, Австрію, Германію и Англію превращенными въ то совершенное христіанское и гражданское общество, образецъ котораго являетъ счастливая область, управляемая папою-королемъ." „Прусская Провинціальная корреспонденція," посвящаетъ длинную статью собору. „Вопросъ о непогрѣшимости папы имѣетъ не только религіозное, но и важное политическое значеніе. Возведеніе непогрѣшимости папы въ догматъ, говоритъ одинъ католическій писатель, придаетъ значеніе догмата вѣры ученію папъ со временъ Григо-

ріи VIII о подчиненіи государей и государствъ свѣтской и ва-тиканской власти римскаго престола. Каждый католикъ будетъ тогда обязанъ вѣровать, какъ въ откровенное ученіе, въ то, что папы должны пользоваться неограниченною властію надъ всѣми государями и властями, надъ всѣми государствами и общинами, что они могутъ самовластно вмѣшиваться во всѣ государственныя дѣла, смѣнять государей, уничтожать законы, располагать миромъ и войною. Въ самомъ „силлабусѣ“ заключаются воззрѣнія и ученія, безусловное принятіе которыхъ сильно потрясетъ отношенія католической церкви къ свѣтскимъ властямъ вообще. Среди заблужденій, которыя силлабусъ предаетъ проклятію, приводится, между прочимъ, мнѣніе, что церковь не въ правѣ прибѣгать къ насильственнымъ средствамъ, употреблять прямо или косвенно какую нибудь земную власть: какъ заблужденіе, предается проклятію мнѣніе, что въ наше время католическая религія не должна признаваться государственною религіею, исключающею всѣ другія вѣроисповѣданія, что, напротивъ, похвально было бы, если бы въ католическихъ земляхъ не-католикамъ воспрещать публичное отправленіе обрядовъ ихъ религій. Какое важное значеніе будутъ имѣть на соборѣ церковно политическіе вопросы, видно уже изъ того, что въ числѣ коммисій, назначенныхъ для приготовительныхъ работъ къ собору, была и церковно-политическая коммисія, составъ которой обличаетъ придаваемое ей значеніе. Опасность, которая можетъ возникнуть изъ рѣшеній собора въ указанномъ направленіи для отношеній между церковію и государствомъ, сильно волнуетъ умы и вызываетъ серіозныя опасенія среди самаго католическаго духовенства. Между нѣмецкими правительствами происходили въ теченіе нынѣшняго года по иниціативѣ Баваріи переговоры о томъ, не слѣдуетъ ли обратить вниманіе епископовъ и самаго собора на опасныя послѣдствія, которыя должно повлечь коренное измѣненіе нынѣ существующихъ отношеній между государствомъ и церковію, и не слѣдуетъ ли принять общаго образа дѣйствій относительно собора. Однако, правительства воздержались отъ всякихъ предварительныхъ мѣръ и заявленій. Можно, однако же заранѣе предсказать съ увѣренностію, что опасности, которыя предсказывали на религіозно-политической почвѣ, не осуществятся. Сами друзья католической церкви, конечно, нескорбѣли бы о торжествѣ, которое нарушило бы мирное и спокойное

отношеніе церкви къ государству и взаимный миръ населеній различныхъ вѣроисповѣданій. Мудрость римскаго престола должна была удержать соборъ отъ пути, который можетъ повлечь къ печальнымъ послѣдствіямъ.“

Галицкая газета „Слово“ сообщаетъ, что „вселенскій“ соборъ въ Римѣ пробудилъ въ нѣкоторыхъ изъ православныхъ галичанъ и угорцевъ давно угасшій духъ надежды возвратить своей церкви всѣ тѣ формы богослуженія и то начало церковнаго управленія, какими обладала она до начала подчиненія ея римской церкви. Главнымъ виновникомъ и двигателемъ такого дѣла православныхъ галичанъ является монахъ краснобродскаго монастыря Владиміръ Терлецкій. Описавъ положеніе своей церкви, именно, указалъ на отсутствіе живаго, естественнаго духа въ нѣкоторыхъ изъ обрядовъ и дѣйствій богослуженія съ введеніемъ паписма (какъ-то: замѣненіе пѣнія органами, введеніе монстранцій, опрѣсноковъ и т. п.), а въ церковномъ управленіи на отмѣненіе синодальнаго правленія и выборной системы, упомянутый іеромонахъ обращается ко всѣмъ своимъ собратамъ и проситъ ихъ принять живое участіе въ заявленіи „вселенскому“ римскому собору своихъ стремленій, относительно возвращенія прежнихъ церковныхъ формъ богослуженія и началъ церковнаго управленія чисто въ восточномъ духѣ. Именно, просилъ отъ собора римскаго, чтобы онъ, во-первыхъ, скорѣе разрѣшилъ православнымъ галичанамъ и угорцамъ приступить къ исправленію и приведенію онаго богослуженія въ его первоначальный видъ; во-вторыхъ, порядокъ церковнаго управленія образовать по древнему восточному началу; въ третьихъ, уніятскимъ епископамъ и духовенству предоставить всѣ тѣ права, какими пользуются латинскіе епископы и духовенство; въ четвертыхъ проситъ отъ собора разрѣшенія учредить одинъ патріархатъ изъ всѣхъ галицкихъ и угорскихъ епархій съ престоломъ патріаршимъ во Львовѣ.

(Сѣв. Пч.)

Ложныя выходки газеты «Revue des Deux Mondes» противъ Россіи.

„Revue des Deux Mondes“ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ числу наиболѣе распространенныхъ въ Европѣ журналовъ, имѣетъ

одна иностранная газета. Въ немъ помѣщаются прекрасныя статьи, прекрасныя какъ по мысли такъ и по слогу... Но, къ сожалѣнію, въ немъ есть одинъ недостатокъ, который портитъ дѣло: онъ не ко всему одинаково безпристрастенъ. Больше всего вредитъ ему его руссофобія. Онъ сталъ на эту дорогу еще во времена Орлеановъ, когда между абсолютисмомъ и свободою, дѣйствительно, шла открытая борьба, и борьба эта была тогда вполнѣ законна и нормальна, но съ тѣхъ поръ въ Россіи, какъ и во всей Европѣ, многое перемѣнилось; а „Revue des Deux Mondes,“ вооружившись польскими очками, продолжаетъ по прежнему ожесточенную войну, потерявшую теперь характеръ раціональной политической борьбы и обратившуюся въ слѣпую страсть, которая закрываетъ глаза передъ очевидностію. „Revue des Deux Mondes“ точно боится выпустить книжку журнала, въ которой не содержалось бы какой нибудь выходки противъ Россіи. Въ октябрской книжкѣ этого журнала о Россіи говорится, какъ о послѣднемъ убѣжище абсолютисма, военнаго деспотисма, грубой силы, варварства, обскурантисма, угрожающаго Европѣ. Всѣ силы цивилизаціи призываются противодѣйствовать неминуемой опасности, грозящей ей съ этой стороны. „Revue des Deux Mondes“ помѣщающій цѣлый рядъ прекрасныхъ статей на счетъ освобожденія невольниковъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ для достиженія этой цѣли пролиты цѣлыя рѣки крови, и издержаны цѣлые милліоны, не находится сказать двухъ словъ объ освобожденіи 20 милліоновъ русскихъ рабовъ, совершившемся безъ пролитія слезъ, кромѣ развѣ слезъ благодарности русскаго народа къ Царю-Освободителю. Серіозно и глубоко изучая успѣхи законодательства въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, журналъ этотъ дѣлаетъ видъ, какъ будто не замѣчаетъ цѣлаго ряда либеральныхъ реформъ, которыя въ царствованіе Императора Александра II совершенно преобразовали политическій и соціальный строй Россіи. Закрывая глаза на все это, онъ употребляетъ относительно Россіи старыя выходки 1830 и 1848 годовъ, не замѣчая, что Россія 1869 года ушла отъ тогдашней Россіи на два вѣка впередъ. Обратимся къ послѣднимъ его книжкамъ, изъ которыхъ въ одной помѣщены статьи о чехахъ и славянахъ Австріи, въ другой о руссинахъ Галиціи. Вѣнскому правительству и цислейтанскимъ нѣмцамъ французскій журналъ совѣтуетъ дать чехамъ и славянамъ полную національную автономію. То же самое рекомен-

дается галиційскимъ полякамъ относительно руссиновъ. Для чего же это? Для того, что это единственное средство подавить вліяніе *московскаго панславизма*. «Revue des Deux Mondes“ добивается ни болѣе, ни менѣе, какъ *соединенныхъ дунайскихъ штатовъ*. Онъ видитъ въ такой комбинаціи не только спасеніе Австріи, не только оплотъ Европы противъ нашествія московскаго панславизма, но еще средство къ распаденію россійской имперіи. Мы сами не разъ высказывались за федерацію славянскихъ племенъ Австріи и Турціи, но ожидаемъ отъ этой федераціи совершенно другихъ результатовъ для Россіи, чѣмъ ослѣпленный ненавистію къ нашему отечеству французскій журналъ.

Въ газетѣ „Times“ помѣщены два документа, пріобрѣтающіе интересъ въ слѣдствіе своего сопоставленія. Папа написалъ письмо къ вестминстерскому епископу, намекая ему косвеннымъ образомъ, что всѣ диссиденты будутъ приняты въ лоно церкви, если только они примутъ участіе во вселенскомъ соборѣ. Въ то же время патріархъ константинопольскій прислалъ архіепископу кентерберійскому письмо, исполненное негодованія противъ собора и „самонадѣянности“ римской церкви.

Въ среду 27 ноября (8 декабря новаго стиля) папа Пій IX торжественно открылъ засѣданія мнимо-вселенскаго собора. Телеграммы извѣщаютъ, что въ сказанной по этому случаю рѣчи папа пригласилъ энергически противодѣйствовать широкому заговору безбожниковъ, скрывающемуся подъ личиною стремленія къ свободѣ, направлять заблуждающуюся совѣсть человѣческую и позаботиться о спокойствіи монашескихъ орденовъ и монастырей римско-католической церкви, и о духовной дисциплинѣ. Это краткое извѣстіе не даетъ покамѣстъ полнаго понятія о рѣчи Пія IX, но духъ и стремленія его, какъ главы римской церкви, съ достаточною ясностію опредѣляются и въ этихъ немногихъ словахъ, переданныхъ телеграфомъ. Въ рѣчи ничего не упоминается о предстоящихъ сужденіяхъ по вопросу о непогрѣшимости папы; но эти сужденія папа очевидно предоставляетъ собственному почину епископовъ. Во всякомъ случаѣ, изъ предстоящихъ сообщеній, видно, что упомяну-

тому вопросу должно быть отведено немаловажное место въ разсужденіяхъ собора.

Итакъ давнишнее, задушевное желаніе Пія IX исполнено. Такъ называемый вселенскій соборъ открытъ, и теперь остается только ожидать последствій его деятельности на пользу римско-католической церкви. Мы не будемъ забегать впередъ и не станемъ произносить сужденій о будущихъ действіяхъ собора, которыя постараемся передать на столбцахъ „Современнаго Листка" въ возможной полноте, предпосылая имъ, когда найдемъ нужнымъ, свой собственный взглядъ на те или другіе вопросы, имеющіе составлять предметъ преній собора. Но не можемъ не повторить теперь высказанной уже не однажды мысли, что мы не ожидаемъ ничего хорошаго отъ разсужденій отцовъ собора. Если бы целію собора было серьезное, коренное преобразованіе недостатковъ римской церкви, то, можетъ быть, въ среде представителей ея нашлось бы достаточное большинство для того, чтобы положить конецъ тому неестественному и несообразному съ христіанскими началами положенію, которое представляетъ ныне эта церковь. Но для этого нужно слишкомъ много условій. Для этого нужно безпристрастно изследовать самыя основы римской церкви, подвергнуть тщательной критической оценке те начала, которыя ее создали, проследить ея исторію въ долгій періодъ ея существованія, разсмотреть ея внутреннее устройство и отношенія ея къ гражданскимъ обществамъ и къ государственнымъ началамъ какъ католическихъ, такъ и некатолическихъ странъ, сопоставить ученіе ея съ новыми началами, вошедшими въ жизнь обществъ и въ сферу науки, разоблачить жизнь монастырей и духовенства, и для устраненія накопившихся золъ уничтожить то, что составляетъ существенныя стороны римско-католической церкви,—то, безъ чего римская церковь перестала бы быть самой собою. Для этого нужно ни более, ни менее, какъ уничтожить светскую власть папы, отменить безбрачіе белаго духовенства, признать надъ церковію, съ ея внешней стороны, верховную власть государства, дать церкви соборное устройство, отменить индульгенціи и индексы, признать свободу мысли и совести, подчинить обрядъ ученію и букву духу, однимъ словомъ—возвратить церковь къ ея первобытному идеалу. Но разве это возможно при томъ образе мыслей, который всегда

высказывался какъ самимъ папой, такъ и слѣпыми его приверженцами? Мы знаемъ, что въ средѣ католицизма есть немало людей, имѣющихъ именно высказанное нами сейчасъ воззрѣніе на потребности церковнаго устройства; но лица эти единодушно предаваемы были проклятію римской куріи, какъ еретики, какъ возмутители противъ мнимо-божественныхъ правъ римскаго первосвященника. Мы знаемъ съ другой стороны, что папа и его приверженцы при всякомъ случаѣ высказывали безусловную необходимость поддержанія началъ противоположныхъ, тѣхъ, которыя довели римскую церковь до настоящаго бѣдственнаго ея положенія. Тоже самое высказано наконецъ папою и при открытіи собора. Какого же ждать результата отъ будущихъ разсужденій собравшихся нынѣ въ Римѣ епископовъ, кромѣ того, который становится единственно возможнымъ при такой обстановкѣ и при такихъ воззрѣніяхъ самого главы римской церкви?

Слѣпота римской куріи по истинѣ достойна глубокаго сожалѣнія. Она служитъ причиною общей ненависти самого римско-католическаго міра къ церкви. Эта ненависть къ несчастію, не ограничивается злоупотребленіями ея представителей; она идетъ гораздо дальше и распространяется на самую религію. Отсюда является та страшная реакція противъ религіознаго ученія, тотъ ужасающій матеріализмъ и безвѣріе, которыми болѣетъ самый центръ католицизма и которые широкимъ потокомъ разливаются на всю Европу католическую и некатолическую и на весь міръ. Недальше, какъ сегодня, мы прочитали въ только вышедшей декабрской книжкѣ „Вѣстника Европы" корреспонденцію изъ Флоренціи, въ которой авторъ, описывая глубокій упадокъ римско-католической церкви въ Италіи, безнравственность и невѣжество мѣстнаго духовенства, и интриги іезуитской партіи противъ всего, что дышетъ свободно,—съ нѣкоторымъ торжествомъ провозглашаетъ, что преподаваніе наукъ въ италіанскихъ университетахъ пользуется безграничной свободой, выражающейся между прочимъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: Молешотъ въ Туринѣ, братья Шифъ и молодой Герценъ (сынъ нашего эмигранта, издателя „Колокола") во Флоренціи безпрепятственно проповѣдуютъ съ каѳедры матеріализмъ; профессоръ Франки читаетъ въ Миланѣ лекціи о позитивизмѣ, а профессоры Вера и Спавенто въ Неаполѣ являются жаркими по-

поборниками ученія Гегеля, профессоръ санскритскаго языка и сравнительной литературы во флорентинскомъ институтѣ, въ своихъ публичныхъ лекціяхъ, разсматриваетъ Евангеліе исключительно съ точки зрѣнія мифа и эпопеи! Вотъ результатъ дѣятельности римской церкви, не въ пользу религіи (о религіи она всегда заботилась меньше всего), а въ пользу личныхъ интересовъ папы и духовенства. Мы намѣрены еще разъ возвратиться къ вышеупомянутой, чрезвычайно любопытной, корреспонденціи, а теперь ограничимся замѣчаніемъ, что когда дѣло зашло такъ далеко, то собравшемуся въ Римѣ собору епископовъ остается одно изъ двухъ: или подвергнуть римскую церковь коренному преобразованію въ смыслѣ, указанномъ нами выше, или, провозгласивъ догматъ непогрѣшимости папы, заявить свой безсильный протестъ противъ современнаго общества и разъѣхаться по своимъ епархіямъ. На мѣстѣ, посреди удобствъ домашней жизни, имъ будетъ сподручнѣе присутствовать при окончательномъ разрушеніи покачнувшагося зданія католицизма, а пребываніе въ Римѣ, пожалуй, будетъ для нихъ небезопасно: разлетающіеся обломки ветхаго зданія, чего добраго, могутъ раздавить ихъ.

(Совр. Лист.)

Упадокъ римско-католической церкви.

До какой степени нравственнаго упадка дошла римско-католическая церковь, лучше всего свидѣтельствуетъ корреспонденція изъ Флоренціи. Рисуя борьбу двухъ крайнихъ партій между собою, корреспондентъ говоритъ, что это двѣ силы, прямо отрицающія другъ друга, и что между ними не можетъ быть ни сдѣлокъ, ни соглашеній, какъ между свѣтомъ и тьмой, наукой и невѣжествомъ, свободой и деспотизмомъ, добромъ и зломъ. Кто же эти двѣ крайнія партіи, между которыми никогда не можетъ быть примиренія? Это либералы и клерикалы. Кому усвоено незавидное преимущество быть представителемъ тьмы, невѣжества, деспотизма и зла? — Клерикальной партіи, т. е. той партіи, которая дѣйствуетъ подъ знаменемъ церкви и религіи! Не ужасно ли одно это сопоставленіе всего дурнаго и темнаго въ человѣчествѣ съ тѣмъ священнымъ установленіемъ, которое имѣетъ основателемъ своимъ Іисуса Христа и по самому

средству своему должно служить источникомъ свѣта, истины, свободы и добра? Но таково въ дѣйствительности положеніе, принятое римскою церковью и ея представителями по отношенію къ окружающему ее обществу, и такова глубокая порча, наложившая свою тлетворную печать на священное установленіе церкви. Отсюда становится понятною эта жестокая борьба, которая ведется на жизнь и смерть во всемъ католическомъ мірѣ и которая съ особенною силою проявляется въ Италіи, близъ самаго центра католицизма, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь выказывающаго свою безобразную наготу и заставляющаго чувствовать свое гибельное вліяніе на все, что ищетъ свободы и свѣта.

Въ Италіи самыя лучшія установленія дѣлаются безполезными или вредными, какъ скоро къ нимъ прикасается той или другой стороною церковь. Въ силу первой статьи италіанскаго уложенія, римско-католическое вѣроисповѣданіе объявлено господствующимъ въ Италіи, а прочія религіи признаются терпимыми. Подобная статья, что бы ни говорилъ корреспондентъ, весьма естественна въ государствѣ, исповѣдующемъ римско-католическую религію, какъ естественно въ Россіи признанія православной вѣры господствующею. Но у насъ такое постановленіе служитъ источникомъ государственной силы и прочною основою народности, между тѣмъ какъ въ Италіи первая статья уложенія подаетъ поводъ къ непрерывной борьбѣ государства съ церковью и къ величайшимъ злоупотребленіямъ со стороны духовенства. Такимъ образомъ, во всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ преподается катихизисъ съ основными правилами христіанскаго (подразумѣвается: іезуитскаго) ученія и священная исторія, безъ всякаго соображенія того, къ какому вѣроисповѣданію принадлежатъ обучающіяся тамъ дѣти. Солдаты по праздничнымъ днямъ обязаны присутствовать при отправленіи католическаго богослуженія, какую бы вѣру сами ни исповѣдывали. Разъ въ году каждый домъ, независимо отъ вѣроисповѣданія его обывателей, непремѣнно освящается римско-католическимъ священникомъ. Въ городахъ и общинахъ устраиваются публичныя процессіи съ предписаніемъ отъ мѣстныхъ властей, насколько каждый изъ обывателей долженъ въ нихъ участвовать, причемъ не исключаются и тѣ, которые не принадлежатъ къ римско-католической церкви. При составленіи контрактовъ, всегда призывается въ свидѣтели Христосъ и упоминается имя царствующаго

го-нами, хотя бы составляющія контрактъ лица были евреи. Присяга всегда принимается надъ евангеліемъ какъ отъ христіанъ, такъ и отъ не христіанъ. Умершему безъ напутствія священника отказывается въ погребеніи рядомъ съ предками, если послѣдніе почили въ мирѣ съ церковью. Сельскія кладбища, а равно и тѣ, которыя находятся при маленькихъ городкахъ, устроены исключительно для католиковъ: исповѣдующіе при жизни другую религію—по смерти не имѣютъ права на приличную могилу; ихъ хоронятъ за чертой кладбища на неосвященной землѣ.

До какой степени невѣжественна и безнравственна масса духовенства въ Италіи, можно видѣть изъ слѣдующаго. Священники большею частію всѣ изъ крестьянъ, призваніе которыхъ въ дѣтствѣ опредѣляется весьма оригинальнымъ способомъ. Накрываютъ столъ и ставятъ на немъ съ одной стороны жаренную курицу, а съ другой рисовую кашу. Затѣмъ зовутъ ребенка и смотря по тому, къ которому онъ блюду подойдетъ, рѣшаютъ, чѣмъ ему быть, крестьяниномъ или священникомъ. Въ послѣднемъ случаѣ его помѣщаютъ въ семинарію, гдѣ ему даютъ весьма поверхностное образованіе, а затѣмъ заставляютъ произнести обѣтъ. Молодой человѣкъ такимъ образомъ беретъ на себя отправленіе духовныхъ обязанностей точно также, какъ бы въ случаѣ нужды взялся за всякое другое ремесло. Обреченные на безбрачіе, эти священники по ремеслу то и дѣло подаютъ поводъ къ разнаго рода скандаламъ.

Результатъ подобнаго состоянія духовенства понятенъ. Между нимъ и обществомъ разверзается бездна, которую перейдти нѣтъ никакой возможности. Нѣтъ въ мірѣ страны, говоритъ корреспондентъ, гдѣ бы католицизмъ подвергался наибольшему поруганію, чѣмъ въ Италіи, этомъ благословенномъ мѣстопребываніи главы всего католическаго міра. По тойже причинѣ, ничто не совершается въ Италіи такъ быстро и легко, какъ переходъ отъ идолопоклонства къ полнѣйшему безбожію. Въ разбитомъ идолѣ, совершенно естественно, не оказывается Бога, и невѣжественная толпа, смѣшивая понятія о томъ и о другомъ, на обоихъ спѣшитъ выместить свой гнѣвъ.

Такимъ образомъ между государствомъ и церковью, между обществомъ и духовенствомъ возникаетъ борьба, въ конечномъ результатѣ наносящая глубокій вредъ дѣлу религіи. Государство

подвергаетъ секвестру монастырскія имущества, уничтожаетъ монастыри, установляетъ гражданскій бракъ и веденіе метрическихъ книгъ отдаетъ въ свѣтскія руки, налагаетъ на духовенство наравнѣ со всѣми прочими гражданами, военную повинность, предоставляетъ самую широкую свободу распространенію антирелигіозныхъ ученій. Общество, въ жизни и въ печати, преслѣдуетъ представителей церкви безпощадными насмѣшками и разоблачаетъ всѣ тайны ихъ вредной для общества дѣятельности. Но за то и духовенство не дремлетъ. Братство св. Викентія де Паоли, заключающее въ средѣ своей главное ядро клерикальной партіи, подъ предлогомъ благотворительныхъ цѣлей, не пренебрегаетъ никакими, даже безчестными средствами, для торжества католической религіи. Члены братства дѣйствуютъ дружно, прислушиваются къ народнымъ толкамъ, присматриваются къ впечатлѣнію, какое производитъ на массу то или другое явленіе политической и общественной жизни и снова удаляются въ свои тайныя логовища строить новыя козни и приготовляться къ новымъ походамъ. Въ обществѣ членъ этого братства слыветъ за крайне либеральнаго человѣка, въ палатѣ подаетъ голосъ за самыя смѣлыя реформы; но затѣмъ, онъ сближается съ невѣжественными массами, шепчетъ имъ, что правительство дѣйствуетъ по наущенію діавола, и что оно ведетъ себя и страну къ вѣрной погибели. Законы обходятся съ клерикалами съ необыкновенной ловкостью. Такъ въ то время, когда происходили въ парламентѣ пренія по вопросу о секвестрованіи монастырскихъ имуществъ, многія изъ этихъ имуществъ дѣлались личной собственностью кого либо изъ членовъ монастырской корпораціи, неизвѣстно, въ силу какихъ договоровъ и условій. Когда былъ изданъ законъ о рекрутской повинности духовенства, клерикалы приглашали истинныхъ католиковъ къ пожертвованіямъ для выкупа изъ военной службы какъ можно большаго числа молодыхъ людей, предназначавшихъ себя къ духовному званію, и за то удостоились папскаго благословенія. Клерикальные журналы также дѣйствуютъ энергически и постоянно взываютъ къ обществу о необходимости жертвовать для благочестивыхъ цѣлей, за что жертвователямъ обѣщается полное отпущеніе грѣховъ. Одна клерикальная газета придумала для этого очень ловкое средство. Она печатаетъ у себя листки, готовые къ принятію 250 именъ, и разсылаетъ ихъ къ своимъ приверженцамъ съ тѣмъ, чтобы они воз-

пріношенія ихъ обращаемо уже наполненными требуемымъ числомъ подписчиковъ. Въ награду за это жертвователи получаютъ обѣщаніе, что листики съ ихъ именами будутъ поднесены папѣ на соборѣ, а затѣмъ сдадутся въ Ватиканъ, гдѣ и пребудутъ до окончанія вѣка въ качествѣ „золотой книги." Вообще, говоритъ корреспондентъ клерикальная партія отличается необыкновенной изворотливостью, умѣньемъ ловко отражать удары или быстро отъ нихъ оправляться и наконецъ рѣдкой изобрѣтательностью въ изысканіи средствъ къ своему процвѣтанію. Клерикалы охотно дали бы полное отпущеніе грѣховъ, остроумно замѣчаетъ корреспондентъ въ другомъ мѣстѣ, самому дьяволу, еслибъ онъ явился къ нимъ съ хорошо набитыми карманами.

Корреспонденція, изъ которой мы сдѣлали выше нѣсколько извлеченій, представляетъ вообще много любопытнаго и поучительнаго для православныхъ читателей, и мы никогда не кончили бы, если бы захотѣли указать на всѣ черты изъ жизни италіанскаго духовенства, приводимыя въ корреспонденціи. Не можемъ однакоже отказать себѣ въ удовольствіи привести еще слѣдующую черту. Для возбужденія благочестія въ народѣ, по мѣстамъ устраиваются публичные разговоры между двумя монахами. Одинъ исполняетъ роль ученаго, проникнутаго свѣтомъ истины, другой—невѣжды, отрицающаго все высокое и святое. Первый говоритъ по внушенію Духа Божія, второй произноситъ рѣчи, приличныя діаволу. Побѣда, конечно, всегда остается за вѣрующимъ, а противникъ его со стыдомъ, пораженный, удаляется съ поля сраженія. Народъ толпами устремляется на эти представленія, но вѣра его, повидимому, отъ этого нисколько не усиливается. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что значительное число молодыхъ римлянъ, составляютъ адресъ, который думаютъ поднести отцамъ собора, съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ свѣтской власти папы и объ учрежденіи въ Римѣ новаго правительства, болѣе либеральнаго и согласнаго съ требованіями настоящаго времени.

Разсуждая о соборѣ и о будущихъ притязаніяхъ духовенства, корреспондентъ дѣлаетъ весьма вѣрное замѣчаніе, что чѣмъ безумнѣе будутъ эти притязанія, тѣмъ убѣдительнѣе докажутъ они несовмѣстимость церковныхъ интересовъ съ тѣмъ, что составляетъ неотъемлемое право государства. Такимъ образомъ будетъ разомъ положенъ конецъ усиліямъ тѣхъ, которые все еще мечтаютъ

путемъ сдѣлокъ и уступокъ достигнуть прочнаго союза между церковью, *какъ она есть*, и государствомъ. Клерикальная партія пріобрѣтетъ себѣ тогда новыхъ противниковъ, которые, присоединясь къ людямъ здраваго смысла, могутъ только ускорить торжество цивилизаціи.

Такъ разсуждаютъ италіанцы, и точно къ такимъ же результатамъ прійдетъ и всякій здравомыслящій человѣкъ, не принадлежащій къ римско-католической религіи. Да, римская церковь, *какъ она есть*, никогда не будетъ въ союзѣ съ государствомъ, и цивилизація пойдетъ не тѣмъ путемъ, по которому идётъ эта церковь. Самое отрадное для человѣчества явленіе заключалось бы именно въ союзѣ государства съ церковью и въ томъ, когда бы цивилизація современнаго міра была проникнута идеею христіанства. Къ сожалѣнію, въ римско-католическихъ странахъ это сдѣлалось невозможнымъ, и нужно коренное преобразованіе римской церкви, въ томъ смыслѣ, какъ мы указали въ предыдущей статьѣ, для того, чтобы этотъ счастливый союзъ совершился. Но мы уже видѣли, насколько основательно разсчитывать на это, при настоящемъ положеніи дѣлъ въ римско-католической церкви.

(Совр. Лист.).

Отдѣлъ II. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаться будутъ, какъ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ:

а) Статьи по современнымъ вопросамъ.

б) Хроники: финансовая, торговая, промышленная, судебная, земская, литературная, художественная и проч., большею частію въ видѣ общихъ критическихъ обзоровъ русской и иностранной жизни въ извѣстные періоды времени.

в) Корреспонденціи—внутреннія и заграничныя.

Отдѣлъ III. Выдержки изъ иностранныхъ сатирическихъ изданій. Мелкія замѣтки, новости, шутки, пародіи, афоризмы и проч.

Освобожденіе отъ предварительной цензуры, уравнивая «Искру» въ правахъ съ другими періодическими изданіями, даетъ, наконецъ, редакціи возможность, дѣйствуя въ извѣстныхъ размѣрахъ самостоятельно, проявить то значеніе, которое можетъ и долженъ имѣть сатирическій журналъ въ Россіи.

Редакція усерднѣйше проситъ провинціальныхъ читателей, сочувствующихъ ея задачѣ, не оставлять ее своими корреспонденціями, хотя бы въ видѣ необработаннаго литературнаго матеріала.

Въ «Искрѣ» примутъ участіе слѣдующіе литераторы:

И. В. Андреевъ. — П. А. Бибиковъ.—В. П. Буренинъ.—В. И. Богдановъ.—М. А. Вороновъ.—П. И. Вейнбергъ.—Ѳ. Д. Гридининъ.—И. Ѳ. Горбуновъ.—Н. А. Демертъ.—Г. З. Елисеевъ (Грицко).—П. А. Ефремовъ.—Н. С. Курочкинъ.—А. П. Лукинъ.—В. В. Лесевичъ.—А. И. Левитовъ.—Д. Д. Минаевъ.—Н. А. Некрасовъ.—А. П. Пятковскій.—А. Н. Плещеевъ.—А. А. Потѣхинъ.— Ѳ. П. Рѣшетниковъ.—И. А. Рождественскій.—М. Е. Салтыковъ (Щедринъ).—М. М. Стопановскій.—А. М. Скабичевскій.—Н. М. Соколовскій.—В. А. Слѣпцовъ.—Г. И. Успѣнскій.—Н. В. Успенскій.—П. И. Шумахеръ.—Чечерскій.—П. И. Якушкинъ и др.

Для веденія иностранной хроники, редакція между прочимъ вошла въ сношеніе съ гг. **Анри Рошфоромъ**, **Луи Ульбахомъ** и **Альберъ Вольфомъ**. Кромѣ того, редакція полагаетъ въ будущемъ году печатать въ переводѣ сатирическія сказки **Эд. Лабуле**, одновременно съ ихъ появленіемъ въ оригиналѣ.

Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ*, въ книжномъ магазинѣ *Базунова*, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, д. Ольхиной; *въ Москвѣ:* въ книжномъ магазинѣ И. Г. *Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ, д. Загряжскаго. *Гг. Иногородные* благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: «*Въ редакцію* «**Искры**», *въ С.-Петербургѣ.*

Подписная цѣна: въ С.-Петербургѣ и Москвѣ (при подпискѣ въ конторахъ «**Искры**») **7 руб.**; съ доставкою на домъ въ Петербургѣ и съ пересылкою иногороднымъ **8 руб.**

В. Курочкинъ.

Содержание 10-ой кн. „Вѣстника западной России“ за 1869 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

Содержание 10-ой кн. „Вѣстника Западной Росси" за 1869 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.